Павел Багряк

ФИРМА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

1. ТУПИК

Ночь выдалась относительно спокойной: несколько пьяных портовых драк, дюжина уличных ограблений, угнанные автомашины, скандалы в ночных барах, квартирные кражи и с десяток элементарных убийств. Не пострадал никто из сильных мира сего, не понадобилось ни единой ищейки, остался нетронутым электронный мозг, который вывозили на место в тех исключительных случаях, когда не доверяли собственным мозгам, — короче говоря, все, что закономерно могло случиться этой ночью, уже случилось, грабители и убийцы уже огрызались или пускали слюни в полицейских участках, полным ходом шла бумажная волокита, составлялись протоколы допросов, описания мест происшествий и бесконечные рапорты, рапорты, рапорты…

Дежурство катилось к своему логическому концу.

Откровенно признаться, Гард терпеть не мог всей этой «мелочевки», которая могла быть крупной лишь для провинциальных городов, где жители по утрам раскланиваются, словно отдыхающие какого-нибудь приморского пансионата. Но для столицы с ее пятимиллионным населением все эти преступления были так же

закономерны, как голы в хоккее, летальные исходы в травматологических клиниках или страстные почитатели у самых бездарных литераторов. По этой причине «мелочевка» и не требовала личного вмешательства комиссара Гарда, с ней легко справлялась хорошо отлаженная автоматика оперативных действий; что же касается дежурного по городу, каковым в эту ночь был комиссар, то он мог наподобие Господа Бога свысока взирать на происходящее, лишь изредка коротким распоряжением подправляя ход вверенных его попечению дел.

Сидя в глубоком, уютном, располагающем к отрешенности кресле, Гард сладко потянулся, двумя руками поддел подтяжки и по старой привычке отпустил их, чтобы они звонко треснули по мощной грудной клетке, взбадривая замлевшее после долгого бездействия тело, затем нехотя глянул в окно.

Уже занимался серовато-голубоватый рассвет, и весь город, наблюдаемый с высоты двадцать седьмого этажа полицейского управления, где находился пост ночного дежурного, осторожно пропечатывался из тихо уходящей ночи.

Ну что ж, успел подумать Гард, вероятно, так и окончится дежурство без «изюминки», то есть без особого происшествия, способного, с одной стороны, огорчить комиссара, а с другой — порадовать его, как, например, хорошего хирурга одновременно и огорчает, и радует какой-нибудь замысловатый перелом ноги, с которым хоть и трудно, но недурственно повозиться, как вдруг на пульте в секторе самого фешенебельного района города вспыхнула и замигала красная лампочка тревоги. Тотчас из динамика послышался умеренно взволнованный голос:

— Докладывает «двенадцатый»! Происшествие на улице Возрождения, 38! Происшествие на улице Возрождения, 38! Как слышите?

«Как слышу! — подумал Гард, прежде чем ответить. — К сожалению, прекрасно, но лучше оглохнуть, чем вникать в эти слова, и ослепнуть, чем видеть на пульте эти мигающие красные лампочки!» Словно пожарный, комиссар предпочитал провести ночь без единого пожара, хотя весь смысл его существования в том-то и заключался, чтобы гасить пламя преступности.

Внушительных размеров пульт, перед которым сидел Гард, сверкал множеством отполированных кнопок, дисплеев и сигнальных устройств. Здесь были самые совершенные средства связи, способные в течение секунд связать комиссара с любым пунктом страны, с любой группой оперативного действия, а вдобавок еще и выдать все мыслимые справки о любых совершенных преступлениях и преступниках, когда-либо попавших в поле зрения полиции. Так вот, несмотря на все это и еще на то, что Гард одним прикосновением мизинца мог пустить в дело подвижные оперативные отряды, дежурные машины с вертолетами и призвать на помощь уникальные «мозги», то есть несмотря на всю эту электронную технику и могущественный механизм государственного сыска, ничто в данный момент не могло заменить его, обыкновенного, в сущности, человека, имеющего глаза и уши, и многолетний стаж сыщика, и одно сердце, и всего пять органов чувств. По этой причине, когда случалось особое происшествие, голос какого-нибудь «двенадцатого» обращался в первую очередь к нему, комиссару Гарду, интересуясь при этом, как он слышит сообщение.

— Слышу, слышу, — будничным тоном произнес Гард. — Давайте дальше.

— Господин комиссар, — сразу узнав начальника, сказал «двенадцатый», заметно успокаиваясь, — докладываю! Патрульный услышал крики, доносившиеся из окна второго этажа, и на фоне опущенных штор видел силуэты двух людей. Они, похоже, боролись! Потом все смолкло и свет погас…

Смолк и голос «двенадцатого». Наступила пауза, в течение которой Гард успел придвинуть к себе микрофон и закурить сигарету. Затем он сказал спокойным и невозмутимым тоном:

— Что дальше?

— Не понял, господин комиссар? — мгновенно встрепенулся «двенадцатый».

— Я говорю, что дальше? — повторил Гард, не раздражаясь, за что, кстати, с ним любили беседовать по ночам все дежурные, даже те, которых в управлении называли «жевательными резинками». — Почему вы думаете, что произошло преступление?

— Извините, комиссар, я недосказал. Патрульный поднялся по лестнице и попытался проникнуть в квартиру. Дверь была заперта. Никто не отозвался. На всякий случай он вызвал по рации напарника и установил пост возле двери. Вскрывать не стал и доложил мне.

— Хорошо, — одобрил Гард. — А кто там живет?

— Квартира принадлежит Мишелю Пикколи, антиквару…

— Живет один? — перебил Гард.

— Да. То есть нет. Это его рабочий кабинет, а постоянно, с семьей, он жил на Фиалковой улице… извините, аллее…

— Почему «жил»? — быстро сказал Гард. — Вам известно, что он убит?

— Простите, комиссар. Вырвалось по привычке.

— Ваша фамилия, «двенадцатый»?

— Мартенс. Сержант Мартенс, комиссар.

— Понял, — сказал Гард. — Вам давно пора, сержант, сдавать на офицерское звание.

— Благодарю, господин комиссар, но до пенсии мне ближе…

— Ладно, не вешайте носа. — Гард почесал у себя за ухом, что он иногда делал, когда мысленно соглашался с собеседником, будь он в двух шагах от него или на другом конце селекторной связи. — Этот «рабочий кабинет» большой?

— Нет, комиссар. Холл, кухня и одна жилая комната с приличным сейфом.

«Все знает!» — подумал Гард, не без удовольствия слушая Мартенса и отмечая попутно, что старые кадры, не в пример молодым, куда более старательны, хотя порой и отстают от этого воистину несерьезного, но технически совершенного времени. Затем, приблизив к себе микрофон, тоном приказа сказал:

— «Двенадцатый», слушайте внимательно! Встречайте оперативную группу, она будет через тринадцать минут. Обеспечьте стерильность ситуации и обстановки!

— Вас понял, комиссар!

Гард коротким движением руки переключил линию и нажал кнопку тревоги. «Пикколи, Пикколи, — подумал машинально. — В первой десятке столичных антикваров, у него есть чем поживиться!..» В динамике тем временем послышался разочарованный голос инспектора Таратуры:

— Слушаю, господин комиссар…

— Хорошо выспались, Таратура?

— Хм! — ответил динамик. — Как вам сказать… Играем в вист.

— Жаль. Вам может понадобиться хорошо отдохнувшая голова. Берите группу и срочно на улицу Возрождения, 38. Антиквар Мишель Пикколи. Параллельно отправьте кого-нибудь на его основную квартиру, где-то на Фиалковой. Держите связь со мной. Вас встретит сержант Мартенс. Да, и возьмите с собой старину Фукса. Там сейф, и, возможно, еще придется вскрывать квартиру. Все!

Гард выключил микрофон и отметил выезд группы в контрольном журнале. Словно нарочно, чтобы не давать комиссару ни минуты на отдых, опять заработал селектор, и с разных концов города посыпалась «мелочевка», обычная для раннего утра: как только рассветает, на улицах появляются подметальщики и первые прохожие, и вот тут-то и начинают обнаруживаться разбитые витрины лавок и магазинов, спящие мертвецким сном пьяницы на садовых лавочках или в подъездах домов, а то и настоящие «мертвяки». В такие минуты Гард ощущал, как никогда, свое совершеннейшее бессилие перед лицом воистину ураганного налета мелких происшествий, ощущал не столько свою неспособность разобраться в них, сколько предупредить и не допустить, хотя в руках у него и была сверхмощная машина подавления. Всякий раз, занимая место оперативного дежурного по городу, Гард вспоминал детскую сказку про короля, на которого со всех сторон нападали враги, и он никогда не знал, откуда ждать очередного удара. Короля звали Грейбонс, что означало Могучий Малыш, и он сам ощущал себя этим закованным в электронные доспехи хиляком, на которого обрушивались, низвергались целые водопады преступлений и происшествий.

Истины ради надо сказать, что дела, с которыми сталкивался непосредственно комиссар полиции, то есть преступления, соответствующие ему «по рангу», тоже в большинстве случаев происходили неожиданно, хотя и вполне закономерно, приблизительно так, как мы ждем зимой снег и все же он сваливается каждый раз словно снег на голову — простите за тавтологию. В послужном списке Гарда нераскрытых преступлений почти не имелось. Далеко не все сыщики были так удачливы, как он. Впрочем, что значит «удачливы»? Успех комиссара вырастал в значительной степени из его огромного опыта, не говоря уже о его умении, как выражались в полиции, «шевелить ушами», то есть анализировать, взвешивать, тонко наблюдать и учитывать, казалось бы, ничего не значащие детали. Все это тоже пришло не сразу. Когда кто-нибудь называл умение Гарда «даром Божьим», он лишь молчаливо усмехался, лучше других зная, сколько шишек и бессонных ночей скрываются за такими «дарами», сколько лет напряженного труда, и потому «озарения свыше», так поражавшие коллег Гарда, им самим воспринимались как результат сложной, кропотливой и изнурительной работы ума и мышц. Да, именно мышц, поскольку руками и ногами тоже приходилось «двигать»; им, как и всему телу настоящего сыщика, отводилось не последнее место в розыске и вскрытии

тайных пружин, лежащих в основе большинства преступлений.

Вот и теперь, отдав необходимые распоряжения. Гард бросил взгляд на часы и понял, что, хотя до конца дежурства и остались какие-то девяносто минут, ему все же не усидеть в мягком кресле на двадцать седьмом этаже управления. Интуиция, которая, вероятно, и есть родная сестра опыта, подсказала, что будет работа не только для ума — для тела тоже. Нажав соответствующую кнопку пульта. Гард коротко произнес:

— Машину к главному подъезду. Пусть ждет!

Увы, ночную кашу все же придется расхлебывать ему, а не сменщику Робертсону, которого звали в управлении «большим специалистом по мелким делам», и, действительно, на пульте вновь зажглась красная лампочка «двенадцатого».

— Что там у вас? — сказал Гард. — Я слушаю, Мартенс.

— Докладывает Таратура, господин комиссар! — почему-то излишне бодрым голосом произнес не сержант, а инспектор Таратура. — Дело плохо! Труп!

— Я так и понял по вашему радостному голосу, инспектор. Давайте подробности.

— Восемь ножевых ран, комиссар, и все, кажется, смертельные, — переходя на более деловой тон, произнес Таратура, однако не удержался и снова прибавил эмоций: — Похоже, комиссар, у нас будет «закрытая комната»!

— Да ну?! — на сей раз не уберегся от восклицания Гард. — Так уж и «закрытая»?!

Прервем повествование, чтобы ввести читателя в курс дела, тем более что комиссар, услышав странную фразу Таратуры, стал ерзать в кресле, усаживаясь прочнее и основательнее, как это делают зрители в театре перед открытием занавеса и началом волнующего спектакля. Можно сказать еще и так: на лице Гарда появилось нечто такое, что был бы способен изобразить хирург, увидев, к примеру, что после вскрытия живота у больного на том месте, где ожидался воспаленный аппендикс, ничего нету, а то, что там должно было быть, находится в грудной клетке. Примерно такую же реакцию вызвали у Гарда слова Таратуры о преступлении в «закрытой комнате».

Этим несложным понятием у криминалистов обозначалось преступление, совершенное таким образом, что представить себе обстоятельства его никак невозможно, хоть тресни, хоть разорвись на куски. Обычно подобных дел в жизни, то есть в реальной действительности, не бывает, они встречаются лишь в уголовных романах и повестях. Словно изгаляясь над человеческой логикой и здравым смыслом, авторы детективов до такой степени усложняют работу следователей, что на каждое их предположение всегда находят контрдовод, а на каждую мысль — чудовищную контридею. Убийцы, например, преспокойным образом выходят из помещения, где они совершили злодейство, а входные двери при этом самым коварным образом оказываются запертыми изнутри! Если вы подумаете, что преступникам удалось выпрыгнуть через окна, вам тут же возразят, что убийство произошло на каком-нибудь девятнадцатом или сто девятнадцатом этаже, где без парашютов и делать нечего. А если вы предположите парашюты, вам заткнут рот

утверждением, что окна в этом помещении никогда не открывались и открываться не могут. Убийца ушел через потайную дверь? Нет такой двери! Нырнул в клозет? Увы, отверстие явно узкое! Метнул нож через вентилятор или выстрелил в окно, пролетая мимо на вертолете? Дудки! — нет вентилятора и нет ни одной дырки в стекле или в оконной раме! Не тщите себя напрасно, читатель, ибо даже сверхизощренные в криминальном смысле мозги не найдут выход из этого положения. И даже если вы остроумно предположите, что убийца разобрал пол, спустился через отверстие на этаж ниже, а затем оттуда собрал паркет вновь, слегка отдраил его и покрыл лаком, закусившие удила авторы тупиковых ситуаций с апломбом заявят вам, что тщательная проверка показала: пол, представьте себе, не тронут, лак не поврежден!

Уж на что Гард был отменным криминалистом, и он поднимал руки вверх, читая взбесившихся изобретателей тупиковых ситуаций. Однако в практической своей деятельности он, надо сказать, помнил хоть и считанные, но вполне загадочные случаи. С легкой подачи комиссара они стали называться преступлениями в «закрытой комнате», и Гард подумывал на досуге: не написать ли для молодых коллег небольшую инструкцию на тему о том, что из каждого тупика все же есть выход, если «шевелить ушами» и если отказаться от предположения, что убитый сначала сам себе всаживает восемь смертельных ножевых ранений, затем выкидывает через форточку нож, потом проверяет, насколько прочно заперты изнутри входные двери, а затем картинно ложится посередине комнаты в неудобной позе трупа, держа в кармане предсмертно сложенный, явно адресованный полиции кукиш.

— Так уж и «закрытая комната»? — недоверчиво сказал Гард, поглубже усаживаясь в кресло. — Да ну?!

— Честное слово, господин комиссар! — не сдавался инспектор. — Входная дверь заперта изнутри! Классика, комиссар!

— А что же Фукс?

— Старик справился с двумя английскими замками, как я с двумя бифштексами, — за три минуты!

— Так в чем же дело?

— Но дверь все равно не открывалась. Нам пришлось вызывать пожарную машину и тянуть лестницу к окну…

— Дальше! И конкретнее, Таратура.

— Вырезали стекло, я первым вошел в квартиру, труп с восемью ножевыми ранами, и эксперт сказал, что каждая, возможно, смертельна…

— Я это уже слышал!

— А входная дверь квартиры заперта изнутри на металлическую щеколду!

— Дверь в комнату?

— Тоже, комиссар!

— Что «тоже»? — Гарду ситуация начинала нравиться уже по-настоящему.

— Тоже заперта на щеколду!

Таратура умолк, а Гард подумал, что любой его вопрос теперь будет если не глупым, то по крайней мере бесполезным. И все же он спросил:

— Вы хорошо осмотрели квартиру? Окна, например? И не мог ли убийца спрятаться так, чтобы улизнуть, пока вы гуляли по пожарной лестнице и открывали дверь изнутри?

— Шеф! — только и сказал Таратура, но Гард на расстоянии как бы увидел выражение его обиженного лица. — Кроме того, окна защищены решетками, нам пришлось их перепиливать, несколько прутьев…

— Черт побери! — сказал Гард то ли с досадой, то ли с восхищением, он и сам толком не разобрался в оттенках собственного чувства. — Оставайтесь на месте, Таратура, я выезжаю. Да, передайте второй группе, чтобы немедленно доставили в квартиру с Фиалковой кого-нибудь из родственников… у кого нервы покрепче. И еще, Таратура: ограбление?

— Похоже. Сейф вскрыт. Антиквара, видать, пощипали солидно.

Гард щелкнул тумблером, и связь прервалась. Через секунду он встал с кресла, надел пиджак и рявкнул в микрофон местной связи:

— Еду на место!

Пока дежурный «мерседес» беспрепятственно мчался по оживающим улицам города, комиссар, сидя на заднем сиденье, сделал попытку поразмышлять, но из этого ничего не вышло. Он подумал сначала, что обыкновенный убийца не станет наносить своей жертве лишние ножевые удары, если ему очевидно, что человек мертв. Это может быть безумный или обезумевший в момент преступления человек, либо садист, которого возбуждает вид крови, либо жестокий мститель, либо… Короче говоря, многочисленные удары ножом — индивидуальный почерк преступника, своеобразная визитная карточка, которую он, сам того не желая и часто не ведая, оставляет полиции. Однако гадать можно сколько угодно — ни одно из предположений, сделанных на основании логики, ни на сантиметр не приближает истину, пока не увидишь картину собственными глазами.

А вот наконец и место события…

— Благодарю, — буркнул Гард, выбираясь из «мерседеса», дверцу которого распахнул полицейский в штатском. Выбравшись, комиссар огляделся. Дом, в котором произошло убийство, был оцеплен со всех сторон. Несмотря на ранний час, в отдалении уже толпилась публика. Ни одно зрелище не может обойтись без зрителей. Гард к этому привык, толпа никогда его не раздражала. — Давно поставили оцепление? — спросил он у штатского.

— Сразу, как только я прибыл.

— Вы сержант Мартенс?

— Так точно, господин комиссар! — И рука старого служаки, хоть он был не в форме, машинально дернулась к полям шляпы.

— Никто, надеюсь, из дома не выходил?

— Кроме одной кошки, — улыбнулся Мартенс. — У нас посты и на соседних крышах.

— Вы молодец. Мартенс. Ведите.

По широкой лестнице с чугунными узорчатыми ступенями они поднялись на второй этаж. На площадке их ждал Таратура.

— Ну, показывайте ваши чудеса, — сказал Гард.

— Начнем с этого, — в тон комиссару ответил инспектор, подходя к двери. — Смотрите!

Бросив беглый взгляд на английские замки. Гард занялся щеколдой. Это была массивная металлическая пластина, около сантиметра толщиной, довольно свободно передвигавшаяся в специальных пазах и входившая одним концом в глубокое металлическое гнездо, вделанное в деревянный стояк.

— Была задвинута до конца, — пояснил Таратура. — Уходила в гнездо на четыре с половиной сантиметра.

«Да, — подумал Гард, — антиквар неплохо защищал свою крепость…»

— Так, — сказал он вслух. — А на двери в комнату?

— Такая же и точно так же была задвинута.

— Следы?

— Нет, комиссар. Должно быть, они работали в перчатках.

— Почему «они»? Их было несколько?

— Не знаю, — сказал Таратура. — Но если один, то как он мог выйти, оставив дверь запертой, без посторонней помощи?

— Вы думаете, вдвоем или втроем это легче сделать? — усмехнулся Гард. — Нож нашли?

— Ножа нигде нет.

— Пройдем в комнату.

Убитый лежал на невысокой узкой тахте лицом вверх, одна рука и обе ноги свесились к самому полу. Белая рубашка покраснела от крови.

— Привет, Симпсон, — сказал Гард, пожимая протянутую экспертом руку. — Что скажете?

— Он умер от прямой раны в сердце. Какие ранения были предыдущие, а какие последующие и нанесенные, возможно, уже трупу, я пока определенно сказать не могу. Добавлю еще, что нож входил глубоко и вытаскивали его с трудом.

Гард медленно прошелся по комнате, остановился перед низким столиком в углу. На нем стояла откупоренная бутылка стерфорда и рюмка, на дне которой виднелись остатки голубоватой жидкости.

— Что это? — спросил Гард.

— Похоже, что преступник, перед тем как скрыться, опрокинул в себя одну рюмочку, — ответил Таратура.

— Так уж и одну? — сказал Гард.

— В бутылке не хватает одной рюмки, стерфорд наливают по горлышко, ни

грамма больше, а здесь…

— Здесь вы специалист, инспектор, это уж точно, — улыбнулся Гард. — А почему вы думаете, что пил преступник, а не антиквар?

— Если бы пил антиквар, он оставил бы отпечатки пальцев, а их нет!

Гард почесал у себя за ухом: с таким доводом трудно было не согласиться.

— Логично, — сказал он. — Симпсон, не забудьте при вскрытии тела посмотреть наличие алкоголя.

— Слушаюсь, комиссар.

— И вот что еще интересно: когда этот стерфорд выпит — до или после убийства?

— Вряд ли до, — предположил Таратура. — Человек приходит, чтобы убить, и говорит хозяину квартиры: подождите минуточку, сейчас я выпью рюмку стерфорда, а потом вас убью, — так? Нет, стерфорд выпит после совершения преступления, как бы на посошок!

— Что ж, — без энтузиазма заметил Гард. — Рюмка вина и восемь ранений, часть из которых нанесена уже трупу, — это почерк, по которому можно найти «автора». Таратура, где ваш блокнот, почему не записываете стоящие мысли знатных специалистов?

— Шеф, — улыбнулся инспектор, — вы забыли, что моя память лучше магнитофона.

— Простите, — вмешался эксперт Симпсон, — у меня тоже есть версия.

— Валяйте, — великодушно разрешил Гард.

— Я думаю, что они пришли сюда вместе, вдвоем. Возможно, речь шла о какой-нибудь сделке, или антиквар должен был показать убийце какую-то вещь. И скорее всего, стерфорд был выпит именно тогда. А потом, не исключено, возникла ссора, если у убийцы не было заранее спланированного умысла, и вот когда антиквар открыл сейф…

— Вы думаете, сейф открыл Пикколи? — перебил Гард. — Фукс, ваше мнение?

Старина Фукс мгновенно вырос перед комиссаром, по своему обыкновению хихикнул, потирая руки, что он делал всегда, прежде чем приступить к своей специфической работе или ответить на вопросы, касающиеся его «профиля», и тонким голосом произнес:

— С этим сейфом, если без ключа, даже я провозился бы сутки. Но ключ — вот он, в скважине!

— А отпечатки пальцев? — спросил Гард.

— Никаких! — ответил Таратура. — Даже хозяйских. Из этого можно предположить, что убийца сам открыл сейф, действуя в перчатках.

— Возможно. А почему, — вновь обернувшись к эксперту, спросил Гард, — вы думаете, Симпсон, что антиквар и убийца пришли сюда вместе?

— А как же иначе? Как бы убийца мог проникнуть внутрь квартиры, учитывая не

только замки, но и металлические засовы?

— Ну, знаете, — усмехнулся Таратура. — Как сказал господин комиссар, если убийца мог выйти через запертую дверь, с таким же успехом он мог и войти!

— Фантастика! — пожал плечами Симпсон.

— Я уж не говорю о том, что антиквар мог сам открыть дверь, представьте себе, своему знакомому! — сказал Таратура.

— К этому мы еще вернемся, — рассудил Гард. — Мартенс, отправьте бутылку и рюмку на экспертизу. Пусть выцарапают из них все, что возможно. Таратура, как там насчет родственников?

— Должен быть с минуты на минуту.

— Он уже здесь, — сказал Мартенс.

— Кого доставили? — спросил Гард.

— Сына.

— Пусть войдет.

Молодой человек, лет двадцати восьми, с застывшим лицом остановился перед телом убитого. Гард некоторое время молчал, давая ему возможность прийти в себя, и наконец произнес:

— Я понимаю ваше состояние, однако должен задать несколько вопросов, чтобы как можно быстрее найти преступника. Убитый — ваш отец?

— Да, это он… Я понимаю, понимаю… — пробормотал сын антиквара. — Спрашивайте… я постараюсь…

— Не могли бы вы сказать, в каких целях ваш отец использовал эту квартиру?

— Мы живем далеко от магазина… Если к концу дня у него скапливались какие-либо ценности или наличность… и он не успевал все это сдать в банк на хранение… Он привозил все это сюда, здесь сейф… и ночевал в этой квартире…

— Вы не знаете, — продолжал Гард, — вчера тоже сложилась подобная ситуация?

— Именно так… Отец позвонил домой и сказал, что купил набор старинных китайских статуэток, стоимостью в сто пятьдесят тысяч кларков… и еще у него было около двухсот тысяч наличными… и что он остается на ночь здесь…

— Ого! — присвистнул Таратура. — Триста тысяч! Вот это куш!

Гард бросил недвусмысленный взгляд на инспектора, затем вновь повернулся к сыну антиквара:

— Простите, ваше имя?

— Андре Пикколи.

— Вы не знаете, отец ни с кем не договаривался о продаже этих статуэток?

— Не знаю. Вряд ли. Ведь он их сам приобрел только вчера.

— У кого?

— Кажется, на аукционе в «Палас-отеле». Обычно такие вещи покупают там.

— Вы в этом тоже разбираетесь? Ну, я имею в виду антиквариат?

— Нет, моя работа весьма далека от того, чем занимался отец, так что я могу и ошибиться…

— Где вы работаете? И кем?

— Я режиссер телевидения…

— Каким транспортом ваш отец сюда приехал?

— Вероятно, на своей машине. Я не заметил, она стоит во дворе?

— Не беспокойтесь, мы уточним.

— Машина во дворе, — вставил Мартенс. — «Кадиллак», семнадцатая модель.

— Благодарю вас, Мартенс… Примите, господин Пикколи, мои соболезнования, я более вас не задерживаю… Да, кстати, — сказал Гард уже вслед молодому человеку, который, осторожно пятясь, выходил из комнаты. — Вы один из наследников? Простите, это чисто формальный вопрос, у меня нет никаких оснований подозревать вас…

— Меня?! — побелевшими губами произнес Андре Пикколи. — Неужели вы думаете…

— Нет, нет, — повторил Гард спокойным голосом. — Мы закончим расследование, и я должен знать, кому передать ключи от этой квартиры, только и всего.

— Я ничего не знаю о завещании.

Молодой человек поклонился и вышел из комнаты.

— Статуэтки вы, конечно, не обнаружили? — спросил Гард у Таратуры.

— И наличных денег тоже.

— Так. И все же, инспектор, чувствую я, что здесь не обычное ограбление. Восемь ножевых ранений! Сколько ненависти в этой вакханалии ударов, сколько сокрытых для нас причин! — Гард вынул сигарету из пачки и с отвращением закурил. — Заканчивайте осмотр. Таратура. Труп в морг на вскрытие. Помещение опечатать. Встретимся в управлении через полчаса.

И, круто повернувшись, пошел вниз, к машине.

По дороге в управление Гард на какое-то время полностью отключился от всяких мыслей о делах, это называлось у него «уйти в подполье», что было чрезвычайно важно перед мозговой атакой, которая обычно следовала за «уходом». Когда же «мерседес» мягко затормозил у главного подъезда, комиссар мыслями вновь обратился к делу. Но думалось плохо.

«Итак, рюмка стерфорда после убийства и восемь ножевых ранений… — Бесшумным лифтом Гард поднимался на двадцать седьмой этаж. — Кто же „рисовал“ таким способом в далеком или недавнем прошлом? Само собой, надо будет проверить по картотеке… Подумать только, убийство в „закрытой комнате“! Надо же, вот повезло! Комиссар Робертсон, уже сидящий, наверное, перед пультом

вместо меня, пять раз перекрестится, когда узнает, что весть об убийстве антиквара всего на полтора часа опередила его заступление на дежурство».

Старинные часы на здании оперного театра, как раз напротив рабочего кабинета Гарда, пробили семь раз, когда он туда вошел. Мягко зазвонил внутренний телефон.

— Доброе утро, коллега! — раздался сочный бас Робертсона. — Я уже приступил, прими мои искренние соболезнования, ха-ха-ха!.. Тебе всегда везет, но большому кораблю, извини, дорогой, и большое плавание! Будешь у себя или скоро домой?

— Домой, — коротко сказал в трубку Гард. — Ну их всех к черту. Смотри не захлебнись в мелочах, я их наворотил тебе с избытком…

— Ладно, разберемся. Привет!

Гард положил трубку на рычаг, снял пиджак, натянул двумя руками подтяжки, но взбадривать себя передумал и на тормозах довел их до груди. На ум почему-то пришел один из афоризмов знаменитого Альфреда-дав-Купера, незабвенного учителя комиссара: «Если дважды два — пять, то существуют ведьмы». Убийство в «закрытой комнате» — разве это не дважды два — пять? Если можно входить и выходить через замурованные двери, то ничего не остается иного, как поверить в летающие тарелки, волшебство и всяческую чертовщину, во что трезвый мозг комиссара и рад бы, да не в силах был верить, — так часто жизнь ставила перед ним тупиковые задачи, которые всегда, ну просто на удивление всегда, имели сугубо материалистическое решение! Тому же великому Альфреду-дав-Куперу принадлежит фраза, однажды сказанная в присутствии учеников, кореживших головы над вероломным и тонко подстроенным под самоубийство преступлением: «Невозможно только то, что абсолютно невозможно!» Считать ли убийство антиквара в «закрытой комнате» абсолютно невозможным? Нет, и еще раз нет!

Оттянутые подтяжки на сей раз с треском ударились о выпуклую грудь комиссара: жизнь продолжалась! Кстати, подумал Гард, вечер предстоит сегодня не самый плохой: свидание со старыми друзьями в уютном ресторанчике под названием «И ты, Брут!». Это были, надо сказать, не совсем обычные свидания: друзья собирались по первому зову любого члена компании, чтобы отметить крушение каких-либо больших или малых надежд и тем самым поддержать дух товарища. Они шутили, хорошо и вкусно ели, не стеснялись с выпивкой, всячески валяли дурака, и, как ни странно, эта форма дружеской поддержки отлично помогала, залечивая душевные раны. Впрочем, не только душевные, потому что друзья не исключали и других форм помощи: советом, рекомендацией, даже прямым участием в каком-либо деле, в котором, положим, запутался, увяз сотоварищ. Так или иначе, нынешняя встреча должна была состоять в двадцать ноль-ноль, столик уже был заказан инициатором, а им был добрый и старый друг Гарда журналист Фред Честер, которому в последнее время особенно сильно не везло.

«Что ж, — подумал Гард, — сдается мне, что и я позабавлю своих друзей рассказом об убийстве в „закрытой комнате“, а то, чего доброго, стану кандидатом в герои следующего торжества!»

Не знал в тот момент комиссар Гард, что невинный его рассказ в «Бруте»

повлечет за собой совершенно неожиданные последствия…

2. МНЕ БЫ ВАШИ ЗАБОТЫ, ГОСПОДИН УЧИТЕЛЬ

Неумение строителей или требования сопромата были тому причиной, только во всем городе нельзя было сыскать второго подвала с таким множеством нелепых и широченных колонн. Однако хозяин ресторанчика Жорж Ньютон ловко обратил недостаток в достоинство, проявив изобретательность, способную сделать честь даже его великому однофамильцу и, говорят, предку, хотя, по официальным данным, у того не было никаких потомков. Во-первых, Жорж Ньютон добавил ажурные перегородочки, сдвигая и раздвигая которые легко было разъединять столики так, чтобы посетитель мог чувствовать себя уединенно в таком «кабинете» и в то же время незамкнуто. Кроме того, обнаружив некоторые способности психолога, Ньютон использовал и колонны, расставив кресла вокруг них с таким расчетом, чтобы члены одной компании, собравшись вместе, были одновременно как бы и отдельно друг от друга, общаясь каждый лишь с соседом слева и справа от себя и не видя сидящих напротив именно из-за колонн, что вполне соответствовало или могло соответствовать их тайным, а иногда и явным желаниям; в конце концов, разные люди, в силу разных причин оказавшись в одной компании, получали возможность в «Бруте» без обид друг на друга, ненавязчиво и не грубо реализовать разные уровни общения. Именно топография зала подсказала хозяину идею специализации: ресторанчик должен был стать притягательным для небольших дружеских, — хотите, в кавычках, а хотите, и без кавычек, — пирушек. А поскольку владелец Жорж Ньютон не был лишен еще и юмора, то свою идею он интеллигентно выразил в милом названии ресторанчика: «И ты, Брут!», попросту называемом «Брутом».

Расчет оправдался. «Кабинеты» пустовали редко, колонны тоже делали свое доброе коммерческое дело, и в зале действительно собиралось как теплое, так и несшее с собой холод Арктики общество.

Не избежали этих сетей и друзья Гарда.

Первые полчаса были безраздельно отданы ужину. Карел Кахиня, человек без определенных занятий, но всегда безумно занятый чем-то, был уместен в обществе комиссара полиции не более, чем бритва в бумажнике. Однако, подчиняясь законам дружбы. Гард и виду не подавал, что его ведомство уже давно скучает по Карелу; сейчас огненно-рыжий и фейерверочно талантливый — ах, только бы на мирные цели направить его талант! — Карел Кахиня, заказав себе поросенка под хреном, вгрызался в него с упорством землеройной машины. Владелец галантерейной лавки Валери Шмерль, Шмерлюшко, как ласкательно называл его Кахиня, каждый тщательно разжеванный кусочек мяса уныло запивал минеральной водой. «Уймите Шмерлюшко! — скосив глаза на товарища, воскликнул Карел Кахиня. — А то он так нагазуется, что взлетит под потолок!» — «Тебе все шуточки, а у меня печень!..» — плаксивым голосом ответил Шмерль. «Бери пример с тех, у кого печени вообще нет!» — И Кахиня показал вилкой на прямого, как палка, банкира Клода Серпино, обладателя холеных гусарских усов; Клод ел с такой обстоятельностью, что его тут же хотелось попросить учесть вексель. Дородный и пышноволосый профессор

Рольф Бейли, облизав после выпитого стаканчика сочные губы, благодушно улыбнулся: «Не слушай его, Валери, трезвенники всегда дольше живут, чем забулдыги. Хотя, с другой стороны, какой смысл в этой жизни, я, право, не знаю…» Фред Честер почти ничего не ел. Он был погружен в унылые раздумья, его пальцы нервно скатывали хлебные шарики.

— Семь! — отодвигая тарелку, провозгласил Карел Кахиня.

— Что «семь»? — не понял Гард, да и все остальные с недоумением посмотрели на рыжего Карела.

— Семь мякишей. Прессе пора прекратить поточное производство хлебоподшипников и исповедаться Полиции, Науке, Финансам, Торговле, а также Народу. Народ — это, конечно, я! — Кахиня важно ткнул себя вилкой в грудь.

— Почему? — прихлебывая вино, спросил Бейли.

— Что «почему»?

— Почему ты — народ, а мы?..

— Потому, — с готовностью ответил Кахиня, — что еще ни один политический деятель, обращаясь к ученым, банкирам, полицейским, журналистам и торговцам, не называл их «народом». А я, простой человек с улицы…

— Не такой уж простой, — многозначительно вставил Гард, подмигнув Карелу одним глазом.

— …человек с улицы, — настойчиво продолжал Кахиня, даже «не заметив» реплики Гарда, — удостоился этой чести. Разве вы не смотрели предвыборную телебеседу президента Кейсона с «простым и честным тружеником», то есть со мной, имевшую быть в среду на той неделе и повторенную сегодня в четырнадцать тридцать дня?!

— Сколько же тебе заплатили? — тут же поинтересовался Валери Шмерль.

— Сто кларков за пять минут эфирного времени.

— Господи! Недельная выручка моей лавки! За пять минут болтовни!

— Не за болтовню, уважаемый коммерсант, а за прямое, бесхитростное, от сердца идущее слово. Различать надо! Ладно, все это, как вы понимаете, зола… Выкладывай, Честер, из-за чего ты бьешь в колокол?

Фред Честер криво улыбнулся. Из-за чего он ударил в колокол, созывая друзей? Собственно говоря, ничего уж такого страшного у него не стряслось. С первого дня, как он оказался сотрудником «Вечернего звона», шеф полагал его такой же принадлежностью редакции, как пишущую машинку или телетайп. В этом смысле ничего особенного не произошло. Но вот, представьте себе, неделю назад в заметке о выставке восточных ковров черт дернул Фреда написать, что «верблюд» по-местному «орван», а какой-то дотошный читатель немедленно позвонил шефу и сказал, что «верблюд» на самом деле по-тамошнему вовсе «арван». В любой другой газете никто внимания не обратил бы на такую чепуху, но тут шеф увидел в ошибке Честера не просто большой смысл, но и злую намеренность, — почему бы вы думали? Потому, что фамилия владельца газеты, то есть шефа, Орван! Даниэль Орван, черт бы его побрал! И он, конечно, решил, что Фред нарочно ошибся, чтобы

объявить всему свету, что его шеф — верблюд! В итоге этот воистину верблюжий болван пригласил к себе Честера и объявил ему об увольнении по мотивам… некомпетентности! Почему? Потому что впрямую за «орвана» выгонять вроде бы неудобно: сотрудники будут посмеиваться и шушукаться по углам, а шеф как огня боялся закоулочных разговоров и долгого жевания его имени — недаром же он верблюд! Вот он и припомнил Фреду, как тот два месяца назад не совсем точно процитировал Эмерсона: «Консерватор — это постаревший демократ, а демократ — это вышедший в семя консерватор». Вообще-то у Эмерсона сказано не «демократ», а «аристократ». Но Честер не просто цитировал политика, занимающегося философией, а сам делал политику. Потому замена «аристократа» на «демократа» была им заранее обдумана, оговорена в самом тексте, тем более что в данном случае он, Честер, куда точнее выразился, нежели сам Эмерсон, который, к слову сказать, хотя и считал себя демократом, на самом деле был типичным «вышедшим в семя» консерватором, в чем никто уже давно не сомневается…

— Ты что, на предвыборном митинге? — прервал Фреда Кахиня, иначе Честер не остановился бы.

Фред умолк, извинился перед друзьями, затем обвел всех тоскливым взором и вдруг коротко произнес:

— И еще Линда.

— Вот это уже по делу, — сказал Клод Серпино. — Что выкинула она?

Честер глубоко вздохнул, как это делают обычно дети после долгого плача: в несколько коротких приемов, как бы лесенкой. Друзья с искренним сочувствием посмотрели на него, потому что хорошо знали его жену и ее умение превращать мужа в выжатый лимон. Разумеется, как только Линда узнала об увольнении, она немедленно напомнила Фреду, что еще надо вносить взносы за дом, за машину, не говоря уже о том, что у Патерсона ею заказана шляпка, которую нельзя не взять, — что скажут Клоуки и Гиршнеры, когда узнают, что заказанная вещь оказалась невыкупленной, ей невозможно будет выйти на улицу! И что Фред, кого бы он ни строил из себя, конечно же стопроцентный неудачник, ему бы брать пример с Клоука, который не побрезговал в свое время чисткой ботинок, зато теперь имеет весьма доходную сапожную мастерскую и собственный дом, что куда важнее всех интеллектуальных разглагольствований и всех, с позволения сказать, «дружеских компаний». И это кто же такие «интеллектуалы»? Неужто темный махинатор Карел Кахиня, по которому давно скучает тюремная камера?! («Это уже слишком, Фред, мог бы и не цитировать!») Или богач Клод Серпино, который по наследству получил свои миллионы и палец о палец не ударил для того, чтобы заработать собственными руками хотя бы один кларк, а теперь готов удавиться за каждый лемм?! (Клод только крякнул при этих словах Фреда и с интересом посмотрел на Шмерля, до которого, по-видимому, дошла очередь). А этот тщедушный галантерейщик, тоже мне «интеллектуал», уткнувшийся в свои подвязки и штрипки, в то время как его толстозадая Матильда… («Фред!» — поднял руку Гард, останавливая друга и тем самым переводя огонь на себя, поскольку Честера уже несло.) Ах уж этот великий мыслитель Дэвид Гард, полюбуйтесь на этого «интеллектуала», чьи идеи относительно торжества справедливости и общества без преступлений по достоинству могут оценить лишь фокстерьеры, служащие в полиции ищейками! («Благодарю, — слегка поклонился Гард. — Переходи к

Рольфу».) Смешно сказать: профессор! — но за какие такие научные открытия этот Бейли накачивает и без того громадное пузо, если даже тебе нечего писать о нем во вшивом «Вечернем звоне», тоже мне, нобелевский лауреат! («Так его, родимого! — подхватил Карел Кахиня. — Пусть знает глас народа! Или дать тебе, дорогой Рольф, последнее слово для оправдания?»)

Все засмеялись, поскольку неловкость каждого была с лихвой компенсирована неудобством всех остальных.

— Я предлагаю выпить за Линду, — сказал вдруг Гард, поднимая бокал. — В конце концов, мужчины мы или нет? Фред, не забудь сказать Линде, что мы проявили по отношению к ней рыцарское благородство.

С этими словами он опрокинул в рот содержимое бокала, и его примеру последовали остальные, кроме Валери Шмерля, который, едва отхлебнув глоток минеральной, наклонился к Рольфу Бейли и шепотом спросил:

— Чего она там проехалась по поводу моей Матильды, ты не понял?

— А! — сказал Бейли. — Обычная женская зависть, выкинь из головы, дорогой Валери… Друзья, давайте все же подумаем, как помочь Фреду, тем более что, насколько я понимаю, наш уважаемый банкир теперь уж точно не намерен брать преподобную Линду на свое иждивение!

Клод Серпино снова крякнул, но уже с другим оттенком. Если в первый раз его «кряк» означал недоумение или, может быть, даже сердитость, то сейчас — прямодушное согласие со словами Бейли, ибо Серпино полагал, что деньги в наше время не цементируют, а скорее разъедают человеческие отношения, особенно в тех случаях, когда они претендуют на дружеские.

— Да, надо что-то придумать, — поддержал профессора Карел Кахиня. — Если мы не вместе, то, спрашивается, зачем мы здесь?

— Собственно говоря, я не прошу помощи, — резко заметил Честер. — Просто хочу излить душу.

— Вот тебе телефон, — чиркнул на бумажной салфетке цифры Кахиня. — Позвони в бюро «Душа в душу» и изливайся с утра до ночи. Кому еще хочется? — обратился он к присутствующим.

Все промолчали. Тогда Карел, сразу став серьезным, сказал:

— У меня есть идея. Надо сделать Фреда Честера, обладающего, как известно, дурацким, но в то же время независимым характером, официальным газетным чертом.

— Кем-кем? — не понял Шмерль.

Впрочем, и все остальные с удивлением посмотрели на воинственно настроенного Карела.

— Карел, — сказал Гард, — не увлекайся. Что ты имел в виду, говоря о редакционном черте?

— Даже всемогущий Бог, — веско начал Кахиня, — не мог обойтись без Сатаны. А кто такой Сатана, переводя его титул и должность на современный политический язык? Узаконенная оппозиция! Кто-то ведь должен отвечать за несовершенство

мира, господа! Так и в газете. Готов спорить, что Орвану, хоть он и верблюд, надоело талдычить в своей газетенке все одно и то же, — пресно! Для игры с читателем ему нужна изюминка: внутренний оппозиционер! Пусть Честер продаст Орвану эту идею: я, мол, буду у вас чертом. Сатаной, а вы меня в вашей же собственной газете будете превращать в отбивную котлетку. Уж если это не свобода слова… Политично и очень доходно: мы, народ, обожаем скандальчики, кухонные свары и прочие виды полоскания грязного бельишка.

— А что? — сказал Гард. — В этом что-то есть. А, Фред?

— Циники вы… — пробормотал Честер.

— Ну, положим! — запротестовал Шмерль. — Я верю в идеалы.

— И правильно делаешь, так легче живется. Однако же не вера в идеалы нас объединяет!..

Действительно, всю эту разношерстную компанию объединяло нечто совсем другое, а что именно, не смог бы сформулировать и сам Карел Кахиня, несмотря на свой воистину феерический талант. Они встретились и подружились много лет назад, когда каждый из них не имел ничего, кроме самого большого богатства на свете: молодости. В ту пору шла война, вести которую они не хотели, потому что война была жестокой, позорной и гнусной. Свое отношение к ней они выразили открыто, за что угодили под суд и были приговорены трибуналом к расстрелу. Двое суток им пришлось просидеть под замком в ожидании казни, и эти сорок восемь последних часов сроднили молодых солдат так, словно и после смерти им надлежало жариться на одной сковородке в аду или шагать по райским кущам, обнявшись, как братья. На исходе вторых суток противник предпринял неожиданное наступление, прорвал оборону, ворвался на базу и благополучно взял в плен шестерых смертников, не считая кое-какой боевой техники, брошенной в пылу отступления. Потом все шестеро, отчаянно рискуя, бежали из плена, два года слонялись по миру, голодали, жили бурно и весело, как живут только в молодости, да к тому же чудом избежав смерти, а затем вернулись на родину, когда опозоренное войной правительство было вынуждено объявить амнистию. Что самое удивительное: спустя много лет они сохранили дружбу, хотя ничего, кроме общих воспоминаний, у них не было, да и быть не могло, шесть человек двинулись по жизни шестью разными дорогами, которые, начавшись в одной точке, все более и более расходились. Собравшись как-то раз в ресторанчике «И ты, Брут!», они с такой горечью прочувствовали грядущее расставание, что приняли поистине одухотворяющее решение: собираться и впредь, кем бы и каким бы каждый из них ни стал. Причем собираться по первому зову любого члена компании, и не для простого застолья, а для того, чтобы оказать ему помощь, если он в ней нуждается. Несмотря на то что они были тогда молоды, им хватило житейской мудрости с самого начала оговорить главное условие этих встреч: помощь должна носить исключительно духовный характер, ни в коем случае не меркантильный, — право же, ничто так не способствует долголетию добрых товарищеских отношений, как независимость друг от друга в денежном или ином корыстном смысле.

— Карел выдвинул дельное предложение, — веско проговорил Серпино, в очередной раз промокая салфеткой пышные усы. — Раз у Фреда такой мерзкий характер, пусть уж будет мерзким и его журналистское амплуа…

— Речь идет, — вставил Бейли, — всего лишь о том, что такое положение Честера надо в редакции узаконить. Пойдет ли на это Верблюд? Или, может, ты поговоришь с ним, Клод, тем более что он держит свой капитал в твоем банке?

— Никогда не думал, что человек, занимающийся чистой наукой, может обладать такой низменной житейской информацией, — проворчал Клод Серпино.

На маленькой эстраде тем временем появилась девица и со смущенной улыбкой школьницы стала медленно раздеваться в такт музыке.

— Симпатичная малышка, — оживился Валери Шмерль, отвлекая внимание друзей в самый напряженный момент общего разговора. — Да ведь каких денег небось стоит!

— Из твоей одной Матильды можно сделать десяток таких малышек, — съязвил Кахиня.

— Что ты хочешь этим сказать? — начал было заводиться Шмерль, однако Гард, произнеся короткое «Брек!», прервал раунд.

— Друзья, — сказал он, наполняя бокалы, — вернемся к нашим баранам!

— Ты хотел, вероятно, сказать: к барану, то есть к Фреду? — не сдержался Кахиня.

Гард оставил реплику без внимания, зато Честер бросил на Карела уничтожающий взгляд, от которого Кахиня, будь он соломенным, вспыхнул бы как от огня.

— Мне кажется, — продолжал Гард, — что реально помочь Фреду может лишь Клод, и я полагаю…

— А я — нет, — отрезал Серпино. — Банкир, да будет вам известно, тот же таксист, только в финансовом смысле: одному доверено время, другому — деньги. Вдобавок, насколько мне известно, всеми делами Орвана заправляет его жена, а у меня к ней нет хода. Решительно никакого! Эта дама, урожденная Гриппски, весьма упрямая, аристократических кровей особа, уж я-то знаю!

— Как, как ты сказал? Гриппски?! — встрепенулся Кахиня. — Не та ли это Гриппски, которую зовут Аделаида и которую в некоторых джентльменских кругах, не будем уточнять, каких именно, до замужества звали Идка-вонючка? Хорошее прозвище, не так ли, господа? Вонючка Гриппски, она же Скунсиха!

— Я с ней не в таких отношениях, — сказал Серпино, — чтобы знать ее прошлое. Но зовут ее действительно Аделаида. Так на что ты намекаешь. Карел, и что за сим следует?

— Ничего особенного, — пожал плечами Кахиня. — Фред, будь другом, облегчи совесть, заткни свои нежные уши! Ну а теперь начнем взрослый разговор. Пусть Гард заглянет в свои давние календари, найдет там небольшой сюжет — и дело в шляпе!

— Прелестно, — сказал Гард с выражением. — Шантаж плюс использование служебного положения в личных целях, статья…

— В дружеских, проклятый законник и чистоплюй, в дружеских! — взревел Кахиня. — Господи, куда катится мир! Можно подумать, что люди вплетают в свои

биографии интимные сюжетики для музеев святого зачатия непорочных криминалистов!

— Какие музеи? — вдруг сказал Шмерль. — Какие календари? При чем тут зачатие?! Профессор, объясни мне, что там за календари с сюжетами у комиссара?

— Шмерлюшко, дорогой мой. — Кахиня встал и обнял его за плечи. — От Аделаиды, которая «вонючка», зависит, сможет ли наш незабвенный Фред Честер занять место в редакции, которое даст ему возможность обеспечить относительно приличную жизнь своей любимой и тоже незабвенной Линде, а от нашего комиссара, в свою очередь, зависит…

— Тогда почему же он…

— Сукины дети, — выругался Гард. — И вы же меня еще осуждаете!

— Да, осуждаем, — веско проговорил Рольф Бейли. — Потому что ты видишь или предпочитаешь видеть только одно решение этого нехитрого морального уравнения, тогда как их несколько.

— Слушайте Науку, слушайте! — вскричал Кахиня. — Ее устами глаголет Истина!

Профессор остановил его плавным движением руки:

— Не очень морально копаться в чужом грязном белье, лучше торговать чистым, как это делает наш Валери Шмерль, тут я совершенно с комиссаром согласен. Но, господа, всякая истина конкретна. Поставим вопрос так, как он должен стоять. Закон обязан торжествовать, зло должно быть наказано, аксиоматично, не так ли? Однако в реальности мы наблюдаем другую картину. В частности, мелкое зло в лице мадам Гриппски, судя по всему, обвело закон вокруг пальца и торжествует. В чем тогда состоит нравственный долг порядочного человека и стража закона, каким не без основания считает себя Гард? Конечно же не в умытии рук. Абстрагируясь от конкретных дел нашего друга Фреда Честера, он все равно обязан хотя бы отчасти восстановить справедливость, даже если для этого надо слегка зажать чувствительный к этико-юридическим нюансам и запахам нос. Иначе он фактически и морально становится пособником данной нечистоплотной особы. И вообще, это тот случай, когда высшая цель оправдывает средства. Не так ли, други мои?

— Так! — воскликнул Кахиня.

— Так! — восторженно глядя на профессора, сказал Валери Шмерль. — Все как в учебнике.

Клод Серпино промолчал. Честер давно уже заткнул уши. Гард хмыкнул: внутренне он был в общем согласен, но не любил, когда его «дожимали».

— Спасибо, Рольф, — сказал он с оттенком язвительности. — Послушав твою лекцию, я почувствовал себя лет на двадцать помолодевшим и, как дитя, просветленным.

— Всегда готов помочь ближнему, — поклонился тот.

— Браво! — сказал Кахиня. — Так выпьем же за Науку, которая нам отпускает грехи наши!

— Славно, мальчики, — внезапно рассмеялся Серпино и подмигнул всем, на

мгновение превращаясь в того давнего парня, который жил, поплевывая на отцовские миллионы и на всю систему в целом, за исключением разве что Солнечной. — Итак, ребята, роли распределены: Гард лезет в замочную скважину будуара, я его финансово подстраховываю, идейное начало в руках Карела, научное руководство и нравственную чистоту предприятия обеспечивает Рольф, а тебе, Шмерль, придется стоять на стреме…

— Что?! — Валери обвел всех недоуменным взглядом, чем вызвал общий взрыв хохота. — Да ну вас к черту! Мало того что у меня печень, вы еще отводите мне самую низкую роль. Вот вам! В замочную скважину, как самого пузатого, мы пропихиваем Рольфа, а на шухере пусть стоит Гард, он уж как-нибудь сговорится с полицейскими. Я же, как единственный честный человек, возьму на себя общее руководство.

Серпино фыркнул в бокал и замахал руками:

— Хватит, хватит, уморить задумали! У меня же давление поднимается, банкиру же не положено умирать со смеху… Фред, да вынь ты из ушей свои затычки! Поговорим о чем-нибудь нейтральном. Например, о том, скоро ли Гард посадит Кахиню.

— Он меня никогда не посадит, — мгновенно парировал Карел. — И не потому, что он мой друг, а потому, что я его друг! Только это и заставляет меня уважать закон, который он бережет!

— А может быть, ты с возрастом становишься просто умнее и осторожнее? — прогудел Бейли.

— Ха! Умнее! Конечно умнее! А вот осторожнее — вряд ли. Недавно одним движением руки я остановил в шесть часов вечера движение по Центральной улице, заработав при этом сто пятьдесят кларков!

— Это невозможно, — сказал Гард. — Остановить движение в часы пик? На Центральной?!

— Но я это сделал. На пари.

— Интересно, — сказал Гард. — Надеюсь, мы не услышим ничего предосудительного?

— Лично ты услышишь кое-что о тупости полицейских, не более. Итак, в шесть часов вечера я. Карел Кахиня, выхожу с сумкой на плече на середину Центральной улицы и прямо перед радиатором первого же автомобиля ставлю… аптекарский пузырек! Визг тормозов, естественно. Я, как ни в чем не бывало, продолжаю ставить свои пузырьки поперек мостовой. Лавина замерла. Не успел я добраться до осевой линии, ко мне — огонь из ноздрей! — подлетает полиция. Что вы тут делаете?! Как что, отвечаю, разве не видите? Беру пробу воздуха. На предмет загазованности в часы пик! Документы! Пожалуйста. Сую под нос бумагу из министерства…

— Подделка документов, статья семнадцатая, пункт «в», до трех лет тюремного заключения, — процитировал Гард.

— …бумагу из министерства политологии, отдел шумерологии, сектор управления коллапсом.

— Лихо! — не выдержал Гард. — Констатирую: раз нет учреждения, от которого

бумаги, нет и подделки документов. Остается нарушение правил уличного движения. Штраф до тридцати кларков.

— А пари было на сто пятьдесят, — уточнил Карел. — У полицейского глаза на лоб, а я ему вежливо: вон та дамочка в сиреневом «ягуаре» собирается раздавить мои газоанализаторы. Отрегулируйте, сержант. Он кинулся к дамочке, я дотянул пузырьки до тротуара, смешался с толпой, и, вы знаете, полицейский еще полчаса держал машины перед моими пузырьками!

— Браво! — сказал Бейли.

— А тысячи людей опоздали на свидания, на похороны, на пикники… — проговорил Гард. — Ох, Карел, плут ты все-таки!

— Меня поражает ваша неосведомленность, господин комиссар. Я — плут?! Да я в подметки не гожусь настоящим пройдохам. Так и быть, пополню образование нашего доброго блюстителя порядка. Вопрос: может ли человек, не нарушая никаких законов, ограбить на улице другого человека?

— Гм, раз это утверждаешь ты, — сказал Гард, — значит, может.

— А как?

— Есть разные способы.

— Нет, ты не увиливай. Какие?

— А чтоб тебя!.. На любой способ ограбления есть статья закона. Сдаюсь.

— Тогда слушай и учись. На безлюдной и темной улице к одиноко идущей даме подходит плечистый мужчина с физиономией Шмерля, снимает шляпу и очень — подчеркиваю: очень! — вежливо просит дать ему взаймы десять кларков. Дамы — почему-то! — дают безотказно, если прежде не падают в обморок… Но разве просьба взаймы, даже у незнакомой дамы, — криминал?!

— Глупость все это, — пробормотал Гард.

— Нет, комиссар, признайся публично, что ты посрамлен! — рассмеялся Рольф Бейли. — Для восстановления репутации тебе придется рассказать нам какую-нибудь таинственную, сногсшибательную детективную байку.

Все дружно закивали, а Серпино даже слегка похлопал ладонью о ладонь, стимулируя рассказчика «бурными аплодисментами».

— И поведаю! — сердито буркнул Гард.

— Может, хватит, а? — робко произнес Шмерль. — Давайте лучше о чем-нибудь другом… не люблю я преступлений…

— Умолкни, галантерейщик! — грубо сказал Кахиня. — Пока я жив, если тебя кто-нибудь ограбит, сообщи не Гарду, а мне, и негодяй с извинениями приползет к твоей Матильде на брюхе!

— За что я люблю нашу компанию, — мечтательно проговорил Бейли, — так это за возможность давать авансы без всякого отчета!

— Особенно когда речь заходит о твоей работе, о которой не только мы, но даже ты, по-видимому, ничего не знаешь, — поддел Рольфа Кахиня, который, как известно, за словом в карман никогда не лез, и Клод снова крякнул определенно в

его поддержку.

— Вы будете слушать или нет? — повысил голос Гард, желая взять реванш и потрясти воображение друзей. — Раз в десятилетие: убийство в «закрытой комнате»!

— Будем, будем!

— Тогда слушайте!

Гард начал с подъемом, но уже посередине рассказа вдруг понял, что загадка «закрытой комнаты» воспринимается друзьями как весьма затасканный детективный сюжет, да иначе она и не могла быть воспринята, уж слишком часто они читали о чем-то подобном в популярных романчиках.

— Самое удивительное, что все это чистая правда, — смущенно закончил Гард при общем молчании.

— Да, чего только не бывает, — после паузы сказал Бейли, спасая друга.

— А этот антиквар был очень богат? — осведомился Шмерль.

— Секрет! — вместо Гарда сказал Кахиня. — Не задавай вопросов, ответы на которые ничего не меняют в уже совершенном деле и в твоем отношении к нему. Но вы знаете, друзья, история Гарда некоторым образом напоминает мне байку про аптекаря и лысину.

— Ну? — Серпино непроизвольно тронул свои пышные усы.

— Сынишка аптекаря, отчаянный химик, любил смешивать отцовские микстуры, любопытствуя, что из всего этого может выйти. Однажды папочка застал его за этим занятием, натурально разъярился, схватил отпрыска за уши, тот вывернулся, отчего зловонная смесь опрокинулась на облезлую оленью шкуру, что лежала на полу. Сутки спустя после экзекуции на шкуре выросла… примерно вот такая шевелюра! — И Карел указал на густую шапку волос профессора Бейли.

— Ну да? — не поверил Шмерль.

— Чистая правда, как говорит наш комиссар полиции. Могу дать адрес аптекаря. Он разорился, потому что с той поры только тем и занимается, что сливает микстуры и пробует их на своей лысине, поскольку его сынишке не удалось вспомнить состав случайной смеси.

— Не понимаю только, какое отношение твоя история имеет к тому, что рассказал Гард, — сказал Честер, постепенно оживая и отходя от своих невеселых дум.

— Какое все это имеет значение? — заметил Рольф Бейли. — Важно то, что такие случаи бывают. И даже нередко. Что, к слову сказать, наша цивилизация без полупроводников? А между прочим, лет семьдесят назад, когда в научных журналах было посвободнее с местом, экспериментаторы часто описывали всякие побочные обстоятельства и казусы, связанные с их опытами. Так вот, перечитывая старые электротехнические журналы, мы находим в них описания полупроводниковых эффектов, которых в ту пору никто не умел воспроизвести, Поэтому их и заносили в разряд казусов, спихивая все на погрешность аппаратуры, несовершенство методики и тому подобное. Что-что, а списывать непонятное мы умеем!

— Увы, нераскрытое преступление, — огорченно произнес Гард, — на погрешность аппаратуры или на нечто таинственное не спишешь!

— Ах, мне бы ваши заботы, господин учитель! — воскликнул Карел Кахиня. — Подумаешь, убийство в «закрытой комнате»! У вас у всех просто ни на грош фантазии… Честер, хочешь сюжет для детективного рассказа?

— Хочу.

— Увольте меня, друзья, — сказал Гард. — Фантастика не по моей части.

— Но я все-таки не понимаю, — сказал Шмерль, — как можно убить в запертой комнате, а потом выйти оттуда, ее не открывая. Для меня это необъяснимо.

— Пустяки! — Кахиня небрежно махнул рукой. — Куда угодно можно войти и откуда угодно выйти, были бы кларки!

— Но позволь, — удивился Шмерль. — Кларки, конечно, сила, но даже стокларковой бумажкой нельзя снаружи отпереть внутренний засов!

— Кларки все могут, — чеканя каждое слово, невозмутимо повторил Кахиня при всеобщем смехе.

— Нет, я имею в виду физически…

— А я — нравственно. Клод, подтверди!

Серпино, смеясь, неопределенно качнул головой.

— Боюсь, что Шмерль все же прав, — сказал он затем. — Никакие кларки не помогут нашему другу Гарду решить эту маленькую проблему, представленную нашему вниманию.

— Чепуха, — сказал Карел Кахиня. — Будь у Гарда миллион, он тиснул бы объявление в «Вечернем звоне», и таинственный преступник сам прибежал бы к нему с протянутой лапой.

Серпино сдержанно улыбался.

— Я поступлю проще. Сто кларков тому, кто сейчас разгадает загадку нашего друга, пока мы приканчиваем эту бутылку!

Бейли молча протянул руку.

— Вот видите, — сказал Серпино, — и миллиона не нужно.

— А я что говорил? — торжествующе воскликнул Кахиня. — Кларки все могут!

— Боже мой, — терзаясь догадкой, простонал Шмерль. — Если Рольф знает, как было дело, то он…

— Он и есть преступник! — весело закончил Карел. — Гард, где твои наручники? Честер, где твое стило?

Бейли красноречиво пошевелил пальцами:

— Долго я буду ждать?

— Вначале было слово, — напомнил Клод Серпино. — Так сказано в Библии.

— И посему, — воскликнул Кахиня, — колись!

— Мальчики, — ласково произнес Бейли. — Не надо было спать на школьных уроках физики, и кларки были бы ваши… Магнит! Точнее говоря, электромагнит, и металлическая щеколда идет за ним, как собачка за хозяином. Так долго ли я буду ждать? — закончил он преувеличенно противным голосом.

Серпино вопросительно посмотрел на Гарда.

— Увы, Клод, идея, кажется, не лишена практического основания, — подтвердил Гард. — Полагаю, следует выплатить Рольфу гонорар, чтобы он выставил нам… — Гард повернулся к Кахине: — Какой сейчас самый лучший коньяк?

— Полиция всегда так, — притворно вздохнул Карел, — из всего извлекает выгоду… А лучший в мире коньяк тот, который пил Черчилль: армянский!

3. МАГНИТ

Утром следующего дня, явившись в управление, Гард первым делом вызвал к себе Таратуру. Официальное расследование убийства антиквара Мишеля Пикколи, как понимал Гард, вскоре придется прекратить или, точнее, приостановить «за нерозыском преступника»; две недели даются на этот розыск, а они пролетают, словно реактивные истребители, оставляя после себя неясный гул досужих разговоров. Однако фокус с магнитом тянул к себе Гарда, как… магнит! — здесь следует, очевидно, извиниться перед читателем за сравнение, — и комиссар, как истинный детектив, то есть детектив не по должности, а по призванию, уже теперь понимал, как бы ни складывалась по этому делу «бухгалтерия», в какой бы архив ни засовывали его официальные предписания, он, Гард, все равно будет копать до конца, — если угодно, любительски, то есть не за кларки и страх, а за совесть.

Магнит, насколько позволяли судить Гарду его весьма скромные познания в физике, был все же возможен в качестве отмычки. При этом он понимал, что если эта мысль лишь окольным путем дошла до комиссара полиции, то додуматься "до того же самого мог лишь необычный преступник. Правда, Гарду еще предстояло выяснить, насколько реалистично предположение Рольфа Бейли, которое хорошо высказать в веселом застолье, но трудно осуществить перед лицом, как сказал бы профессиональный докладчик, окованной железом двери.

— Вы меня звали, господин комиссар? — нарушил Таратура мысли Гарда.

— Да, садитесь. Вот ведь какая петрушка, — сказал комиссар. — Есть предположение, что щеколда на дверях была задвинута убийцей с помощью сильного магнита…

— Ловко! — сразу принял идею инспектор. — Того гляди, комиссар, они скоро вооружатся радиолокаторами и лазерными пистолетами! Эн-тэ-эр, черт бы ее побрал, извините за выражение!

— Я прошу вас, инспектор, произвести следственный эксперимент, — продолжал Гард, выслушав сентенцию Таратуры. — Для этого надо добыть сильный магнит и повторить операцию со щеколдами. Посоветуйтесь с нашими техническими экспертами, они подскажут, куда обратиться за магнитом.

— Проще всего одолжить в Институте перспективных проблем, — сказал

Таратура.

Гард задумался. Конечно, в этом институте такой магнит найдется наверняка, но уж слишком часто за последнее время это заведение, возглавляемое старым знакомым комиссара генералом Дороном, оказывалось каким-то образом связано с теми, против кого Гарду приходилось вести борьбу. «Будь подальше от тех, — говорил незабвенный Альфред-дав-Купер, — кто сам не стремится с тобой к сближению!»

— Нет, инспектор, обойдемся без ИПП.

— Вас понял. Разрешите идти?

— Минуту, — сказал Гард, затем снял телефонную трубку и набрал номер: — Отдел физической экспертизы? Комиссар Гард. Кроуля, пожалуйста. Кроуль? Приветствую вас, дружище. Дайте добрый совет: можно ли определить, оказывалось ли на кусок железа воздействие с помощью сильного магнита? Металлическая щеколда на двери… Да, совершенно верно: дверная задвижка. Так, благодарю вас, Кроуль. Доставим часа через полтора. Привет!

Гард опустил трубку на рычаг.

— Так будет лучше, инспектор. Берите дежурного слесаря, поезжайте и аккуратно, в резиновых перчатках, снимите обе щеколды. Отдадим Кроулю на экспертизу. Ясно?

— А следственный эксперимент?

— Потом, после заключения экспертов, а то, не дай Бог, ненароком сами же уничтожим магнитные следы. Действуйте, Таратура. Ну а если следов не будет, то и следственный эксперимент ничего не даст…

«Да, — подумал комиссар, когда инспектор вышел из кабинета, — научно-технический прогресс, ничего не скажешь!»

Через некоторое время в дверь, неплотно прикрытую Таратурой, заглянул специалист по замкам и сейфам старина Фукс:

— Здравия желаю, господин комиссар!

— Мое почтение, господин Фукс! У вас особое чутье на начальство: вы появляетесь, когда о вас думают. Я только что хотел вам звонить.

— Какое же это чутье? — боком входя в кабинет, проговорил старик. — Логика, господин комиссар! Таратура поехал снимать щеколды у антиквара, взял с собой дежурного слесаря, а он сидит со мной в одной комнате. Ну, думаю, сейчас меня вызовет комиссар Гард, почему бы ему не вызвать, если он продолжает ломать голову над загадкой? Ломать одну голову — хорошо, а две — еще лучше!

— Вы правы, Фукс, так оно и есть.

— Да, хитроумное дельце. Оно мне тоже не дает покоя. Как же, думаю, мог этот наглец покинуть помещение, оставив двери запертыми изнутри, да еще на металлические задвижки?

— Как? — повторил Гард.

— Вот я и говорю… — Старик вдруг хмыкнул. — А дело-то, господин комиссар,

ясненькое как Божий день: магнитиком пользовался, не иначе! Магнитиком!

— Ну, Фукс! — восхищенно произнес Гард. — Вчера вечером в ресторане «И ты, Брут!» вы за эту идею положили бы в карман сто кларков!

— Сегодня уже нельзя?

— Увы, опоздали. Но вот подумайте, старина, кто из наших старых знакомых мог бы так успешно шагать в ногу с научно-техническим прогрессом?

— Кто? — Старик снова хмыкнул. — Позвольте, господин комиссар, рассказать вам один старый одесский анекдот. Представьте: кладбище, могилка, надгробный камешек, а на нем буквочки золотом: «Теперь-то вы видите, жлобы, что я таки был в самом деле болен!»

Гард искренне рассмеялся:

— Остроумно, но не совсем понимаю, какое отношение анекдот имеет к убийству антиквара Пикколи, или он был одесситом?

— Как и я, господин комиссар? Увы, нет, не был. Но сейчас поймете. Хватаемся-то мы за голову, когда ребенок уже умер… Вы меня поняли? Вот вы говорите: научно-технический прогресс, так? Но этим самым «прогрессом» ваши подопечные уже давным-давно как больны! Уж я-то знаю!

— Пожалуй, — согласился Гард. — Но кто все же непосредственно замешан в… как бы это лучше выразиться… в прогрессивных тенденциях на преступной почве?

— Мог работать и одиночка, — я знаю?

— А если нет?

— Ну, если нет и если говорить серьезно, то одно из двух: или люди Ивона Фреза, или молодчики Гауснера. Третьего не дано. Остальным передовая техника не по карману.

— Благодарю, старина, благодарю. — Гард встал из-за стола и протянул руку для дружеского пожатия.

Когда за Фуксом закрылась дверь, комиссар поднял телефонную трубку и, позвонив в архив, попросил подобрать дела, в которых за последние несколько лет были замешаны гангстеры из двух самых мощных мафий: Гауснера и Фреза.

Через полчаса довольно объемистая папка информационных карточек уже лежала перед Гардом. Одну за другой он внимательно пересмотрел все карточки и с огорчением — хотя в данном случае это слово вряд ли уместно — убедился, что матерые преступники все же не поспевают за наукой и техникой, далеко ушедшей вперед с той поры, как на вооружении гангстеров были лишь «добрые старые способы»: удар ножом, пуля, яд, подкуп, шантаж, удавка… Гард вспомнил, что не ранее как месяц назад он не без удивления читал опубликованные издательством «Только у нас» записки великого шпиона Фрома Акселя, ухитрившегося работать сразу на разведки четырех стран, а ныне ушедшего на покой и севшего за мемуары. Так вот, в этих записках, красноречиво озаглавленных «На службе Родинам», Фром Аксель писал, что в век кибернетики, космонавтики, атомной энергии и лазеров он, Аксель, выходя в каком-нибудь Пипифаксе на связь с резидентом или курьером, должен был держать сигарету в правом углу рта, а в левой петлице замшевой куртки

иметь булавку с красной головкой; резидент, наоборот, держал сигарету в левом углу рта, а его булавка должна иметь головку зеленого цвета, и именно по этим признакам им надлежало узнать друг друга! Как будто нельзя было снабдить шпионов миниатюрными локаторами, которые за несколько секунд обследовали бы друг друга и дали бы своим владельцам сигнал о полнейшей взаимной безопасности…

«Вот так и живем, — подумал Гард. — Ведем себя как детишки в магазине игрушек, а новинки-то в нем все хлестче, все опаснее. Чего только не набирают военные — подумать страшно! И всем всего мало. Подавай то и это, и пятое, и десятое, а наука в ответ — чего изволите? Ад, рай, чистилище? Пожалуйста, сколько сортов угодно? Заказывайте, нет проблем, были бы деньги…»

Примерно так размышлял Гард, пока не наткнулся на одну из карточек, потребовавшую от него более пристального внимания. В этой карточке, датированной всего-то прошлым годом, упоминалось об ограблении фургона, перевозившего наркотики из одного государственного медицинского хранилища в другое. Водитель фургона был убит с помощью радиомины, заложенной под сиденье. Ее взорвали из машины, следовавшей позади, причем в тот момент, когда фургон остановился у светофора на относительно пустынном перекрестке. По-видимому, грабители не хотели устраивать взрыв на ходу и рисковать заманчивым грузом, так как фургон мог перевернуться или врезаться в какое-нибудь препятствие и загореться. С другой стороны, и это обстоятельство особенно заинтересовало Гарда, радиомина — не Бог весть какая новинка, особенно при организации политических убийств, — была на сей раз никак не стандартной штукой. Все было устроено так, чтобы водитель был укокошен, но чтобы сам фургон не пострадал. Мало того: гангстерам ничего не пришлось перегружать из одной машины в другую, они просто выкинули тело водителя, сели за руль целехонького фургона и благополучно смылись; дело это до сих пор значилось в числе нераскрытых.

Стало быть, решил Гард, если такую мину мог изготовить только квалифицированный специалист, но никак не любитель, это уже можно полагать пусть тоненькой, но все же ниточкой к магниту, примененному во время убийства антиквара Мишеля Пикколи.

«Так, хорошо. Посмотрим дальше», — решил Гард и вскоре наткнулся на другую карточку, косвенно связанную с радиоминой: через полтора месяца после угона машины с наркотиками за распространение гашиша, — а что было в фургоне? Ну конечно гашиш! — был задержан, а затем осужден на восемь лет некий Веронель — кто такой, из чьей банды? Комиссар нажал кнопку селектора, а затем в ответ на короткий писк компьютера назвал фамилию гангстера: «Веронель». Телетайп тут же отстучал на движущейся ленте: «Группа Гауснера».

Это была уже не ниточка, а целый крючок, но пока еще без наживки. На него вряд ли клюнет кто-нибудь из этой мафии, не говоря уже о самом Гауснере, человеке умном, осторожном и опытном. Кроме того. Гарду не очень ловко было снова раскапывать дело с фургоном, так как оно проходило по другому отделу, которым руководил милый и приятный, но совершенно беспомощный комиссар полиции Джо Воннел, родной брат министра внутренних дел Рэя Воннела. Да и сколько прошло времени — птички давно разлетелись и успели почистить

перышки…

Так или иначе, а у Гауснера, вероятно, был контакт с каким-то специалистом по электронике, и это уже что-то. Специалист мог работать на мафию добровольно, мог под угрозой — зачем гадать? — важно то, что без этого человека — или группы таких людей? целой организации? — Гауснер вряд ли осуществил бы два таких непростых дела: угон фургона с гашишем и убийство антиквара.

Подумав так, Гард сам себе удивился: как легки мы на выводы, высосанные, можно сказать, из пальца! Как вам нравится: не «кто-то», а уже именно Гауснер организовал оба дела. Шедевр дедукции, который лучше утаить не только от шефа полиции Рэя Воннела, но даже от инспектора Таратуры и сержанта Мартенса, — кстати сказать, пора бы Таратуре уже объявиться со своей щеколдой.

И только подумал об этом комиссар, ожил селектор внутренней связи, и эксперт Кроуль произнес:

— Комиссар Гард? Если вас еще интересует, могу доложить, что обе щеколды, доставленные из квартиры антиквара Мишеля…

— Не тяните, Кроуль, — сказал Гард, — давайте результат.

— …были подвергнуты воздействию очень сильного концентрированного магнитного поля!

— Я ваш должник, Кроуль. Благодарю.

Ну вот, ниточка начинает наматываться на палец, но долго ли ей виться, какова ее длина… Пожалуй, теперь можно приступать к следственному эксперименту.

— Инспектор Таратура, — произнес Гард в микрофон, — где вы там, отзовитесь! Вы на месте?

— Да, господин комиссар, — через паузу ответил инспектор. — Прошу прощения, немного задержался.

— Опять вист?

— Не совсем. Расплачивался.

— Сочувствую. Однако и за дело пора: у Кроуля все подтвердилось. Магнит! Берите щеколды, добывайте аппарат, и к шестнадцати ноль-ноль я жду ответа. Вам все ясно?

— Одна нога здесь, комиссар, другая там!

— Я бы хотел, чтобы там были обе ноги, и как можно быстрее.

Гард, отключившись, подумал, что Таратура, слава Аллаху, относится к тем редким инспекторам полиции, на которых можно положиться. Но это вовсе не значит, что их не следует держать в строгости и постоянном напряжении. Почти каждый человек, получив возможность уцепиться за чей-то палец, испытывает непреодолимое желание оттяпать руку. И если это характерно для гражданских лиц всех калибров (особенно для жен по отношению к мужьям), то это трижды характерно для государственных чиновников, военных, политиков и полицейских, которые не мыслят себе карьеру иначе как с помощью откусывания рук, ног, а затем и голов у своего непосредственного начальства. Ладно, Таратура не такой, — во

всяком случае, пока не такой, и уже за одно это спасибо… кому? «Самому себе!» — подумал Гард, вспомнив, как три года назад, впервые познакомившись с рядовым полицейским Таратурой, он сразу отметил у него живость ума, исполнительность, инициативность и полное пренебрежение к материальным компенсациям любых физических и моральных трат, а потому не только приблизил его к себе, но за короткие три года вывел в инспекторы, о чем жалеть пока не приходится. У военных есть такой термин: годен, но не обучен. Это куда лучше, чем обученный, но не годный, и Гард с тоской предвидел то время, когда он, комиссар полиции, этим «негодным» станет, и совершенно искренне белой завистью завидовал Таратуре, который еще три года назад был всего лишь годным, а теперь без его прямой помощи уже превращается в обученного, и сколько же лет у него впереди!..

Пора обедать. Гард набросил пиджак, вышел из кабинета и лифтом поднялся на тридцать второй этаж, где находился «комиссариат», как называли казенный ресторанчик для чинов высокого полицейского ранга. Иногда, демонстрируя начисто отсутствующий в действительности, однако нужный для подчиненных демократизм, в «комиссариат» спускался сам Рэй Воннел. Между прочим, именно «спускался», «снисходил», ибо кабинет министра Воннела был на самом последнем, тридцать третьем, этаже, в то время как все прочие полицейские чины, даже заместители министра, вынуждены были «подниматься» не только до Воннела, но и до «комиссариата» — этой, по сути дела, казенной столовки с казенным запахом, в которой кормили ничуть не лучше, чем в любом городском бистро, — кстати сказать, и не дешевле.

На сей раз в «комиссариате» царило спокойствие. Воннела не было, все столики были пусты, если не считать одного, за которым сидел комиссар Робертсон, хотя наличие его вовсе не означало, что пустота зала хоть чем-то заполнена. Робертсон встретил Гарда милой улыбкой, вежливым приветствием и жестом пригласил к себе за столик. Гард, поблагодарив коллегу, сел тем не менее у окна, сославшись на необходимость «кое о чем» подумать, на что Робертсон абсолютно не обиделся. Он вообще ни на кого никогда не обижался, и все знали, что к людям, провозглашающим желание «подумать», он относился с таким почтительным восхищением, с каким обычно относятся к цирковым магам и фокусникам, поражаясь их фантастической способности творить чудеса.

Громадные часы на ратуше пробили три раза, когда Гард, покончив с едой, отхлебнул два глотка кофе, поморщился — они научатся когда-нибудь варить приличный кофе? — и вышел из «комиссариата», кивнув на прощанье Робертсону, как будто и не собирающемуся покидать заведение.

В кабинете его уже ждал Таратура, не скрывающий своего смущения.

— Не вышло, — констатировал с порога Гард, едва взглянув на инспектора.

— Мы взяли самый большой, какой только возможно, магнит, но щеколда не сдвинулась ни на миллиметр!

— Что говорят эксперты?

— Мощность недостаточна! Эффекта можно достичь лишь с помощью электромагнита, притом очень сильного. Но такой магнит убийца применить не мог!

— Почему?

— Это целая установка, господин комиссар. Ее надо перевозить автомашиной. А чтобы поднять на второй этаж, одного человека мало, как минимум, необходимы трое! Концертный рояль!

— Час от часу не легче! — сказал Гард и сел наконец в кресло. — Садитесь, инспектор. Давайте думать.

— Получается, — предположил Таратура, — что версия с магнитом не проходит.

— Да, получается.

— Но, с другой стороны, обе щеколды подвергались воздействию магнита, это же факт.

— Да, — сказал Гард, — это факт. В том-то и дело.

— Но как же, в таком случае?..

— Таратура, — перебил Гард, — я полагаю, что преступник применил магнитное устройство, о существовании которого и даже о возможности его существования наши эксперты еще не знают. Это устройство, во-первых, мощное и, во-вторых, компактное, и это говорит о том, что на Гауснера работает талантливый изобретатель.

— На Гауснера? — удивился инспектор.

— Или на Фреза. Я тут кое-что посмотрел, вы потом познакомитесь с моими выкладками. Пока что будем исходить из этой гипотезы — в деле замешан талантливый специалист.

— Ну, шеф, если талантливый, — сказал Таратура, — то тем лучше! Талант легче найти, этих людей не так уж много.

— Пожалуй. Наметим такой план: срочно проверьте по нашим каналам, все ли молодчики Гауснера и Фреза на месте. Их, кажется, на прошлый месяц было около тридцати у каждого.

— Двадцать шесть. У Фреза.

— Это не рядовые?

— Нет, шеф. Это, как бы сказать, комиссары, если считать Фреза министром.

— Сомнительная аналогия.

— Извините, господин комиссар, больше не буду. Но позвольте заметить, что за минувшие три месяца девять из двадцати шести отправились в лучший мир.

— Междоусобица?

— Да, в основном с группой Гауснера. У того тоже потери: двенадцать человек из тридцати двух. А еще двое, господин комиссар, сели под замок, были взяты с поличным. Так что сейчас у Фреза пятнадцать «офицеров», а у Гауснера — восемнадцать. Всего, стало быть…

— Инспектор, откуда вы все это знаете?

— Да я брал этих двоих, вот и пришлось вникнуть. Всего, говорю, тридцать три человека.

— Вот и проверьте, Таратура, все ли они нынче «на посту». Договорились? Дать

вам кого в помощь?

— Проверять только людей Гауснера? Или Фреза тоже? И еще смотря сколько времени вы мне отпустите.

— Сутки.

— Тогда, если можно, Мартенса.

— Вопрос исчерпан.

Таратура вышел из кабинета.

Суток ему, конечно, не хватило, но Гард иначе и не предполагал. Обе гангстерские группы были довольно прилично законспирированы, хотя где только у полиции не было своих глаз и ушей? Большинство явок, хранилища оружия, конспиративные квартиры, номера в отелях, номера автомашин, связные, перспективные планы операций и даже планы оперативные — все это так или иначе было на заметке у полиции. И только какие-то высокие мотивы, неведомая Гарду политическая игра на уровне, возможно, министра Воннела и крупных финансовых тузов государства, или даже самого президента Кейсона, мешала в один прекрасный момент одним концентрированным ударом прихлопнуть как мух обе мафии. Впрочем, Гард отдавал себе отчет и в том, что такого рода «прихлоп» сопряжен с целым рядом неимоверных трудностей, поскольку и Фрез и Гауснер, во-первых, прекрасно знали, что знает о них полиция, и, во-вторых, были не хуже ее осведомлены как о перспективных, так и оперативных планах карательных органов. У них тоже были глаза и уши в полицейском управлении, и на каком этаже высотного здания они размещались, надо ли было им «спускаться» или «подниматься», чтобы что-то знать, выяснить Гарду не было дано никогда. Возможно, именно по этой причине он и ходил в полицейских кругах с амплуа «борца за справедливость», понимая, что государственной машине для разнообразия и видимости законности такие, как Гард, чиновники тоже были нужны, — интересно бы знать, в каком количестве? И процентном соотношении с прочими?

На третьи сутки Таратура уже был готов к обстоятельному докладу, который потребовал много сил для подготовки, но занял при изложении ровно минуту. Все люди Фреза и Гауснера в наличии, кроме одного. Его зовут Аль Почино. Итальянец по происхождению. («Интересно, — отметил про себя Гард, — антиквар Мишель Пикколи тоже итальянец!») Аль Почино исчез на следующий день после того, как было совершено преступление на улице Возрождения: дома его нет, жена в панике, на известных полиции тайных квартирах все три дня не появлялся, на явочной сходке главарей мафий, которая состоялась в загородном ресторане «Не убий!», отсутствовал и даже не пришел к любовнице, которая напрасно ждала его целую ночь в своей уютной квартире на Восточном проспекте. С другой стороны, ни один человек с документами или внешностью Аль Почино страну не покидал, в моргах не зарегистрирован и в больницах не находился.

Видимых причин для исчезновения у Аль Почино не было, так как за ним формально никаких «дел» нет, а убийство антиквара осуществлено с таким поистине дьявольским отсутствием улик и следов, что даже превентивный побег был логически исключен.

Но именно это совершеннейшее отсутствие причин и насторожило комиссара

Гарда.

4. ХОД МЫСЛЕЙ

Давно уже заметил комиссар Гард, что в последние годы все чаще и чаще стала посещать его по вечерам эта странная, пустая расслабленность, какая-то душевная вялость, известная ему раньше, в молодые годы, лишь после крутых дружеских попоек. Все валилось из рук, мысли рассыпались, прогулка становилась невыносимо скучной, едва переступал он порог квартиры, а дома тоже все время было как-то не по себе: хотелось лечь, а ляжешь, вроде бы надо вставать. Короче, скверно, очень скверно. Гард пробовал искать объяснение этому состоянию, не находил его и решил в конце концов, что это старость сигналит и нужно просто больше отдыхать. Но сегодня, вновь почувствовав к вечеру эту общую леность тела и духа, он вдруг понял, что старость — отговорка, что причина есть, и причина эта проста: дела идут плохо! И старость тут ни при чем. Нет, при чем, конечно, но начала тут не найти: или неудачи тебя старят, или старость мешает добиться успеха.

Душу ему мутило дело Пикколи. Вязкое, липкое, тягучее, как чужая выплюнутая жевательная резинка, до которой противно дотрагиваться, хотя понимаешь, что, пока не растоптали, нужно ее взять и отдать в лабораторию для анализа. Он завяз в этом деле, как оса в джеме, и гудел теперь, и злился, проклиная весь мир. Он чувствовал, интуитивно чувствовал, что Аль Почино — утешение слабое и, хотя профессионально он привык с подозрением относиться к любым, даже самым невинным совпадениям, видел он, что Пикколи пришит к Аль Почино белыми нитками, что никуда он. Гард, не придет, если двинется по этой тропе. Отсюда — и ленивый бес, который прочно сидел в комиссаре.

Гард подошел к телевизору и, едва из черного небытия выплыла веселая физиономия какого-то комментатора, переключил программу, напоролся на скачки — в клубах пыли бестолково звенел колокол. Он снова переключил, налетел на каких-то напомаженных, в брабантовых кружевах, идиотов со шпагами, вышагивающих с гордостью индюшек по аллеям Версаля, и выключил телевизор. Мягкий щелчок тумблера напомнил ему звук выстрела бесшумной английской винтовки «Custodian» — «Опекун», отличной, надо сказать, винтовки, которую когда-то он заполучил вместе с ее владельцем Гарри Слейтоном, — кстати, Гарри был в одной компании с Аль Почино. "Что за проклятие этот Аль Почино, — подумал Гард, валясь на диван. — Ну при чем тут Аль Почино?! Если он действительно сработал так чисто, — а он сработал сверхчисто! — на кой же дьявол ему исчезать в тот же день? Чтобы вызвать подозрение? Ведь он профессионал и не хуже меня обязан понимать, что ни за неделю, ни за две такой клубок не распутывается. Так куда же он сорвался? Что заставило опытного преступника нарушить элементарную логику поведения? Не мальчишка же он, который, схватив транзистор с переднего сиденья автомашины, бросается наутек… Нет, ему не было

никакого смысла исчезать, — и потому, может быть, он и исчез, что не было смысла? Поди попробуй разобраться в этих «кружевах», попробуй не запутаться в таких лабиринтах чужой логики! Недаром самые умные преступники либо совсем не оставляли следов, либо нарочно *следили* с таким изобилием, чтобы никто на них не подумал. Впрочем, из того, что Аль Почино не было смысла «линять», вовсе не следовало, что в том не было смысла для кого-то другого. Кого же? Сам Гауснер решил его «опустить на дно» или тут действовала чья-то другая воля? В таком варианте — чья? И почему?" Вновь дорога раздваивалась, и не было ей конца…

Гард встал, закурил, но тут же придавил сигарету в пепельнице и пошел на кухню. Там он достал из холодильника два кубика льда, бросил в высокий стакан, залил водой, плеснул туда рыжего вермута и вновь вернулся к дивану, но уже не лег, а сел, широко расставив ноги, и начал крутить перед глазами стакан, в котором с далеким, нежным звоном стукались уже тронутые игольчатыми трещинками ледяные кубики.

«Его могли убить! Он — лишь орудие, которое исполнило чужую волю. Тут все ясно. Это — первая дорога. Его могли попросить исчезнуть: кому-то, не ему, надо было, чтобы он исчез. Зачем? Ну, хотя бы затем, чтобы появилась еще одна, пусть весьма эфемерная, но улика, кладущая подозрение именно на него, в то время как Аль Почино замешан в убийстве антиквара примерно так же, как я в рождении Христа. Это — вторая дорога. Но кто в таком случае автор „непорочного зачатия“? Ладно, оставим в покое автора и еще раз проработаем эту версию: Аль Почино ни в какой связи с убийством Пикколи не состоит. Об убийстве никто никаких сведений полиции не дал, но и об исчезновении гангстера — тоже! В том числе промолчала даже его жена. Уже потому исчезновение… интересно! Интересно, черт побери, даже при условии, что никак не связано с Пикколи!»

Гард чувствовал, что приходит во власть давно известного порочного метода, от которого сам не раз предостерегал молодых криминалистов. Он вперился в проблему и крутил ее, как этот стакан, прямо перед своим носом, силясь разглядеть ее невидимые до поры детали, деталей этих не находил и всматривался все пристальнее, пока вообще не переставал видеть что-либо. Надо резко отодвинуться, расширить горизонт, понять, что нет такого события или человека, которые не были бы как-то связаны с другими событиями и людьми, словом, надо не увеличивать зоркость микроскопа, а пересесть за телескоп!

Он радостно отхлебнул холодную, горьковатую, цвета чая жидкость, поставил стакан и зашагал по комнате. Не то что переразбавленный вермут, но и мощный нейростимулятор не смог бы вызвать в комиссаре такого стремительного перевоплощения. Не было больше кислого и усталого человека, и будь Гард сейчас в подтяжках, а не в халате, энергичный удар их о мощную грудь прорезал бы тишину его холостяцкой квартиры. Это был мускулистый, сильный охотничий пес, который взял след. Гард чувствовал: тут определенно что-то есть! Аль Почино — не один. Гангстеры исчезали и прежде. И всякий раз, как только полицейским властям становилось известно такое «исчезновение», начальство вздыхало радостно: «Ну слава Богу! Теперь забот меньше!» Все списывалось на междоусобные войны. Существовало даже такое достаточно распространенное мнение, что правосудие в этом случае осуществляется как бы само собой, не утруждая его блюстителей. «Он заслужил свой конец!» — говорили судьи и прокуроры и успокаивались. Да,

междоусобные войны не прекращались никогда, и на их счету было немало жертв. Но, кстати говоря, когда сводились преступные счеты, гангстерский мир широко оповещал об этом общественность, вплоть до газет и телевидения, а похороны погибших выливались в пышные и многотысячные торжества, как похороны национальных героев, причем участие в них принимали все «стороны» — и победившие, и потерпевшие, все отдавали дань таланту усопшего и его «заслугам» перед отечеством. По обоюдному молчаливому соглашению на похоронах никогда не раздавались выстрелы, и обе стороны не несли потерь. Зато уже на следующий день они караулили друг друга в вечной погоне за мщением, в которой преследуемые могли оказаться преследующими, как, впрочем, и наоборот. Они отлично убирали друг друга, то есть сами себя: топили, сбрасывали с поездов, душили в автомобилях гитарными струнами, травили в барах цианистым калием, наконец, просто расстреливали издалека и в упор, но именно убивали — для устрашения, в этом и заключался главный смысл! — элементарно исчезнувших среди них не было.

Не было? Так ли уж не было, если внимательно присмотреться? Конечно были. Гард лично знал гангстеров, которые без траурной каемки в газетах и без похорон более не всплывали на поверхность, не участвовали в делах, уносили с собой в небытие и свои «почерки», и свои специфические привычки. Однако их валили в одну кучу с павшими от рук конкурентов…

Гард резко встал с кресла, сдернул пиджак со спинки и энергично, как огородник лопатой, орудуя длинным рожком, обулся в прихожей. Через десять секунд он уже был внизу, у машины.

5. С ГАРАНТИЕЙ И БЕЗ

Появление комиссара в управлении в столь неурочный час вызвало искреннее недоумение, если не сказать — переполох. В синем сигарном дыму комнаты дежурного молоденький инспектор быстро и ловко смахнул с пульта четырехгранную бутылку. Гард видел это через открытую дверь, автоматически отметил про себя — джин «бифитер», но не остановился, прошел по длинному коридору дальше и исчез за дверью с табличкой ЦИЦ.

ЦИЦ — Центральный информационный центр, был давней и мучительной заботой комиссара. Гард понимал, что прежнее архивное хозяйство — именная, предметная, хронологическая и дактилоскопическая картотеки, — все это уже не архивы, а архаизмы, девятнадцатый век, и надо все это сажать на прочный электронный фундамент. Но денег на подобные переустройства давали катастрофически мало, и потому все растянулось на годы. Самое же неприятное заключалось в том, что большинство коллег Гарда не желало учиться обращению со всей этой, в общем-то довольно глупой, как им казалось, электроникой и ворчало, что все-де перемешалось, и что теперь лежит в машине, а что в старых карточках архива, никому не известно. Впрочем, все и на самом деле было здорово перемешано, но лично Гард знал, что и где надо искать.

И он довольно быстро нашел то, что хотел найти.

Бесстрастный телекс равнодушно отстучал ему список канувших в небытие гангстеров Фреза и Гауснера. Ровный строй из девятнадцати фамилий некогда «активных штыков» стоял на плацу длинной голубоватой бумажной ленты по стойке «смирно». Аль Почино, девятнадцатый, был замыкающим. Гард присел на высокий вертящийся табурет и закурил, хотя в ЦИЦе курить запрещалось.

Итак, девятнадцать «чистеньких». Ушли бесследно, не оставив ни слюны на конверте с последней запиской, ни красного пятнышка крови на паркетном полу, ни машины, развороченной пластиковой бомбой, подложенной под переднее сиденье. Ушли, не распорядившись своей движимостью и недвижимостью, не предупредив консьержек и любовниц, да что там любовниц, — один даже оставил без присмотра любимого той-терьера! А самое главное, все девятнадцать покинули этот мир без объявлений в газетах и, что уж совсем неприлично, без похорон.

Кстати, когда же они покинули сей мир?

Гард сел за пульт и поиграл кнопками. Теперь перед ним лежала та же колонка, но уже с датами, судя по которым Господь Бог прибрал девятнадцать своих не самых покорных сынов в течение последних трех лет. Так. Хорошо. Прежде всего, решил Гард, не будем сваливать их в одну кучу с действительно погибшими в междоусобных войнах. Кроме того, для очистки совести проиграем эти фамилии по реестру чудаков, которые возятся с самоубийцами. Какой у них код? Черт побери, он забыл даже названия этих бюро! Ах да, «Душа в душу» и «Не торопись!». Отлично. Входящий номер 37-01-16-54. Так. Теперь наложим на всю группу из девятнадцати человек…

Уже по однообразному стуку телекса, не глядя на ленту, Гард понял, что пошли одни нули. Все девятнадцать не звонили этим умничающим идиоткам из «Душа в душу» и «Не торопись!», — собственно, Гард был в этом уверен сразу. Представить себе, что девятнадцать головорезов ищут поддержки у бледных и заплаканных старых дев душеспасительных контор, он не мог, хотя «Не торопись!» часто публиковала в религиозных газетенках сопливые репортажи о том, скольких потенциальных самоубийц спасли они от гибели патетикой телефонных увещеваний и письмами, так закапанными слезами, что непонятно было, как их только сумели прочитать клиенты-неврастеники.

Нет, следов девятнадцати здесь не найти.

А может быть, «Фирма Приключений»?

Гард давно уже собирался разобраться с деятельностью странной организации, созданной не так давно и призванной развлекать богатых бездельников. Комиссар никогда не сталкивался в своей работе с этой фирмой, но слышал о ней много интересного. Помнил он и шумную телевизионную дискуссию, в которой известный врач-философ Коппи ставил под сомнение саму целесообразность существования этой организации, поскольку любители острых ощущений доигрывались до того, что действительно отправлялись на тот свет — не без помощи фирмы.

Не вникая в тонкости, связанные с деятельностью странной организации, комиссар Гард интуитивно чувствовал, что это — темная контора. Широкие международные связи, с одной стороны, и фактическая бесконтрольность — с другой, делали ее в глазах Гарда заведомо подозрительной. Конечно, кто ее знает,

может быть, вся эта лавочка была удобна для управления разведки, но… Тут, как говорится, Гард умывал руки: зачем соваться в чужие дела, когда так много своих?

Впрочем, на сегодня хватит. Сунув в карман отпечатанные телексом справки, Гард собрался домой, но вспомнил о Фреде Честере. Боже, с этими дурацкими государственными делами можно утратить главное, что делает человека человеком: обязанности и долг перед друзьями! Как зовут эту прекрасную даму из «Вечернего звона», жену Орвана-верблюда? Дай Бог памяти… Гриппски! Аделаида Гриппски по прозвищу Идка-вонючка, она же Скунсиха! Превосходно. Не откладывая дела в долгий ящик, Гард сделал необходимый кнопочный набор, и ровно через десять секунд, покопавшись в своей бездонной памяти, компьютер выдал ответ. «Аделаида К.Гриппски, по мужу Орван, 1955 года рождения, дважды судима за мошенничество, профессия — прочерк, трижды замужем, детей нет, политических убеждений не имеет, особые приметы: любит красную икру, от черной — аллергия…» «Какой идиот, — подумал Гард, — закладывал в компьютер эту программу?» Теперь заглянем в подробную разверстку и расшифровку дел Вонючки. Ну и следователи, ну и кретины!.. Да эту Скунсиху можно было… стоп. Достаточно, и даже сверх того. Между прочим, надо отметить, что Честер проявил излишнюю щепетильность, за три минувших дня ни разу не позвонив Гарду и не напомнив о своих бедах. Но хорош и Гард, если без напоминания может забыть о лучшем друге…

Через минуту, соединившись по телефону с банком Серпино, Гард услышал в трубке голос старого товарища. Выслушав все, что касалось Аделаиды Гриппски, Клод почмокал губами и сказал:

— Дэвид, а что я, собственно, могу сделать?

— Ничего не знаю, дорогой, кроме единственного: ты расписал операцию и я свою часть дела сделал.

— Так ты предлагаешь мне то, от чего сам отказался? Шантажировать маэстро Орвана и его супругу?

— Не формулируй круто, Клод, я тоже умею формулировать. Посоветуйся с Рольфом, возможно, одного разговора с супругами будет достаточно, чтобы препятствия на пути у Фреда сами собой устранились. В конце концов, сведения, которые я тебе дал, чистая правда, а не клевета… Не дошедшая, кстати сказать, до прессы.

— Но это лучше получится у Карела.

— Нас кто-нибудь подслушивает, Клод?

— С чего ты взял?

— Тогда не строй из себя оскорбленную невинность. Хочешь, я скажу тебе, кого из конкурентов твой банк слопал с потрохами за одну только эту неделю, не оставив семьям даже ста кларков на поминки? И вообще, уважаемый «таксист», не первейшая ли забота водителя доставить клиента к месту в целости и сохранности?

— Ладно, Гард, я подумаю… И все же, почему бы не поговорить с ними тебе?

— Я представитель власти, Клод, а ты можешь говорить с частными лицами как частное лицо. Советую в разговоре с Орваном нажимать на то, что его супруга

обожает красную икру…

— Иди к черту.

— Не возражаю. Привет жене!

Вернувшись домой. Гард решил на всякий случай позвонить на «Фирму Приключений», хотя прекрасно понимал, что по телефону ни одна уважающая себя организация ни одной мало-мальски серьезной справки не даст. Однако даже в этом убедиться было бы интересно, чтобы выработать какую-то программу действий.

— Добрый день, — сказал Гард в ответ на вежливое женское «Алло!». — Вас беспокоит комиссар полиции Гард, — начал он ленивым тоном человека, заранее уверенного в неудаче. — Я хотел бы получить одну справку и был бы признателен вам, если бы…

— Да-да, пожалуйста! — в голосе девушки слышалась приветливая готовность хорошо вымуштрованной секретарши. — Что вас интересует?

— Не было ли за последние полгода в списках ваших клиентов мистера Аль Почино?

— Одну минуточку… Как вы говорите? Почико?

— Почино, — поправил Гард, — Аль Почино.

— Почино… — протяжно запела секретарша. — Почи… но… Да! Вот он, господин комиссар…

— Гард.

— Извините, комиссар Гард. У нас, к сожалению, такой клиент был, — услышал Гард обескураживающий своей простотой ответ.

— Почему «к сожалению»? — Комиссар цепко ухватился за это слово.

— Видите ли, мистер Аль Почино купил себе приключение без гарантии и погиб, — ответила девушка с той же подкупающей бесхитростностью.

— Простите, что значит «без гарантии»? — не понял Гард.

— Это означает, что фирма не гарантирует сохранение жизни клиента при осуществлении купленного им приключения. — Видно было, что она выучила эту фразу по инструкции.

— Благодарю вас… Да, когда это случилось?

— Секунду… Три дня назад, семнадцатого августа. Благодарю вас за внимание.

И аппарат дал отбой.

Гард задумался, и было над чем. Выходит дело, люди исчезали, исчезали, если можно так выразиться, фундаментально, то есть без следов, без писем и завещаний, исчезали так, что даже полиция не могла найти их след. Но стоило позвонить по телефону, и какая-то курица невинным голосом сообщает вещи столь удивительные, что хочется ущипнуть себя: не сон ли это? «Без гарантии»! — как вам это нравится?! А он тормошит досье, гоняет в ЦИЦе компьютер, ворошит горы карточек, когда так все просто и элементарно: «без гарантии», семнадцатого августа!

Гард быстро набрал тот же номер.

— Извините, — почему-то весело произнес он. — Это опять Гард. У нас нет под рукой подходящих справочников. Не смогли бы вы сказать, когда основана ваша фирма?

— О да, конечно! «Фирма Приключений» работает уже три с половиной года, — с той же предельной готовностью сообщила девушка.

— Большое спасибо.

Так. Фирма рождена три с половиной года назад, а девятнадцать человек исчезли бесследно именно за этот период! О нет, связь тут, разумеется, эфемерна, но не сопоставить такие факты настоящий сыщик не может. А что, если взять сейчас да и вновь позвонить девице, продиктовать ей все девятнадцать фамилий гангстеров и, что называется, не отходя от кассы, получить желаемый ответ?!

Спокойно, надо вспомнить слова великого и незабвенного учителя Альфреда-дав-Купера, говорившего, что «торопиться необходимо только тогда, когда нельзя медлить». Чего спешить? Тем более что Гард в принципе не знал, что делать потом, как идти дальше, и даже сам себе не мог объяснить, что он надеется найти в конце этого пути. Интуиция, или как там называть всю эту психологическую туманность, короче говоря, чутье подсказывало комиссару, и даже не просто подсказывало, а подсознательно, но властно требовало от него: копай здесь! В эти блаженные минуты наития он уже не думал собственно о несчастном антикваре Мишеле Пикколи и магните, — главная причина поиска как бы растворилась, четкие контуры конкретного преступления расплылись, зато ясно образовали логическую цепь, в начале которой был антиквар Пикколи, а в конце — но в конце ли? не потянется ли цепь дальше? — «Фирма Приключений». Гард почти физически ощущал присутствие рядом чего-то несравненно большего, чем «простое» убийство и ограбление антиквара. Этот туманный, неясный, предполагаемый мир был куда более важным, более страшным и глубоким, чем рядовое дело Мишеля Пикколи, несмотря на всю его занимательность для криминалиста. Причем электромагнитная установка, которую вряд ли могли создать и пустить в дело обыкновенные гангстеры, добавляла этому предполагаемому миру зловещую окраску, увеличивая его масштабы до…

В общем, все это чертовски трудно было не только объяснить, но даже додумать. В мозгу комиссара шумела, кричала, горланила целая орава мыслей, и он просто ждал, когда она сама по себе несколько утихомирится, чтобы мозг его начал спокойно действовать.

6. ВИЗИТ К ГОСПОДИНУ ХАРТОНУ

Утро Гард начал с просмотра реклам фирм, специализирующихся на организации досуга населения. Быстро пробежав глазами стыдливые анонсы

всевозможных заведений весьма сомнительной репутации, он натолкнулся на объявление в респектабельной рамке:

> *«**Фирма Приключений** ». Гарантированные приключения от веселых путешествий до смертельных схваток на всех континентах планеты за умеренную плату. Кавалерам медали «За мужество» скидка десять процентов.*

— Алло, Таратура, — прямо из дома набрал номер инспектора комиссар Гард. — На всякий случай: я еду в «Фирму Приключений», площадь Согласия, 3. Подстрахуйте, хотя, я думаю, работы вам никакой не будет.

— Вас понял, шеф. Разрешите полюбопытствовать: вам мало бесплатных приключений?

— Появились лишние деньги, не проигрывать же их в вист, как некоторые из моих коллег! Чего примолкли, инспектор?

— Беру слова обратно, комиссар!

— Надеюсь.

Без труда Гард обнаружил на площади Согласия прекрасный особняк, относящийся к началу века, который был украшен скромной и солидной вывеской:

> ***«Фирма Приключений».***

Гард вошел в вестибюль, и тут же, словно о визите его было сообщено заранее, навстречу ему выпорхнула тоненькая девица в огромных темных очках, делающих ее похожей на стрекозу:

— Чем можем быть полезны господину…

— Гард. Дэвид Гард. — Он протянул визитную карточку, сразу узнав голос: с ней они беседовали по телефону.

— …господину Гарду? Очевидно, вам было бы интересно узнать, что…

— Я хотел бы купить приключение, — неожиданно для себя произнес Гард, перебив «стрекозу».

— О, сколько угодно, господин Гард! — обрадовалась девица. — Не трудно ли вам последовать за мной? — И, не дожидаясь ответа, пошла по длинному коридору с многочисленными дверьми, за которыми редкие голоса, далекий стук пишущих машинок и скорее угадываемый, нежели действительно слышимый шорох бумаг создавали особый легкий звуковой фон, обязательный для каждой фирмы, стремящейся произвести впечатление на посетителей. А есть ли фирма, которая не стремилась бы к этому? Впрочем, мы отвлекаемся…

Они вошли в приемную, где сидела другая девица в точно таких же очках, но не в белой, а в красной юбке — других отличий не отметил даже опытный глаз

комиссара полиции. «Белая стрекоза», кивнув Гарду, сделала движение руками, которое помогло ей выпорхнуть из комнаты, а красная, взглянув на визитку, сообщила комиссару, что она будет счастлива доложить о нем господину Хартону, который, в свою очередь, будет счастлив его принять.

Через секунду Гард уже сидел в просторном кабинете улыбающегося всеми тридцатью двумя искусственными зубами господина Хартона, пожилого грузного человека, розовое чело которого было обрамлено, как атолл пальмами, кольцом весело вьющихся седых волосков, что вместе с лукавыми, даже плутовскими глазками делало его похожим на старого вакха, спрыгнувшего за этот великолепный письменный стол прямо из рамы какой-нибудь аллегории Рубенса. Низко склонившись над столом, Хартон разглядывал Гарда, в то время как левая рука его машинально то накручивала на указательный палец, то раскручивала длинную черную прядь волос высушенной до размера кулака головы индейца, которая украшала собой письменный прибор. На столе Хартона Гард сразу заметил множество других экзотических мумий. Чучело рыбы пираньи, о зубы которой, как можно было заметить по белым стружечкам во рту, точились карандаши. Черепаховая пепельница стояла рядом с подставкой для трубок в виде медвежьей лапы. Настольная лампа с инкрустациями из тропических бабочек еще более усиливала впечатление, что вы находитесь скорее в каком-то этнографическом музее, нежели в кабинете делового человека.

Хартон перехватил быстрый взгляд Гарда и без всякой связи с только что прозвучавшими любезностями знакомства сказал:

— Надо, господин комиссар! Надо! Для дела. На вас эта рыба не действует, а многие просто сразу замирают. Итак, вы хотите купить приключение? Я, признаться, удивлен. Я вижу вас скорее в роли продавца, чем покупателя… Вас, творца и гения приключений!..

Гард сразу понял, что Хартон большой хитрюга. И эта очаровательная откровенность по поводу настольной экзотики, и подкупающая лесть, от которой должно было дрогнуть сердце любого полицейского, — все это говорило о хорошем импровизаторе, учитывающем психологию собеседника. Сразу стало интересно.

— Вы правы, мне хватает собственных передряг. Я хотел бы купить приключение одному знакомому, — сказал Гард.

— Мужчине? Женщине?

— Мужчине.

— Приключение, полагаю, без гарантии?

— Нет, почему же? — удивился комиссар.

— Видите ли, мой опыт подсказывает, что если приключение покупают не для себя, то обычно не возражают против смертельного исхода.

— А чем это отличается от убийства?

— То есть как это чем?! — воскликнул Хартон. — Во-первых, человек знает, на что идет. С согласия клиента, только с согласия клиента! Во-вторых, смертельный исход, конечно, планируется, но он вовсе не обязателен. Мы спустили машину с одним парнем в Гранд-Каньон. Машина падала в пропасть глубиной в тысячу

метров, а парень вылетел из кузова и повис на первом же кусте. Поломал на ноге мизинец, только и всего! А с раненым слоном был случай! Обычно, если у вас одно копье, раненый слон — верное дело. Поверьте, что в колючих кустах, а тем более на поляне, слон бегает быстрее человека. Обычно он хватает вас за ногу хоботом и бьет о землю. Бьет, пока вы не перестаете кричать. А уж после этого начинает топтать. Да, раненый слон — это чистый верняк! Но три года назад один моряк убежал-таки от раненого слона! Иной раз подбираем группу «смертников», фрахтуем какой-нибудь плохонький пароходик, они уплывут, а мы их где-нибудь эдак миль за двести от берега возьмем да и подорвем по радио. И что вы думаете? Глядишь, двое-трое приплывут на бочках или на досках… Какое же это убийство? Что вы?!

— Нет, — терпеливо выслушав, сказал Гард, — мне без смертельного исхода. Но чтобы нервы пощекотало все-таки.

— Дорогой господин Гард! Но ведь мы и существуем для того, чтобы щекотать нервы! Все зависит от того, что вы подразумеваете под этим понятием?

— Мне трудно сказать. А что вы можете предложить?

— Да все что угодно! — всплеснул руками Хартон, и сушеная голова индейца закачалась перед лицом Гарда. — Выбирайте! Разорение мнимое или подлинное? Игорный дом?

— Нет, это не то.

— Прекрасно. Пожар? Наводнение? Буря на озере? На море? Ураган? Лавовый поток? Буран в степи? Самум в пустыне? Русская вьюга с водкой плюс вы вываливаетесь из саней, запряженных тройкой? Землетрясение? Цунами, но это, предупреждаю, дорого…

— Мне бы хотелось, если можно, чего-нибудь, не связанного со стихийными бедствиями.

— Ради Бога! Пленение дикарями? Портовая драка? Встреча с настоящим королем за одним столиком в кафе?

— Если не секрет, что дешевле: портовая драка или король?

— Конечно, король! У короля финансовые неприятности. Делать он абсолютно ничего не умеет. В молодости, говорят, неплохо играл в регби, а теперь и для регби стар. Мы даем ему немного подзаработать. Кстати, он в восторге, потому что никто не знает, что он работает, сидя за наш счет в кафе, и это, представьте, не оскорбляет достоинства его величества. А на портовую драку надо нанимать студентов, наряжать их в тельняшки, береты, при этом драться они не хотят и не умеют, клиенты часто их бьют, студенты обижаются и просят прибавки гонорара… Что вы, драка раза в три дороже короля! Да что мы гадаем? Ведь есть прейскурант. Пожалуйста: баронет — 4 кларка, герцог — 7 кларков, король — 20 кларков. Если вы сами угощаете короля — 35 кларков, за дополнительную экзотику. Так. Теперь драка в порту. Тридцать кларков — один матрос. Один на один — какое же это приключение? Берут минимум двух человек. Вот вам уже 60 кларков, а король всего двадцать, и рассказов, особенно если вы угощаете, на всю жизнь! Король, по-моему, гораздо выгоднее, причем именно за тридцать пять!

— Нет, король — это совсем не в духе моего друга, господин Хартон. Это для

мещан. Ну, король, ну и что? Мой друг — романтик, любитель приключений!

— Прекрасно. Тогда свидание с кинозвездой в отеле плюс побег из окна по веревочной лестнице, когда неожиданно приходит ее муж. Сто кларков плюс по два кларка за каждый этаж…

— А без звезды? Одну лестницу можно?

— Пожалуйста.

— И все же не то, нет, не то!

— Спуск на дно моря? В жерло вулкана? В медвежью берлогу?

— Опять немножко не то. — Гард от досады щелкнул пальцами.

— Скачки на страусах? Верхом на дельфине?

Гард вновь покачал головой, но Хартон был неистощим:

— Тогда ограбление банка? Участие в похищении «Моны Лизы»? Клуб любителей гашиша?

— Вы какой клуб имеете в виду? — машинально спросил Гард.

— Дорогой комиссар, давайте не будем путать служебные интересы с увлекательным досугом. Все эти клубы вам, право, известны, поэтому на ваш вопрос я позволю себе скромно не отвечать.

— Согласен с вами. Ну, что еще можете предложить? Только без львов, слонов и акул. Что-нибудь острое, запоминающееся на всю жизнь.

— Есть парашют. Дергаете за кольцо, а раскрывается только через полторы минуты. Очень запоминающаяся вещь…

— Неплохо. Но грубовато.

— Танцующие скелеты в старинном замке? Летающие гробы?

— Тоже не то. Здесь человек пассивен. Гроб летает, а тебе что делать? Ждать, когда он сядет?

Кажется, Хартона обидели последние замечания Гарда, он уже давно мог потерять терпение, но был вышколен даже более основательно, чем его секретарши, — но кем? Кого представлял этот человек, умеющий сохранять улыбку в ситуации, когда другой на его месте уже взорвался бы и послал ко всем чертям не только комиссара полиции, но и самого президента, если бы тот пришел в фирму, чтобы с изощренностью инквизитора поиздеваться над ее сотрудниками. Однако Хартон позволил себе лишь чуть-чуть изменить тональность разговора, введя едва заметную ядовитость или язвительность, — зависит от того, кто что захочет услышать в его с улыбкой произносимых словах; с подобной тональностью ведут разговор с клиентами продавцы фешенебельных магазинов, когда догадываются, что те приходят без денег, во имя праздного интереса. Отставив голову индейца, Хартон откинулся в кресле и сказал подчеркнуто вежливо:

— Господин Гард, весьма сожалею, но мне трудно что-либо предлагать вам, поскольку я не совсем понимаю, что вам надо. Повторю: я уверен, что наша фирма способна удовлетворить самый взыскательный вкус, но, согласитесь, надо прежде знать, что, собственно, удовлетворять.

— Господин Хартон, все названные вами приключения, безусловно, интересны, — не менее вежливо ответил Гард. — И, поверьте, именно этим объясняются мои затруднения в выборе. Трудно остановиться на чем-либо определенном, когда перед тобой такие россыпи.

Сердце Хартона как будто смягчилось от столь высокой оценки возможностей фирмы.

— Итак, господин Гард, — с прежней открытой приветливостью сказал он, — приключения бывают трех категорий: драматические, романтические и мистические. Например, падение самолета в океан, прелестная незнакомка в гостиничном номере и привидение…

— А нельзя ли, — перебил Гард, — познакомиться с незнакомкой в самолете, падающем в океан, а ночью, когда ты плывешь с ней в резиновой лодке, из воды лезут привидения?

— Можно! — радостно воскликнул старый вакх. — Все можно, если у вас есть деньги. Я понял наконец: вам нужно ассорти!

— Что?!

— Ассорти. Вы, очевидно, не очень внимательно прочитали проспект фирмы. Ассорти из приключений включает приключения всех трех категорий. Это стоит до тысячи кларков. Согласен, дорого. Но поверьте, комиссар, ассорти стоит этих денег! В этом случае список приключений не оговаривается заранее. Вы развлекаетесь до тех пор, пока сами в устной или письменной форме не говорите: «Хватит!» Если в течение недели клиент не скажет «хватит», деньги возвращаются. Но хочу честно предупредить: был лишь один-единственный случай, когда мы вернули деньги. Буквально на второй же день после ночевки в склепе у клиента случился нервный шок и он онемел. Мы же ничего не знали и возились с ним целую неделю. Потом судились, но деньги все же пришлось вернуть! Кстати, после этого случая мы и ввели в правила эту поправку: «хватит» можно сказать как в устной, так и в письменной форме. Поверьте, ассорти — это великолепно! Не было ни одной жалобы!

— Согласен, но мне бы не хотелось доводить дело до онемения и нервных шоков, — сказал Гард, который давно понял, что Хартон хитрее, чем он думает, и что вся эта милая болтовня и даже мнимая обида, которую этот старый вакх так неназойливо и тонко продемонстрировал, позволяют считать Хартона тертым калачом, да другого на его месте вряд ли бы держали. Продолжать игру дальше уже не имело смысла, и Гард сухо произнес: — Ладно, Хартон, довольно. Пощажу ваши нервы в обмен на то, что вы пощадите мои. Гляньте на список, вам известны поименованные в нем люди?

С этими словами Гард вынул из кармана белую карточку, на которой были напечатаны девятнадцать фамилий пропавших бесследно гангстеров.

— Ах, комиссар, комиссар! — Хартон откинулся в кресле и захохотал вдруг, запрокинув голову. — Так обмануть старика! А я-то думал… Вы не поверите, я ведь был уверен, что вам действительно нужно приключение. «Друг-романтик», как вам это нравится? Ведь я поверил, поверил! О, наивный, предлагал кинозвезду с веревочной лестницей! — Хартон опять заразительно расхохотался, показав

фарфоровые зубы; вероятно, решил Гард, ему нужно какое-то время, чтобы прийти в себя и собраться с мыслями. Ну что ж, пусть собирается…

Комиссар молча смотрел на веселящегося вакха, и даже Хартону стало понятно, что Гард понимает, что он врет. Сразу оборвав смех, старик заговорил в том тоне, в каком только что произносил слова комиссар, решив, что сухость и строгость дадут понять комиссару, что его условия игры приняты. Пока Гард воображал, что изучает Хартона, Хартон сам изучал гостя, и этот финал с хохотом тоже разыгрывался с мастерством незаурядного актера.

— Только дела, одни дела интересуют таких людей, как вы, комиссар, — устало произнес Хартон с некоторым сочувствием в адрес Гарда, промокая при этом глаза белоснежным платком. Затем, грустно улыбнувшись, он медленно взял карточку с фамилиями, пробежал ее глазами, некоторое время молчал, что-то обдумывая и как бы вспоминая, и наконец произнес: — Трудно сказать, господин комиссар… Вот эту последнюю фамилию я вроде помню, Аль Почино… Да, конечно, помню. Этот малый купил себе приключение без гарантии и…

— Мне это уже известно.

Хартон вяло посмотрел на комиссара, как бы желая сказать, что и ему известно, что это известно Гарду, а затем так же вяло перевел глаза на карточку с фамилиями:

— Но ведь вы не знаете подробностей, господин Гард. Вы хотели бы знать, как погиб Аль Почино?

— Разумеется.

— Точно не помню, но что-то, связанное с морем… Это легко восстановить, если позволите. Вся документация…

— Документация пока не нужна, — сказал Гард. — Море так море. Концы в воду.

— Не понял? — произнес Хартон, склонив голову набок и приложив ладонь к уху, как бы давая этим понять, что он ослышался.

— Я говорю, Хартон, что сейчас меня больше интересуют остальные восемнадцать человек! — Гард твердо посмотрел в глаза вакха, которые из вялых мгновенно превратились в осмысленно-энергичные.

— О, это мы немедленно установим!

Хартон нажал кнопку и, едва «красная стрекоза» появилась в дверях, проговорил, протягивая ей карточку:

— Проверьте, мисс Паули, пользовались ли эти люди услугами нашей фирмы.

— И когда, — вставил Гард.

— И когда, — повторил Хартон. Затем добавил, предвосхитив слова комиссара: — И с каким результатом. Вам ясно?

«Стрекоза» кивнула, и дверь за ней закрылась.

Гард спросил:

— Сколько человек в год погибают с вашей помощью?

— Вот именно: всего лишь «с помощью», комиссар… Знаете, эта цифра сильно колеблется. В первый год существования фирмы — буквально единицы. Но мы не жалели денег на рекламу, сняли отличный документальный фильм, его показывали по многим программам ТВ. Помните, там есть кадры, когда человек гибнет в вулканической магме? Единственные в своем роде кадры…

— Тогда и начал атаку на вас этот врач?

— Коппи? Идиот. Завистник. Уверяю вас, люди, подобные этому, с позволения сказать, «врачу», погубят великую западную демократию. Свобода предпринимательства! Пока она существует, существуют все другие свободы, комиссар. Мир пресен. Мы окружены услужливыми машинами и механизмами. Человек стал человеком в результате борьбы за существование, в схватке со стихиями. Он должен был постоянно утверждать себя, именно так он рос. А сейчас?

— Ну, борьбы за существование предостаточно и в наше время, — сказал Гард.

— Ах, вы о социологии, — поморщился Хартон. — Нас не интересует социология. Я говорю о нагрузках физических. Тело взывает и возмущается! Оно рождено для борьбы, для движения, оно обязано напрягаться, это потребность мышц…

— Да вы теоретик, Хартон?

— Недовольство тела приводит к недовольству духа, — словно не слыша Гарда, продолжал старый вакх. — Здесь корень всех нервных расстройств и психического дискомфорта. И правоту этих моих слов подтверждает успех, я имею в виду коммерческий успех, нашей фирмы. Мы дали наконец возможность человеку вновь почувствовать себя человеком. И если он покупает себе приключение без гарантии, это означает только, что ему до смерти осточертел этот мир со всеми его страховками, спасательными кругами, привязными ремнями, футбольными щитками, предохранителями, огнетушителями, вентиляторами — со всей этой техникой безопасности в самом широком смысле этого понятия.

Гард смотрел на Хартона и ловил себя на мысли, что опять не может понять, говорит ли тот искренне или валяет дурака. «Если это лицедей-профессионал, то профессионал самого высокого класса», — подумал Гард.

— А что делаем мы? Мы говорим ему: плыви по морю жизни без спасательного круга! Испытай себя! Побеждай и тем самым научись уважать себя. И если он гибнет, если человеку не по силам эта борьба, то в миг своей гибели он не проклинает нас, нет! Утопающий никогда не проклинает бурю, он оплакивает себя, слабость своего тела и своего духа…

— А не кажется ли вам, — сказал Гард, — что, рассуждая подобным образом, можно, например, организовать фирму в помощь самоубийцам? Человек хочет уйти из жизни, но не может решиться убить себя, и тут приходит агент фирмы… Впрочем, даже не приходит, а, получив заявку, ну и деньги конечно, подстерегает клиента, ничего в тот момент не подозревающего, на улице и с чердака из бесшумной винтовки с оптическим прицелом — шпок!

— Блестящая идея, господин комиссар! — искренне воскликнул Хартон. — Вы гений! Давайте организуем общее дело, ведь у вас наверняка есть люди, умеющие метко стрелять, а мы со своей стороны…

— Перестаньте говорить глупости, Хартон. Я, кажется, вас спросил, какое количество трупов в год делает ваша фирма? — с металлом в голосе произнес Гард.

Хартон слегка сузил глаза, как бы прицеливаясь:

— Прошу прощения, комиссар, но такой цифры я в данный момент не могу вам представить. Мы этих данных не имеем, надо считать. Зато всю прочую документацию, смею уверить вас, фирма хранит в идеальном порядке и готова…

В это мгновение на пороге кабинета возникла «красная стрекоза», и Хартон оборвал себя на полуслове. Подойдя к столику шефа, она положила перед ним карточку Гарда и бесстрастным голосом произнесла:

— Мистер Хартон, все поименованные в этой карточке господа в разное время были клиентами нашей фирмы. Они приобрели приключения без гарантии и погибли при различных обстоятельствах.

— Благодарю вас, мисс Паули, — почему-то довольным тоном сказал Хартон, и «стрекоза», даже не взглянув на Гарда, упорхнула. — Вот так, господин комиссар, весьма сожалею, но увы…

Гард встал. Дальнейший разговор был бесполезен. Из этого Хартона можно было вытряхивать цифры и сведения с таким же успехом, как пыль из металлического сейфа.

— Я, признаться, всегда считал, что этим ребятам хватает приключений в повседневной реальности, — заметил Гард. — Как вы там говорили? «Потребность мышц»? У них эта потребность удовлетворена на сто лет вперед.

— Поверьте мне, старику, — возразил Хартон с непременной улыбкой на устах, — что чужая душа — потемки!

— Нет, не поверю, — произнес Гард, подавая Хартону руку, поскольку тот вежливо протянул свою. — Приготовьте для меня всю документацию, за ней заедет кто-нибудь из моих сотрудников. Впрочем, не гарантирую, что нам с вами больше не придется встречаться.

Гард повернулся и пошел к двери.

— Всегда к вашим услугам! — вдогонку произнес Хартон.

— Да, — остановившись в дверях, сказал Гард, словно вспомнив нечто важное. — Скажите мне, Хартон, почему за целый час нашего с вами разговора ни разу не зазвонил телефон на вашем столе и никто из ваших людей вас не потревожил? Или вся жизнь на фирме замерла, как в кладбищенском склепе, над которым летают гробы?

Хартон в ответ развел руки, как бы желая сказать много больше того, что он скажет на самом деле. Гард усмехнулся:

— Ладно, так и быть: я буду поставлять вам метких стрелков, а вы?

— Позабочусь о рекламе, — попытался в тон Гарду пошутить Хартон.

— Об этом стоит подумать!

С этими словами Гард вышел из кабинета. Он не мог видеть, как изменилось лицо старого вакха, как мгновенно слетела искусственная улыбка с его тонких губ,

как резко сузились глаза, а вся физиономия приобрела суровые, даже жесткие черты. Некоторое время Хартон сидел неподвижно, разглядывая высушенную голову индейца на своем письменном приборе. Затем, не оборачиваясь, он протянул руку к красной кнопке за своей спиной, и в то мгновение, как Хартон нажал ее, из маленького динамика, вмонтированного в торшер, раздался спокойный голос с баритональными нотками:

— Я все слышал, Хартон, не надо волноваться. Сегодня к шестнадцати часам подготовьте мне официальный доклад о визите комиссара Гарда и приложите к нему магнитофонную запись разговора.

Динамик сам выключился, и губы Хартона неслышно прошептали уже в пустоту:

— Слушаюсь, генерал!

7. КАПРИЗ

— Ну, как дела? — спросил Гард, открывая дверцу «мерседеса» Фреду Честеру. — Не копайся, садись проворнее, — добавил он.

Моросил теплый дождь. Мимо них в свете фонарей проносились деформированные тенями вечера автомашины. Честер выставил ладонь через приспущенное стекло и ловил ею щекочущие капли дождя.

— Я спрашиваю, как дела? — повторил Гард.

— Да ну вас всех к черту! — беззлобно произнес Честер. — Представь себе, сегодня днем Верблюд справился о здоровье Линды! Вы что, гипнотизируете, что ли? Оказывается, он даже знает, как ее имя… Признаюсь тебе, Дэвид, о чем я мечтал, становясь журналистом. О том, чтобы мои коллеги ценили меня за собственные качества, а не за достоинства моих друзей!

— Если твой шеф — верблюд, — заметил Гард, — то ты настоящий безмозглый осел… Между прочим, достоинства твоих друзей суть продолжение твоих собственных достоинств: скажи мне, кто твой друг, — или забыл? — и я скажу тебе…

— Ничего ты не скажешь! — воскликнул Честер, перебивая друга. — Ответь мне, каким образом Клоду удалось прищемить хвост Аделаиде Гриппски? Молчишь? За ней действительно что-то числилось по твоему ведомству? Когда Верблюд объявлял о моем назначении «контробозревателем», он не глядел никому в глаза, и вид у него был как у побитой собаки. Мне даже стало жаль его, честное слово! Вы все же шантажировали Аделаиду, да? Скажи мне, Дэвид, я такой ценой получил должность?

— Извини, Фред, но мне неприятен этот разговор. Во-первых, «операцию» осуществлял не я, а Клод вместе с Рольфом, и что они там делали, мне неизвестно, да и знать, откровенно говоря, не хочется. Правда, не скрою, кое-какие данные об Аделаиде я им дал, она действительно женщина «с прошлым», как говорят в таких случаях. Это во-вторых. И если вместо того, чтобы сесть в тюрьму за прошлые грехи или, как минимум, попасть в лапы репортерам, она откупается местом для способного журналиста во вшивой газетенке своего супруга, то это для нее подарок

судьбы. Щедрый, Фред! Так что хватит об Идке-вонючке и о Верблюде, лучше помоги мне разобраться в дурацком деле с «Фирмой Приключений», я сам удивляюсь своей тупости.

— Комиссар полиции в принципе может быть тупым, — философически заметил Честер. — Но комиссар полиции, говорящий, что он туп, — это нарушение всех детективных канонов.

— При чем тут каноны? Ты же сам говорил мне, что литература — это модель жизни, но всякая модель несовершенна. Каноны! Если бы я писал об убийстве Мишеля Пикколи роман или повесть, я бы давно нашел убийцу, связал бы его с «Фирмой Приключений» и откопал бы в этой фирме сюжет для кучи номеров самого популярного журнала. Писал бы, конечно, ты, но за идею и меня, надеюсь, не оставил бы без гонорара, а?

— Знаешь, Дэвид, чем стоять на месте, поехали куда-нибудь и посидим за чашечкой кофе, — предложил Честер.

Гард тут же вставил ключ в замок зажигания, и машина бесшумно сдвинулась с места, чтобы через какое-то время влиться в поток сотен автомобилей, летящих по вечерним улицам города, словно их гнала куда-то одна общая забота. Но вот через минут пятнадцать «мерседес» Гарда, миновав неоновые рекламы, пугающие фильмами ужасов и настоящими ужасами игорных домов, вырвался из общего потока чуть в сторону, где движение было поменьше, а потом Гард и вовсе свернул в тихую улочку, где по-семейному горела вывеска над дверьми двухэтажной виллы: «Не забывайте детство!»

— Вот тут и посидим, — сказал комиссар, выходя из машины.

— Не посидим, — с улыбкой поправил Честер, — а впадем в это самое детство! Ты иногда просто фантастически угадываешь настроение, Дэвид! Психолог!

— Какой к черту психолог? — проворчал Гард. — Просто перед лицом невероятно сложной задачи я ощущаю себя младенцем, только и всего.

Они вошли в небольшой зальчик, где им навстречу поднялась дама в очках с лицом гувернантки и жестом пригласила за стол. Ресторан был пуст, дела его шли, вероятно, не так уж блестяще — кому из взрослых, обремененных множеством тягчайших забот, удавалось найти время, чтобы «впадать в детство»? Впрочем, в самом углу друзья заметили пару — ее и его; они сидели рядом, как птенчики, держа друг друга за руки, и с умилением прикладывались к молочному коктейлю. Паре было, если не преувеличивать, не менее ста восьмидесяти лет на двоих.

Усаживаясь за стол. Гард шепнул Честеру, показав глазами на «птенчиков»:

— Нам до этого, слава Богу, не дожить.

— Чего изволите, мальчики? — нежным голосом, хоть и несколько фамильярно, спросила их «гувернантка».

— Хм! Двойной стерфорд, — сказал Честер. — И кофе без сахара, если не возражаете.

— Какая нынче молодежь пошла! — с улыбкой произнесла дама, явно желая сделать комплимент посетителям ресторана. — Не успели снять слюнявчики, и уже стерфорд!

Гувернантка удалилась, но очень скоро вернулась назад, неся на подносе кофе и две рюмки со стерфордом.

— Музыку? — спросила она.

— Да, что-нибудь из ранней юности, — попросил Честер. — «Два поцелуя за фантик». У вас это есть?

— Конечно!

И детский голосок, сопровождаемый совсем недурным джазом, запел известную песенку, в которой речь шла о том, что все начинается с невинных фантиков, а заканчивается рождением младенцев, которым приходится петь эту песенку про поцелуи за фантики.

— К сожалению, — сказал Гард, — мы все еще не утратили детской наивности. Во всяком случае, ты.

— Твоя профессия скорее других излечивает от инфантильности. Между прочим, профессия Клода Серпино тоже. О Рольфе я не говорю: наука основана на принципе «много будешь знать — скоро состаришься». Из всех нас только Карел защищен от быстрого дряхления: он — народ, народ любит поэзию и музыку, а эти вещи благоприятствуют молодости, привилегия которой — наив! Ты согласен со мной, комиссар?

— В какой-то степени. Я бы добавил, что рутинная работа в любой бюрократической канцелярии тоже оставляет человека наивным: ему не о чем и некогда думать.

Они, не сговариваясь, отхлебнули одновременно по глотку стерфорда.

— Давай еще раз прокрутим логику событий, — предложил Гард. — О другом мне пока не думается.

— Давай, — без энтузиазма согласился Честер, но Гард знал, что с его характером он недолго останется холодным и равнодушным. — Смотри, кровавая лужа! — вдруг сказал он, показав на улицу за окном, где, подсвеченная неоновой рекламой ресторана, красным отблеском светилась лужа.

— Фред, ты воспринимаешь мир через образ, но это хорошо для писателя. Для журналиста — губительно. Кровавая лужа! — Гард пожал плечами. — Неон есть неон, лужа есть лужа, все остальное — отрыв от реальности.

— Покупка гангстерами приключений без гарантии — тоже реальность?

— Без сомнения, — сказал Гард.

— Но реальность этого факта не согласуется с логикой жизни. Скорее я могу представить себе алкоголика, который приходит в «Не забывайте детство!» и заказывает молочный коктейль, чем бандита, который выкладывает кровные деньги за то, чтобы его убили в «Фирме Приключений», вместо того чтобы там же заработать ту же сумму за убийство кого-то другого! Если это реальность, то что же тогда фантастика, Гард?

— Да, нелепо.

— Ты можешь объяснить мне, зачем они ищут смерть? Да еще не бесплатную?

— Не могу, Фред. Если это всего лишь «крыша», тогда, конечно… Но самое долгое приключение без гарантии длится не более двух недель. Стало быть, смыться на две недели? Тоже нелепость, ибо потом возникает вопрос: что дальше? Что же касается Аль Почино, то я вообще теряюсь в догадках. Он чист передо мной, никаких улик, одни досужие предположения, — какой смысл скрываться? А если они в этой фирме действительно… погибают, тут уж, извините, надо обращаться за разъяснением к психиатру. — Гард помолчал, закурил сигарету, сделал еще глоток стерфорда. — Фред, я не так уж плохо знаю психологию преступников, поверь мне…

— Верю, верю. Что ты хочешь сказать?

— Гангстерам чужды идеи монтекризма. Они прагматики и никогда не чешут левое ухо правой рукой. Аль Почино много раз попадал в переплет, как и все восемнадцать его собратьев по ремеслу. У него должны быть крепкие нервы, за ним стоит мощная гангстерская организация, такая мощная, что даже это милое заведение, где мы сейчас сидим, быть может, их явочная квартира, а гувернантка в очках каждую ночь надевает через левый глаз черную повязку, берет в зубы кинжал и идет «на дело».

Честер искренне рассмеялся, но Гард продолжал:

— Кому нужно, чтобы Аль Почино умер, если у меня к нему нет никаких претензий? Он не только сам не хочет, он не должен, не может, не обязан погибать при помощи какой-то фирмы, щекочущей нервы бездельникам и взрослым младенцам!

— Словом, — сказал Честер, — сплошное «не», «не», «не». Но минус на минус — плюс!

— Ложная гибель?! Я об этом думал, Фред. Кто-то заставил, убедил их купить приключения без гарантии, при этом, напротив, гарантировав им жизнь! Их убирают — для меня, для жен, для правосудия, чтобы дать им новое существование… Но зачем? И кто это делает? Фрез и Гауснер? Какой им смысл? А если не они, то кто посмеет вопреки этим воротилам хозяйничать в их собственном доме, забирая у них лучших людей? Полная ерунда!

Несколько минут они молчали. За это время пара стариков, воистину впавших в детство, покончила с молочным коктейлем и удалилась, причем он держал ее за руку, как будто им было по пять лет и будто они шли в колонне сверстников по аллее какого-нибудь зоопарка, — эта аналогия пришла на ум Честеру, который перехватил полные восторга взгляды стариков, обращенные на него и на Гарда, словно они были экзотическими животными.

— Да, ерунда, — согласился Честер. — Дважды два получается не четыре, а… жирафа!

— Что?

— Это я так, по аналогии, — невразумительно объяснил Фред. — Скажи мне, Дэвид, почему фильмы ужасов, тошнотворные для любого нормального человека, собирают такую массовую аудиторию?

— Щекочут нервы. Вот и все.

— Между прочим, в дни нашей молодости таких фильмов не было. Что же щекотало нам нервы тогда? Или спроса на «щекотку» не было?

— Гм, — промычал Гард. — В самом деле… А ты что думаешь?

— Только не упрекай меня в том, будто я воспринимаю действительность не как факт. Думаю, что и тогда и сегодня людьми двигает скука. Да, Гард, скука!

— Вот не сказал бы, что наша жизнь скучна.

— С какой стороны на нее посмотреть, Дэвид! Я имею в виду не банальную скуку… Обрати внимание: мы все время идем по правой стороне тротуара. Почему? Потому, что встречный поток идет слева! Только отрегулированность потоков позволяет людям не сталкиваться. В жизни происходит то же самое: все отрегулировано, все обезопасено! Каждый шаг человека! Автомобилисты и мотоциклисты — в шлемах и ремнях безопасности, машины — с утапливающимися рулями, подземные переходы, таблетки от нервов и переутомления, темные очки от лишнего света, дистанционное включение телевизоров без отрыва, так сказать, зада от кресла, лифты, движущиеся тротуары, автоматы по продаже, регламентированный и санкционированный врачами досуг, — Господи, даже гангстеризм, и тот отрегулирован! Где былая свобода передвижений, чувств, переживаний и мелкого предпринимательства? Спроси Шмерля, сколько идиотских правил, о которых его отец-галантерейщик не имел представления, он вынужден соблюдать в своей ничтожной лавчонке! Певцы, художники, писатели зависят уже не просто от читательского спроса или, на худой конец, от критиков и издателей, а от мощных рекламных концернов, которые все взяли в свои руки, зажали в кулак и регулируют читательский вкус, как тот полицейский, что стоит на перекрестке и регулирует потоки машин. Когда-то, в дни сотворения мира, клетки человеческого тела были независимы — я в этом абсолютно убежден, Дэвид. Потом они с помощью Господа Бога или мистера Дарвина объединились в организм и утратили свою независимость. Нечто подобное происходит сейчас с людьми, с обществом. Люди сливаются в государственный организм и все меньше значат сами как личности, как индивидуальности. Отсюда — хиппи, наркомания, «красные бригады», увлечение сексом и разными паучьими ужасами, которые щекочут нервы, отсюда терроризм, угоны самолетов, самоубийства… Скучно стало жить, Дэвид! Это все симптомы острой социальной и физической неудовлетворенности, подсознательный протест против обесчеловечивания человека!

Гард терпеливо выслушал страстный монолог Честера и, ни разу не сделав даже попытки его остановить, молча похлопал ладонью о ладонь.

— Бурные аплодисменты, — констатировал с грустной иронией Фред, — переходящие в овацию. Все встают и… уходят, отплевываясь. Так?

— Ох и далеко же ты удалился от моей фирмы, дружище, — с некоторым сожалением произнес Гард. — Ты форменный трибун! Хочешь, мы с Карелом и Шмерлем проголосуем за твою кандидатуру в парламент? Вот где тебя заслушаются!

Честер продолжал грустно улыбаться.

— Знаешь, Дэвид, пока я болтал, кофе превратился в лед… Между прочим, от моих идей до твоей фирмы ничуть не дальше, чем от меня до тебя. Мне

вспомнилась сейчас одна задача. Квадрат. Тремя линиями надо начертить замкнутый треугольник, чтобы его стороны проходили через все четыре вершины квадрата. Представляешь?

Гард тут же ручкой нарисовал на салфетке подобие квадрата и стал втискивать в него треугольник, но запнулся уже на втором варианте.

— Типичная для каждого посредственного ума ошибка, — прокомментировал Честер. — Все начинают проводить линии внутри квадрата, а надо выйти за его пределы, и тогда замкнутый треугольник элементарно охватит все четыре вершины… Дэвид, давай, и я попробую выйти за пределы твоего «квадрата».

— Ты имеешь в виду фирму, Аль Почино и антиквара Мишеля Пикколи? Это не квадрат — треугольник!

— Я не о геометрии, Дэвид, я о жизни… Представь себе, что твой друг Фред Честер заскучал, и вот он становится клиентом «Фирмы Приключений», а?

— Пустой номер, — жестко сказал Гард. — Если в приключениях без гарантии действительно гибли люди, ты не вернешься оттуда, а труп, извини за прямолинейность, свидетельствовать не может. Кроме того, я уверен, что полиция уже наводила справки относительно фирмы, мне остается лишь выяснить, в каком отделе эти данные. Так или иначе, рисковать тобой я не намерен, ты мне дорог как память. — Гард поднял рюмку, приветствуя Честера, и допил ее содержимое до конца.

Фред церемонно поклонился, привстав со стула, и жестом пригласил «гувернантку», из-за стойки внимательно ловившую каждый взгляд или жест клиентов.

— Что вам угодно, мальчики? — игриво спросила она, подходя.

— Повторите этому грудному младенцу стерфорд, — сказал Фред, — иначе он разучится умно говорить.

— Ха, ха, ха! — раздельно произнося каждый слог, сказала «гувернантка», давая этим понять, что и она в ладах с юмором. Принеся на подносе стерфорд, она аккуратно поправила у Гарда немного съехавший набок галстук, как у детей поправляют воротнички. От «гувернантки» так и веяло материнством.

— Дэвид, — сказал очень серьезно Честер, — твои коллеги очень плохие ищейки, особенно применительно к «Фирме Приключений». Что они могли или могут там узнать, даже побывав там в качестве клиентов или познакомившись с документацией, если совершенно лишены воображения и никогда не задумывались над тем, почему люди стремятся к приключениям?

— Не понимаю, — тупо сказал Гард.

— Кто бы ни действовал за кулисами фирмы, кто бы ни стоял за этим Хартоном, надо признать, что это человек не лишенный воображения и богатой фантазии.

— Предположим.

— Иначе все было бы примитивно. Фирма прогорела бы через неделю, и тебе не пришлось бы ломать голову над загадками! Значит, воображению надо противопоставить воображение, а вовсе не полицейскую, прошу прощения,

несколько притупленную педантичность. Согласен?

— Возможно, ты и прав, — подумав, ответил Гард. — Даже наверняка прав. Но если ты нападешь на след, а они это почувствуют, тебе не помогут даже «гарантии», ты это понимаешь?

— Отговариваешь?

— Да.

— Ну а меня интересует общественно-социальная подоплека всеобщего увлечения ужасами, жестокостями и приключениями. Я сам себе хозяин, в конце концов, и вполне могу обойтись без твоего благословения. Мы не дети, Дэвид, хоть и сидим в этом ресторане!

— Перестань капризничать, Фред. И зачем кипятиться?

— А затем, дорогой, — повысил голос Честер, — что однажды уже было увлечение «фильмами ужасов»! В двадцатых годах! В Германии! Ты об этом забыл? А с меня хватит! Каприз, говоришь? Мне вообще на тебя плевать, у меня собственный интерес к фирме!

— Черт с тобой, — сдался Гард. — Мне ничего не стоит поломать это дело, как бы ты ни кипятился, но я не буду. Может быть, ты и прав… Но дай мне, Фред, одно обещание.

— Не брать без гарантии? Вот тебе! — И Честер показал другу хорошо сконструированный кукиш.

— Мальчики! — укоризненно воскликнула из-за стойки очкастая «гувернантка».

— Извините, мадам, — поправился Фред.

— И все же ты купишь приключение именно с гарантией, — тихо, но твердо сказал Гард, и в его тоне было столько железной уверенности, что у Честера язык не повернулся возразить.

8. АЙСБЕРГ

Фред Честер отправился на фирму пешком. Ему пришлось идти до площади Согласия не менее полутора часов, то есть тащиться, по сути дела, через весь город, но почему-то хотелось потянуть время. И вовсе не страх — какая-то липкая тяжесть села на его душу, тяжесть, похожая на ту, которую испытывает почти каждый из нас, решившись на операцию под общим наркозом, даже если знает, что его будет резать известный и опытный хирург. Нет-нет, а в какой-то момент нас посещает предательская мыслишка о том, что вот дадут наркоз, мы уснем, а проснемся ли? В такие минуты вся наша жизнь дробится на воспоминания о прошлом, некогда украшавшем наше существование, и все окружающее, все мелочи, вплоть до случайных видов и запахов, воспринимаются нами с особой остротой и почти мистической символичностью. Не дай Бог, если по пути в больницу кошка пересечет нам дорогу или мы что-то забудем дома, за чем надо возвращаться, а уж если за нами придет такси под номером 13, чтобы везти к хирургу!.. — ответом на все эти глупые, нелепые, банальные или случайные совпадения будет такое

сердцебиение, которое, кажется, способны услышать окружающие нас люди.

Трусы мы? Жалкие и ничтожные людишки? Не мужчины и не рыцари? Отнюдь, дорогой читатель, все это зовется иначе: нервишки, которые шалят вопреки нашему истинно мужскому началу, — кстати, женщины почему-то в таких ситуациях более стойки, — нервишки, оказывающиеся сильнее мускулов, воли, характера…

С другой стороны, ясное солнце с его теплыми лучами и галдящие над куполом собора птицы, созванные с окружающих крыш своими предводителями на какое-то совещание, и пряный запах национальной кухни, доносящийся из распахнутых настежь дверей и окон турецкого ресторанчика «Гарем», и даже обыкновенный дубовый лист, сорванный ветром с дерева и гонимый по улице, как бездомный человек в поисках пристанища, — женщины, кстати, и не столь сентиментальны, как мы! — все это не ускользнет от нашего обостренного внимания, как не ускользало от слуха и взгляда Фреда Честера, который шел в неведомую ему фирму за неведомым приключением, и потому воспринимал все эти детали, словно живые нити, из которых соткана паутина жизни.

Фред шел по улицам города, с радостью и тоской откликаясь на все мелочи жизни, и даже воздух, вдыхаемый им, вроде бы содержал меньше выхлопных газов, чем всегда…

«Слабый я человек!» — беспощадно думал про себя Честер. «Нет, я не трус! — думал он в следующее мгновение. — Я истинно слаб, Гард даст сто очков вперед таким людям, как я!» И тем не менее Честер шел, и расстояние между ним и площадью Согласия неумолимо сокращалось, и было ясно ему, что он не повернет обратно и не сойдет с дистанции.

Площадь Согласия… С чем, спрашивается, «согласия», о каком «согласии» думали городские власти, несколько десятилетий назад давая название городской территории, случайно не застроенной домами? Вероятно, под «согласием», да к тому же таким откровенно безадресным, — не согласием, положим, с Богом или с собственной совестью, а просто «согласием»! — они имели в виду обычное человеческое смирение, которое не вредно никаким властям ни в какие времена и эпохи. Смирение с чем угодно, начиная с собственной жены и кончая общим президентом, с его политикой и характером, какими бы они ни оказались. Априори смирись, человек, еще не знающий, что ты выберешь этого президента, а в качестве жены — именно Линду, смирись заранее, ибо в противном случае тебе не стоит ни выбирать, ни свататься. Доверься судьбе, Фред Честер, кем бы ты ни был, журналистом или торговцем овощей, гражданином или люмпеном, мужчиной или тряпкой! Преклони колени и согласись со всем, что предложит тебе на ужин или на завтрак Линда, со всем, что скажет тебе президент! Ох и мысли же навещали Честера, когда он подходил к площади Согласия! — не позавидуешь…

И вот он, прекрасный особняк в стиле семнадцатого века с ультрасовременной неоновой рекламой, растянувшейся по всему фронтону. Прекрасно. «Остановимся, — подумал Честер, — и оглядимся». За пять минут ни разу не шевельнулась входная массивная дверь. По улице, даже не задерживаясь возле названия «Фирма Приключений», бежали ко всему привычные и уже так рано равнодушные мальчишки — продавцы газет, крича истошными голосами: «Ограбление цирка „Шапито“! Угон двух слонов!.. Подробности интимной связи

кинозвезды Мариэтты Вул и боксера Нортона Эрвина!.. Таинственное убийство антиквара Мишеля Пикколи в „закрытой комнате“! Дело ведет известный комиссар полиции Дэвид Гард!.. Нападение четырех акул на влюбленных у Вермского побережья!.. Карманная кража у министра внутренних дел Рэя Воннела! Преступник скрылся!..»

Честер невольно сунул руку в карман, где лежали пятьдесят кларков, официально отпущенные ведомством Гарда для реализации «спецзадания».

«Полный идиотизм! — подумал Фред. — Они еще потребуют с меня отчет с приложением квитанции… Так и скажу сотруднику фирмы: сэр, я выполняю специальное задание полицейского управления, а потому не забудьте, пожалуйста, выписать дубликат чека за купленное мною приключение!»

И, вздохнув, Честер толкнул дверь. Едва он переступил порог фирмы, к нему подошла уже знакомая по рассказу Гарда «белая стрекоза», на лице которой была вежливая улыбка, а глаза за огромными очками сверкали хищническим взглядом, будто она хотела сказать Фреду: «Дорогой, хочешь, укушу?» Однако «стрекоза» елейным голосом произнесла:

— Мы очень рады видеть вас, господин…

— Фред Честер.

— …Господин Честер! Фирма благодарит вас от всей души; прошу вас присесть, знакомы ли вы с нашими проспектами и какой, простите, суммой вы располагаете?

Все это она выпалила пулеметно, хотя и не без изыска. Фред понял: здесь деловые люди, у них нет времени на пустую болтовню.

— У меня пятьдесят кларков.

— О! — сказала «стрекоза», хищно сверкнув глазами. — За такие деньги можно получить удовольствие по высшему разряду! Приключение для себя? Для друга? Для жены? Брата? Сослуживца? Любимой женщины? Родственника?

— Для себя.

— Прошу! — И «стрекоза» сунула Честеру проспект фирмы.

В этот момент нежно звякнул звонок селекторной связи, и «стрекоза» надела наушники, которые, в дополнение к очкам, выглядели на ней каким-то фантастическим органом зрения, именно зрения, а не слуха. Покорно восприняв то, что ей сказал невидимый Честером абонент, она произнесла в микрофон, вмонтированный в стол в виде извивающейся змеи: «Как прикажете, шеф!» — а затем, сняв наушники, обернулась к Фреду:

— Господин Честер, вами хочет заняться лично управляющий нашей фирмой мистер Хартон. Позвольте сопроводить вас к нему в кабинет.

«Дела! — не без восхищения подумал Фред. — У них, наверное, тоже есть картотека, как у Гарда в управлении, и стоило мне назвать свое имя, как автоматы навели обо мне справки и тут же выдали шефу результат. Валять дурака в таком случае не придется, буду действовать с открытым забралом!»

Они прошли коридором, по которому всего сутки назад прошествовал комиссар Гард, и «стрекоза» остановилась перед дверью, за которой сидела ее красная

напарница, или как там ее — представительница этого же подвида той же группы, если следовать учению мистера Дарвина. «Красная стрекоза» встретила Фреда улыбкой, словно перелетевшей с лица «белой стрекозы», и любезно ввела клиента в кабинет шефа.

— Господин Честер! — приподнимаясь в кресле и протягивая Фреду руку, приветливо сказал Хартон. — Рад видеть вас, неутомимого работника пера, в качестве клиента нашей фирмы! Я знаю, что вы впервые у нас, я надеюсь, что не в последний раз…

— Зачем уж непременно в последний? — улыбнулся Честер.

— Прошу! — Хартон указал Фреду на кресло. — Кофе? Вино? Коньяк?

— Сначала дело, — сказал Фред. — Напиться я всегда успею.

— Ха-ха-ха-ха! — четырьмя искусственными «ха» отреагировал Хартон на слова Честера, оценив их как шутку, а не как грубость или, например, пошлость, что зависело от веса Честера в обществе или, точнее сказать, от того, каким представлялся этот вес Хартону. — Вы абсолютно правы: напиться нам никогда не поздно. Итак, вы ищете приключение для себя?

— На свою голову, — в том же стиле подтвердил Фред, вновь вызывая смех управляющего, действительно очень похожего на веселящегося вакха, как тут не вспомнить характеристику Гарда.

— Но я хотел бы знать, — сквозь «ха-ха-ха-ха» и как бы между прочим произнес Хартон, — вы хотите с гарантией или без?

— А что вы посоветуете? — не стал торопиться Честер.

— Дело в том, — осторожно начал Хартон, берясь за черную косичку высушенной головы индейца и машинально крутя ее пальцами, — что приключение без гарантии может кончиться тем, что вам не удастся рассказать о своих впечатлениях ни жене, ни широким читательским массам. А для творческого человека, каким, безусловно, являетесь вы, это, мне думается, несколько обидно. Зато… — Хартон сделал интригующую паузу. — Зато, дорогой Честер, — позвольте уж попросту называть вас «дорогим» без этих «мистер» и прочее, — зато уж впечатление будет такое… сногсшибательное, что его не жалко унести туда с собой!

— Куда? — уточнил Фред.

— Туда, — подтвердил, улыбаясь, вакх. — И удовольствие, право, стоит того, поверьте мне.

— Вы пробовали? — без всякой иронии спросил Фред, прекрасно понимая, что Хартону ничего не остается, как ответить все тем же смехом, содержащим, как известно, наименьшее количество информации.

— Ха-ха-ха-ха! — действительно засмеялся, откинувшись в кресле, вакх. — Между прочим, дорогой Честер, смертельные исходы мы хоть и планируем, зато и недурно страхуем весьма кругленькой суммой.

— Кто же ее получает? — спросил Честер, явно заинтересовавшись. — Жена? Или заказчик?

— Нет, нет, вы сами, то есть заказчик! Мы кладем деньги на ваш «мертвый

счет», и если вы возвращаетесь, а такой шанс у вас есть, сумма ваша!

— Весьма заманчиво. Но в следующий раз. Пока что я хотел бы сделать встречное предложение: вы даете мне умопомрачительный вариант, разумеется, с гарантией, я плачу вам за него деньги, затем публикую свои впечатления в «Вечернем звоне», делаю вам, как говорится, паблисити, ну а вы… Понимаете?

— Надо подумать, — сказал Хартон, сразу все поняв и став серьезным. — Вы хотите, чтобы мы, во-первых, вернули вам уплаченную за приключение сумму, — так?

— Но это всего лишь «во-первых», как вы точно выразились.

— А во-вторых, еще добавили за рекламу? И это помимо того, что вы получите от редакции?

— Совершенно верно, помимо гонорара.

— Вот я и говорю: надо подумать.

— Думайте, дорогой Хартон, — разрешил Фред.

Хартон едва прищурил глаза, словно прицеливаясь, но тут же на его лице вновь возникла улыбка старого вакха.

— Но у нашей фирмы и без того отличная репутация… Вот, взгляните: это альбом, в котором наиболее уважаемые клиенты оставляют свои отзывы…

— «Оттуда» тоже?

— Ха-ха-ха-ха! — как ни в чем не бывало засмеялся Хартон и стал говорить, как показалось Фреду, специально для того, чтобы потянуть время. — Все они, без исключения, восхищены! Ведь это так прекрасно: за каких-то пару-тройку десятков кларков испытать нечто такое, за что в нашей обыденной реальности расплачиваются целыми состояниями, а то и жизнью… Ужин в обществе квалифицированных людоедов! А? Вы представляете, дорогой Честер, эти невероятные ощущения, тем более что есть абсолютная гарантия, что не они вами поужинают, а вы — ими! Ха-ха-ха-ха!.. Я согласен.

— Не понял. — Фред действительно не понял этого странного перехода.

— Я подумал. Фирма согласна с вашим предложением. Мы даем вам экзотическое приключение с гарантией. На все ваши пятьдесят кларков. Это вполне приличная сумма. А затем, после вашей статьи, возвращаем вам деньги плюс…

— Плюс?

— Договоримся.

«Поверил! — мелькнула в голове Честера торжествующая мысль. — Нет уж, я дожму его до конца, я сыграю свою роль лучше Сары Бернар!»

— Я хотел бы знать сумму вознаграждения наперед, господин Хартон, — официальным голосом сказал Фред. — Давайте профессионально отнесемся к делу. Вы продаете, покупаю я, потом я продаю, вы покупаете, заранее оговорив сумму.

— Вас устроит плюс сто?

— Плюс сто пятьдесят!

— Приятно иметь дело с масштабно мыслящим человеком!

— Каждый мыслит на тот масштаб, которого он стоит.

— Ха-ха!.. — И вдруг оборвал: — Честер, интересно бы знать, кто из нас кого переиграет в конечном итоге?

Фред похолодел. Хартон вновь зловеще крутил прядь волос на высушенной голове бедного индейца. Неужели они о чем-то пронюхали? Или догадались? Или в той картотеке, которой они располагают, зафиксирована его давняя дружба с комиссаром Гардом, а уж связать два посещения фирмы, вчерашнее и сегодняшнее, по силам младенцу! «Влип! — подумал Фред. — Это провал, и ничего не остается, как встать, якобы обидевшись на подозрения, и уйти, хлопнув дверью, пока голова цела…»

Хартон тем временем что-то определенно прочитал по лицу Честера и вновь изобразил улыбку:

— Я, конечно, пошутил, дорогой Честер. Не обижайтесь. Давайте перейдем к выбору приключения, а уж затем уладим финансовый вопрос. Итак, чего вы хотите?

— Вообще-то я контробозреватель «Вечернего звона», но политика меня и вас в данном случае мало интересует. Используем лучше то, что я до сих пор остаюсь репортером уголовной хроники и нахожусь на связи с криминальной полицией. Короче, мне хотелось бы испытать на себя, а затем описать в газетном материале какой-нибудь способ убийства! («А ничего я ввернул ему про связь с полицией! — мысленно похвалил себя Фред. — И откровенно, и убедительно…»)

— Простое убийство или изощренное? — поинтересовался Хартон, как если бы продавец в обувном магазине спросил: вам туфли с пряжкой или с ремешком?

— Но я хочу с гарантией! — напомнил Фред.

— Разумеется, — подтвердил Хартон. — Однако убийств может быть… Вы представляете себе, сколько существует видов и типов убийств, дорогой Честер? Хоть вы и репортер уголовной хроники, я готов биться об заклад: вы этого не представляете. Тысячи! Говорю без преувеличения. Прежде всего, убийства делятся на массовые и индивидуальные. Затем они классифицируются в зависимости от места и времени. Бассейн с муренами в Древнем Риме — о! А некоторые тантрические обряды Востока — советую, настоятельно советую! Право, нет ничего слаще, древние кое-что в этом понимали. Хотя некоторые, должен сказать, предпочитают распятие на кресте. Что же касается съедения муравьями, то…

— Я не хотел бы углубляться в прошлое, — перебил Фред. — Я уже сказал, если мне память не изменяет: современный город, наше время, традиционное, но какое-нибудь «эдакое» убийство.

— Вы этого не говорили, если память не изменяет мне, но замечу вам, дорогой Честер, что и здесь много видов и подвидов, — не без вдохновения произнес Хартон. — Убийство в постели и в пьяной драке, топором и на электрическом стуле, из-за угла и с помощью винтовки с оптическим прибором, наконец, по приговору суда или человеком из толпы. Среди способов чуть не забыл яд или обезвоживание, — впрочем, не берусь перечислить вам все существующие способы. Но если вам угодно, наши специалисты достаточно быстро подготовят

разнообразные варианты, даже такие, которые не упоминаются еще в наших законах: например, на операционном столе из-за ошибки хирурга. Короче, мы можем убить вас с применением современных данных науки, а можем и прирезать как бешеную собаку!

— Лучше как свинью, — сказал без улыбки Фред. — Прирежьте меня как свинью, поскольку это вечный способ, одинаково пригодный как в первобытном обществе, так и во времена Нерона и при торжестве кибернетики. Разное — наше отношение к убийству, не более, так, по крайней мере, кажется мне. А вам?

— Возможно. Не смею перечить. Как свинью так как свинью. — Хартон не смеялся, а сидел, откинувшись в кресле и слегка прищурив глаза. — Знаете, сколько будет стоить это убийство, если с гарантией? Всего пять кларков.

— Ого! А если не один, а с десяток ударов ножом?

— Все равно пять кларков. Топором — семь. Шпагой, как матадор, — десять, требует особого искусства. Лазером — уже двадцать!

— Свинью — лазером?!

— А хоть атомной бомбой? Хотите — нейтронной?

— Сколько это будет стоить?

— Все пятьдесят!

— Мне не жалко денег, — сказал Фред, не сумев скрыть от Хартона, как его передергивает при каждом упоминании о новом методе убийства, — но я все же настаиваю на обыкновенном ноже. В конце концов, мне не важно, сколько я заплачу, а мне важен «плюс».

— Ха-ха-ха-ха! — Веселящийся вакх почему-то и здесь нашел что-то остроумное. Он вновь был в своей стихии. — Дорогой Честер, завершим наше дело. Я вручу вам прибор, вот этот. — Он открыл ящик письменного стола и вынул похожий на портсигар предмет с красной кнопкой, его, вероятно, открывающей. — Договоримся так. В любой момент вы можете отменить убийство, отказаться от приключения, для чего вам нужно всего лишь нажать на эту кнопку. Но! Если вы это сделаете, то есть откажетесь, статью вы все равно напишете, однако никакого «плюса» уже не будет. А если не нажмете на кнопку, мы выдаем вам сто пятьдесят кларков и еще сто пятьдесят, итого — триста! Вас это устраивает?

— Я хотел бы уточнить, — сказал Фред. — Если я ничего не нажимаю и ни от чего не отказываюсь, я все равно гарантирован от убийства?

— Разумеется! Вы же покупаете приключение с гарантией!

— Тогда вы рискуете напрасно, господин Хартон.

— Без риска коммерции не бывает.

— Хорошо. Я вас предупредил!

— Я вас тоже.

— Условия приняты.

Хартон, приподнявшись, пожал протянутую Честером руку.

— Когда бы вы хотели пойти в дело? — деловито осведомился управляющий, садясь на место.

— А хоть сейчас! — смело сказал Честер.

— Это будет стоить на десять кларков дороже.

— Нет возражений. Я люблю оперативность.

— Тогда прошу выполнить некоторые формальности. Вот вам анкета, здесь данные о вас и заказ на работу. Нуте-с, что же вы все-таки предпочитаете: кофе, стерфорд?

— Коньяк, с вашего позволения.

— Прекрасно, — сказал Хартон. — Заполняйте документы, я пока распоряжусь.

И, положив перед Фредом лист с типографски отпечатанными вопросами, старый вакх вышел из кабинета. Честер уставился на бумаги: имя, адрес домашний и служебный, возраст, состояние нервной системы («Откуда я знаю? — подумал Фред. — Напишу: удовлетворительное…»), телефон ближайших родственников («Вероятно, на случай летального исхода») и уж совсем непонятное: отношение к воинской обязанности («Зачем? Способных сидеть в окопах они щадят?»). В графе «заказ» Честер, не мудрствуя лукаво, написал: «Прирезать как свинью» — и в этот момент вошел Хартон в сопровождении «красной стрекозы».

— Ваш коньяк, мистер Фред, — мило улыбнувшись, проговорила она, показывая на поднос с двумя наполненными рюмками. Честер взял ближайшую. — Благодарю вас, — сказала «стрекоза».

И она протянула поднос Хартону. Вакх тоже взял рюмку, но, прежде чем пригубить коньяк, бегло просмотрел анкету.

— Дорогой друг, — сказал он мягко, — вы ставите нас в ложное положение. Что значит «прирезать»? Некорректная формулировка. Напишите «убиение ножом», к тому же добавьте «с гарантией сохранения жизни». В противном случае могут возникнуть претензии: у вас или у ваших родственников к нам, если, не дай Бог, исполнители перестараются, или у нас к вам, если вы станете уверять, что не получили желаемое. Фирма всегда и во всем требует точности. Исправили? Ваше здоровье!

Они поднесли рюмки к губам, Хартон лишь языком посмаковал коньяк, а Фред махнул сразу одним глотком, при этом отметив какой-то странный привкус миндаля.

— Французский? — спросил он Хартона.

— Манильский, — почему-то откуда-то издали ответил вакх, хотя он был не далее чем в полуметре от Честера. — Сигару?

Фред потянулся к предложенной ему коробке, но пальцы слегка одеревенели и никак не могли ухватить сигару.

— Черт возьми! — в сердцах сказал Честер, уже не узнавая собственного голоса, и подумал безвольно: «Наверное, я в работе… так быстро, оперативно…»

И последнее, что видели его глаза и слышали уши: Хартон, протянув руку

куда-то себе за спину, произнес: «Господин генерал, он пошел в дело…» Мозг Фреда, между тем, хотя и зафиксировал это обстоятельство, но отнесся к нему с полнейшим равнодушием отбывающего «туда» человека. «Будь что будет!» — мелькнуло последнее осмысленное и оформленное в словах чувство, и смертельный холод разлился по всему телу Честера. Ему еще хотелось громко и отчетливо спросить: «А гарантия?!» — но губы не шевелились, а Хартон стал быстро отдаляться куда-то назад и вверх, словно его уносило эскалатором, и на лице вакха все еще расплывалась от уха до уха зловещая улыбка: ха-ха-ха-ха!..

Веки Честера стали тяжелыми, как гранит, и закрылись сами. Сердце билось все реже и реже. Удар… Еще один… Потом странно долгая пауза… Вот оно встрепенулось и — все! Фред умер, — поразительно, но, ничего более не чувствуя, он каким-то образом понял это, констатировал факт все с тем же отчуждением и равнодушием, а затем растворился.

…На солнце грелся воробей. Он распушил перья, задрал вверх клюв и даже зевнул от удовольствия. Честеру воробей казался неимоверно большим. Сразу он и не узнал его, тем более что глядел на воробья почему-то одним глазом и снизу вверх. Тогда Фред попытался открыть второй глаз. Да, конечно, это весьма нахальный воробей, усевшийся прямо перед самым лицом Честера. «Сейчас я его сдуну!» — решил Фред и действительно дунул на воробья, но у него почему-то получилось не «ф-ф-фу!», а «хр-фу!». Воробей тем не менее странно оглянулся на Фреда и лениво отскакал на несколько сантиметров. Честер лежал на чем-то холодном и мокром. Тело его было покрыто гусиной кожей, пупырышками, это чувствовалось, хотя и не было ему видно, и тогда Фред решил приподняться. И вдруг услышал непонятный звук, похожий на хрюканье. Тогда он попытался разжать губы, и хрюканье повторилось. «Жив! Жив! Жив!» — тут же мелькнула мысль, она была единственной, но все же мыслью, и то, что она была, явно свидетельствовало в пользу ее самой: жив! Эта мысль наполнила Фреда какой-то животной радостью, именно животной, и он почувствовал прилив сил. Ноги, руки, тело, лицо — да, все это жило, и сердце билось, и кровь бежала по жилам, и веки моргали. «Встать! Ну-ка, попробуем встать!» — скомандовал сам себе Честер, но тут же, приподнявшись, потерял равновесие и боком снова плюхнулся в лужу. Почему в лужу?! Да, только теперь он вдруг понял, что лежит в луже и все лицо его забрызгано грязью: увы, он валялся среди пахнущей — Боже, какая мразь! — гадости. Фреда чуть не вырвало, при этом из глотки стали рваться наружу те самые звуки, от которых он очнулся.

— От этой чушки мы ничего не добьемся, — услышал он чей-то грубый голос. — Надо ее прирезать. Вес неплохой, нагуляла достаточно…

— Да, пожалуй, ты прав. Нечего тянуть.

Рядом стояли двое. Честер не мог разглядеть их, шея его не гнулась, только две пары начищенных сапог, в которых отражались сразу четыре солнца, сверкали перед глазами.

— Бери нож, я вчера как раз наточил, — услышал Честер. — А я придержу.

— Хорошо, когда есть работа. И мясо, конечно! — ответил второй, после чего расхохотался. Что-то знакомое послышалось Честеру в этом искусственном смехе: ха-ха-ха-ха!

Но Фред по-прежнему не мог поднять головы, чтобы взглянуть на смеющегося. Тогда он попробовал подняться сам, и на этот раз ему удалось. Честер стоял на четвереньках и никак не мог оторвать от земли руки. «Что это с ними?» — подумал он и взглянул вниз. В глазах сразу же помутилось: он увидел две тонкие, заросшие волосами ноги. Они заканчивались коричневыми копытцами! Тогда Фред, уже не стесняясь, истерично завизжал в полный голос.

— Ишь ты, — прокомментировал мужчина, поглаживая Фреда за ухом, — чует, голубушка, смертный час…

Фред сорвался с места и с визгом понесся по улице. Но нет, это была не улица, а замкнутый со всех сторон забором двор. Вдруг он услышал ласковое:

— Фреди, Фреди, Фреди!.. Фредюшка, чего же ты, дура, бегаешь? Ц-ц-ц-ц! Стой, голубушка, стой, красавица!..

«Негодяи! Что они со мной сотворили! — в отчаянии подумал Честер. — Ох, поймают, ох, прирежут!» И он, визжа что было сил, вновь понесся вперед, пытаясь на ходу сбросить с себя и это мерзкое свинское обличье, и ярость, и бессилие с унижением, чтобы оказаться в достойном человеческом виде. И вдруг почувствовал, как на него наваливается нечто тяжелое. Не выдержав, Фред упал на бок, и тотчас перед его глазами блеснул длинный, остро отточенный нож.

— Сначала в сердце! — услышал Честер. — Потом перережь горло!

— Не учи, — недовольно отозвался второй, у которого был до боли знакомый голос. — У меня своя система. Фирма результат гарантирует, ха-ха-ха-ха!

— Ну! — воскликнул первый. — Бей.

Что-то красным пятном расплылось перед глазами Честера. Он обессиленно лежал на боку и видел только это мутное красное пятно. Кровь? Он был приговорен и сдался. Слезы текли из его глаз. Ему было отчаянно жалко себя, он тихо и обреченно плакал.

— Ишь ты, плачет, — услышал Фред сердобольный голос. — Жалостливая…

— Они все плачут, — ответил второй, — кому ж охота? И ты заплачешь, когда тебя, как эту свинью… Ладно, можешь теперь не держать. Она смирилась, не шелохнется. — Он взмахнул рукой, в которой был сверкающий лезвием нож, коротко выдохнул: — Е-ех!

Но мгновением раньше Честер сообразил: красное пятно! Это же красная точка на портсигаре!

Он успел нажать на нее передним копытом…

В старом городском парке, что находится в ста метрах от площади Согласия, было несколько укромных уголков: посыпанные красновато-желтым песком аллейки вели в премилые тупички со множеством удобных скамеек. Они не пустовали в вечерние часы, но сейчас, когда куранты на ратуше готовы были пробить три раза, а затем отыграть первые такты из «Боже, прости нам грехи наши!..», лишь на одной из них сидел человек. Со стороны могло показаться, что он уснул, так как голова его упала на грудь, а руки безвольно лежали вдоль обмякшего тела. Однако прохожий, окажись он в парковом тупичке, обнаружил бы, что глаза у человека открыты, больше того, из них катятся крупные и догоняющие друг друга

слезы. Впрочем, такой случайный прохожий весьма кстати оказался рядом с человеком. Он присел подле него, затем осторожно положил ему на плечо руку и тихим дружеским голосом произнес:

— Господин Честер! Фредерик! Фред! Очнитесь, пожалуйста! Нам нужно ехать, прошу вас!

Фред действительно очнулся, но слезы продолжали капать из его глаз. Почему он плакал, он и сам вряд ли мог объяснить: просто вокруг него была тишина, стояли мирные деревья со сцепившимися в вышине кронами, падали косые лучи солнца, часы на ратуше проиграли первую строчку из успокаивающей душу молитвы, а сам он был жив и здоров, и только тяжкая муть осела на дне его памяти, превращая факт его существования в нечто прекрасное и счастливое.

— Да, — сказал Фред, не глядя на случайного прохожего, — мне и в самом деле пора…

Прежде чем встать со скамьи, Честеру почему-то захотелось взглянуть на свои ноги. Ноги были как ноги, и часть тяжести словно свалилась с его души. Правда, на коленях у Честера лежал конверт, тяжелый, как пудовая гиря. Он вскрыл его, там была записка, отпечатанная на машинке и увенчанная фирменным бланком:

"Уважаемый г. Честер! Ваше приключение прекращаем. Сожалеем, что Вы не до конца использовали заказ. Стоимость его возвращаем, как и было договорено, однако право на дополнение к газетному гонорару за публикацию репортажа Вы, к сожалению, утратили. Всегда к Вашим услугам.

Ваш Джеймс Хартон".

К записке были приложены кларки.

— Фред, давайте конверт мне, — сказал прохожий, — у меня записка будет сохраннее.

Тут только Честер поднял на него глаза.

— Таратура! — удивился и одновременно обрадовался Фред. — Какими судьбами? Боже, как я рад, что вы рядом!

Таратура невесело усмехнулся:

— Я уже давно рядом, все время, что вы просидели на этой скамье, визжа, извините, как поросенок.

— Так вы были свидетелем того, как меня хотели прирезать?! — спросил Фред.

— Никто вас не трогал, Честер. Вы просто визжали. Наверное, вам снилась какая-то пакость.

— Снилась?!

С помощью Таратуры Фред поднялся и, опираясь на руку инспектора, пошел по аллее к выходу, неуверенно передвигая ноги, как младенец, недавно научившийся ходить.

— Да, мне действительно снилась ужасная пакость, Таратура, — сказал Фред, уже сидя в машине. — Куда мы едем?

— Как куда? К комиссару Гарду. Он беспокоится о вашем состоянии и с нетерпением ждет вас. — Взяв свободной рукой микрофончик и ею же переключив на панели тумблер, Таратура сказал: — Шеф, говорит «второй», мы на пути в управление!

— Отдохните, Таратура, — сказал Гард, когда инспектор и Фред появились у него в кабинете. — Но будьте поблизости, сегодня я подкину вам еще одну работенку.

Инспектор вышел, и Гард предложил Фреду подробно рассказать все, что с ним случилось. Потом задумчиво почесал за ухом:

— Так я и думал. Какие, к черту, «приключения»? Самый обыкновенный наркотик!

— Но я все пережил, понимаешь? Перечувствовал! И эти копыта, и нож, и голоса людей…

— Пожалуй, наркотик не самый обыкновенный, — согласился Гард. — На фирму поработала наука. Препарат, вероятно, направленного действия. А я-то, наивный, считал, что они действительно нанимают студентов, переодевают в матросскую форму и устраивают драки! Как тебе нравится: буря, вулкан, спуск на дно океана, свидание с кинозвездой и неожиданный приход ее супруга… А весь фокус в том, какой концентрации и какой наркотик они подмешивают клиенту в кофе или коньяк!

— Ты очень уж разошелся, Дэвид, — сказал Фред. — Разве есть наркотики, которые превращают человека то в свинью, то в любовника, ждущего свидания с кинозвездой? Или поднимающие в космос, а в другой концентрации — спускающие под воду? Мне кажется, ты переоцениваешь действие препаратов. Тут не обошлось, наверное, без какого-то внушения, сделанного в первый момент после принятия препарата…

— Допускаю даже, что в иных случаях они устраивают ассорти: наркотик плюс внушение плюс реальность. Обман, ничуть не отличающийся от шарлатанства рыночных балаганов.

— Что же в таком случае происходит с теми, кто берет приключения без гарантии?

— Их элементарно режут как свиней! Ножами!

Фреда передернуло, и по его лицу пробежала судорога.

— Прости, — сказал Гард. — Наверное, не очень приятно побывать в поросячьей шкуре… Что будем делать дальше?

— У меня пропало желание иметь с ними дело.

— Они на это и рассчитывают. Но репортаж я все же советую написать.

Понимаешь, твой приход к ним должен быть «чистым» даже при условии, что они знают о нашей дружбе. Они не должны ни меня, ни тебя подозревать, иначе нам будет трудно подозревать их.

— В чем, Дэвид?

— В связи с убийством Мишеля Пикколи! Между тем эта связь возможна, если тянуть ее от Аль Почино, оказавшегося в числе клиентов фирмы. И это — как минимум, Фред!

— Знаешь, мне все же кажется, что я валялся в той луже…

— Увы, старина, фирма — орешек, который так просто не раскусишь. Сколько изобретательности надо иметь, чтобы с такой реалистичностью воздействовать на психику человека! Ведь все твое «убийство» они всего лишь проиграли в твоем мозгу!

— Лучше бы я заказал акул.

— У них совершенная техника внушения, Фред, ты наверняка ощутил бы и акульи зубы… Но кто на них работает? Какой ученый или изобретатель? И на кого работают они? Вот в чем загадка…

— Знаешь, Дэвид… — Фред потер лоб, как бы вспоминая нечто, ускользающее из его памяти. — Что-то было еще… Что-то такое, что я то ли слышал, то ли мне кажется, что слышал… Понимаешь, после этого пахнущего миндалем коньяка, когда я уже отваливал куда-то «туда», но еще был «тут»… этот Хартон с кем-то говорил… или кому-то докладывал… Не знаю, Дэвид, это похоже на слуховую галлюцинацию… он сказал: «Генерал…» Такое возможно, как ты считаешь?

— Не знаю, не знаю, — пробормотал Гард, внимательно глядя на Честера. — Не фантазируешь? Имей в виду, каждое твое воспоминание — на вес золота! — Он помолчал. — Мне кажется, фирма — это айсберг. Над водой только крохотная часть, где делают элементарные фокусы с наркотиками и внушением. Что же касается «без гарантии», то это там, внизу, в глубине… И нужно нырять туда!

— Уволь, — помрачнел Честер. — С меня довольно.

— О чем ты, дружище? — улыбнулся Гард. — Я вообще был против твоего участия в этом эксперименте, а агитировать за его продолжение было бы с моей стороны совершеннейшим… свинством!

— Дэвид!

— Вырвалось, Фред. Извини, — сказал комиссар. — Я теперь сам их пощупаю. С парадного входа. Вот так! — И Гард нажал кнопку селектора: — Таратура? Перехватите Честера, он сейчас спустится вниз, и отправьте его домой в сопровождении Мартенса.

— Вас понял, комиссар, — с готовностью отозвался инспектор.

— А потом снова туда же, на свой пост. Ясно?

— Как же не ясно, шеф! Мне бы вообще пора переселяться на площадь Согласия со всем своим домашним имуществом.

Инспектор отключился. Гард спокойно выдержал встревоженный взгляд

Честера, пожал ему руку и на прощанье, уже в дверях, ободряюще потрепал его по плечу. Затем вернулся к письменному столу и минут пять сидел в кресле, молча уставившись в одну точку. Да, именно так! — будто сказал он сам себе, решительно встал и, оттянув подтяжки, треснул ими по груди.

Выйдя из управления. Гард едва увернулся от струи поливочной машины, которая совершала недолгое преображение душной улицы в прохладный оазис, и чуть не столкнулся с синеглазой девушкой в почти нематериальном голубом платьице.

— Ах!

— Простите!

— Ничего…

Девушка одарила Гарда мимолетной улыбкой и прошла дальше легкой танцующей походкой. Она скрылась в обшарпанном подъезде старого кирпичного дома, расположенного напротив управления, чуть наискосок. Над входом в подъезд висела тусклая вывеска какой-то экспортно-импортной конторы, не десять и не сотню раз виденная комиссаром Гардом, но никогда не обращавшая на себя внимание, как это было бы и на сей раз, если бы не синеглазая красотка. Прежде чем сесть в «мерседес», Гард невольно проводил ее взглядом, в котором было больше отеческого сострадания, чем донжуановского интереса. Ему и впрямь было жаль это юное существо, которое, войдя в подъезд, будет вынуждено досиживать этот прекрасный день в комнатушке с неистребимым запахом чернил, смотреть на мир сквозь пыльное окно, писать под монотонную диктовку какой-нибудь канцелярской мумии, — что может быть для такого воздушного создания тягостнее! «Ей бы сейчас толику романтики!» — подумал Гард, садясь в машину и трогая стартер. Настроение у комиссара было определенно игриво-лирическое, едва не легкомысленное, что случалось с ним, прямо скажем, не часто, притом беспричинно и, добавим, на весьма короткий отрезок времени. Так и теперь: через десять минут, подъезжая к площади Согласия, Гард уже забыл о девушке, ее образ растаял в глубине его памяти, где и не такие мимолетные встречи гибнут, будто их никогда не было. А это разве встреча? Так, случайное касание взглядов, нечто промелькнувшее, как пылинка в световом луче.

Однако мудрая наука говорит, что отдаленное и близкое — все связано со всем, и никто не знает, чем была и чем станет та же пылинка, с которой секундой раньше мы сравнили случайную встречу Гарда с безвестной девушкой. Пылинка! — может, ее долго носило в холодных пространствах космоса, прежде чем она блеснула в воздухе? А может быть, это просто дорожная пыль, которая через пару сотен лет в виде атома окажется в человеческом мозгу и замкнет собою гениальную мысль? Ничто не исключено, даже то, что невинная пыль — зловещий сгусток канцерогенных молекул.

Впрочем, нас, кажется, не туда занесло. Оставим Гарда, который с неслужебными мыслями вылезал из «мерседеса», чтобы войти затем в старинную виллу с неоновой вывеской «Фирма Приключений», уже горящей, несмотря на день, мерцающим светом, и проследим лучше за девушкой, тем более что, как это ни странно, ее поступки, как и поступки комиссара полиции, придут со временем в странное и роковое зацепление.

Имя девушки — Дина Ланн. Сначала все было так, как и представлял себе Гард. Был коридор с дощатым, натертым мастикой полом, были грязноватые двери, за которыми стрекотали машинки, был и устоявшийся за многие десятилетия кислый запах чернил. Пропустим все это, потому что облик контор известен любому читателю, и пока Дина Ланн идет, скажем несколько слов по существу.

Есть на земле места, для простого человека заведомо недоступные, как-то: вершина Эвереста или ледники Южного полюса. Мало, однако, кто задумывался, что столь же недоступные места находятся в двух шагах от людных улиц, скверов, где встречаются влюбленные, или комнат консьержек. Конечно, туда можно добраться без альпийского снаряжения, кислородных масок и полярных унт на гагачьем пуху, но вы туда не попадете.

Попав же, не выйдете.

Именно туда и лежал путь Дины Ланн. Спустившись по лестнице, она подошла к самой обыкновенной с виду двери и коснулась рукой четырехугольной ручки-пластины. Никто не пронзил девушку сверлящим взглядом контрразведчика, никто не прорычал в ее адрес: «Пропуск!» — закоулок в здании, где находилась дверь, вообще был пуст. Но Дина Ланн тем не менее двумя нежными пальчиками открыла себе путь и мгновенно скрылась за дверью.

Это не значит, что вход этот так же легко и просто открылся бы любому постороннему человеку. Вовсе нет! Дверь не открылась бы даже перед Геркулесом, даже перед миллионером, посулившим ей пятьдесят или пятьсот тысяч кларков. Ключом, который отворял ее, был сам человек, вернее, его энергофизиологическая характеристика, столь же индивидуальная, неповторимая, как отпечатки пальцев. Коснувшись металлической пластины на двери, Дина Ланн привела в действие память компьютера, который в то же мгновение сличил саму девушку с ее энергофизиологическим портретом и услужливо распахнул створку. Собственно говоря, к чему, спрашивается, эта ненадежная процедура с пропусками, которые можно потерять или подделать, с охранниками, которых можно купить, если есть автоматика, лишенная человеческих слабостей и пороков?

Место, где минутой спустя оказалась Дина Ланн… Впрочем, пришло, кажется, время расстаться с синеглазой красавицей на некоторый срок и вернуться к комиссару Гарду.

9. С ОТКРЫТЫМ ЗАБРАЛОМ

Гард снова сидел в кабинете управляющего Хартона, который не только не удивился визиту крупного полицейского чина, но, кажется, даже обрадовался ему. Во всяком случае, он определенно ожидал Гарда.

— Все готово, господин комиссар! — лучезарно улыбаясь, говорил старый вакх. — Документация к вашим услугам. Журнал общего учета? Расписки клиентов? Адреса их родственников? Финансовая отчетность?

Гард несколько опешил от такой готовности, и это обстоятельство не ускользнуло от слегка прищуренных глаз Хартона.

— Не надо удивляться, дорогой комиссар, мы знали, что рано или поздно нами заинтересуются высшие чины полиции, и потому готовы к диалогу. Кофе? Стерфорд? Пиво? Коньяк?

— Сначала журнал учета, — мрачно сказал Гард, удобнее располагаясь в кресле. — Я имею в виду, учета тех, кто брал приключения без гарантии.

— Прошу!

Хартон протянул комиссару нечто, действительно напоминающее журнал, хотя, с другой стороны, и похожее на весьма модный проспект фирмы: красочная обложка, множество цветных иллюстраций внутри и, что более всего удивило Гарда, типографским способом напечатанные фамилии клиентов, не вернувшихся в этот мир, да еще недурные к ним фотографии фас и в профиль.

Углубившись в изучение списка, комиссар нет-нет да и поглядывал в сторону Хартона. Управляющий вел себя в высшей степени уравновешенно, как будто перед ним был не комиссар полиции, что-то там «копающий», а финансовый инспектор рядового учреждения, который в крайнем случае способен указать на неточность в оформлении какого-либо документа и пригрозить на будущее штрафом величиной в десять кларков и семнадцать леммов. Однако, как и в предыдущий раз. Гард отметил про себя то, что в кабинет не входил никто из работников фирмы, даже обе «стрекозы», не клаксонил селектор и не трещал ни один из четырех телефонов. При визите рядового налогового инспектора такая стерильность обстановки вряд ли соблюдалась бы. «Волнуется, — решил про себя Гард. — Ему, конечно, есть из-за чего волноваться, но хотел бы я тоже знать из-за чего!..»

Да, комиссар с Таратурой приняли решение еще раз зайти с «парадного хода», вполне официально, не скрывая своих задач. В конце концов, сейчас Гарду важно было нащупать их болевую точку. Например, не остался ли кто-нибудь жив из числа клиентов, купивших приключение без гарантии? Если остался, не значится ли этот клиент «случайно» и в списках полицейского управления как член какой-либо мафии или как подозреваемый по какому-либо уголовному делу? Разумеется, на такой щедрый подарок от фирмы Гард просто так не рассчитывал, однако, как и в любом учреждении, и в этом могли возникнуть непредсказуемые и нерегулируемые ситуации. Положим, любой клиент банка, принадлежащего тому же Клоду Серпино, со скандалом или без скандала мог в любой момент забрать свой вклад, имея целью перевести его в банк конкурента. Так и тут: уже внеся деньги за приключение, уже приподняв перо над распиской о добровольном вручении своей жизни работникам фирмы, уже увидев свою фамилию напечатанной в этом прекрасном журнале-проспекте, клиент мог передумать, чтобы отдаться воле случая, вручить свою судьбу в руки той же полиции или самой обыкновенной намыленной веревки, к тому же намного дешевле стоившей: чем черт не шутит?!

Хартон, потеребив по своему обыкновению клок волос на засушенной голове индейца, вдруг сказал с невероятной прозорливостью:

— Господин комиссар, из всех интересующих вас лиц, купивших приключения без гарантии, остался жив только один…

Гард прямо-таки подскочил в своем кресле, вызвав тем самым веселье на лице старого вакха. Бесцеремонно хохотнув, Хартон сказал:

— Я, кажется, уже поминал этого человека: помните, тот, которому удалось-таки убежать от разъяренного слона?

— Как его фамилия?

— Барроу. Мэтьюз Барроу. Вам угоден его адрес?

И Хартон с той же любезной готовностью, с какой делал все, обхаживая комиссара полиции, протянул Гарду заранее заготовленный — уже отпечатанный типографским способом на отдельном листе бумаги! — адрес Мэтьюза К.Барроу, проживавшего буквально в двух шагах от площади Согласия, на улице Иностранных моряков!

«Барроу, Барроу… — повторял про себя Гард, пытаясь возродить в памяти смутные воспоминания, связанные с этой фамилией. — Мэтьюз Барроу…» Года два назад было одно дело, в котором оказался замешанным бывший офицер военного флота, состоявший в довольно большом звании и живший… да, кажется, на улице Иностранных моряков. Но Барроу ли? И что за дело? Провоз наркотиков, какой-то большой партии? Или, может быть, перестрелка из-за них между двумя конкурирующими мафиями, потому что посредник, как оказалось, работал сразу и на Гауснера, и на Фреза, то есть был «двойником» и предпочел, чтобы мафии сами делили товар? Точно, перестрелка! И в ней один лихой и могучий морячок-гангстер отправил на тот свет без всяких гарантий и выставленных через банк счетов не менее десятка противников, а затем… Что затем? Исчез? Да нет, вроде не исчез, его накрыли месяца через два, и этим делом занимался комиссар Робертсон, если Гарду не изменяла память, потому что он, Гард, тогда с головой ушел в дело профессора Чвиза, погибшего якобы в автомобильной катастрофе… В таком случае надо немедленно связаться с Робертсоном: не был ли тем крепким малым Барроу, бывший офицер флота, и, вообще, чем кончилось дело?

Все это мгновенно пронеслось в голове комиссара Гарда, однако Хартон не дал ему возможности додумать версию до конца. Накрутив меланхолично моток волос бедного индейца на свой указательный палец, он с поразительным равнодушием в голосе — казалось, в середине фразы он вот-вот зевнет во всю свою веселую пасть — произнес:

— Морской офицер. Из бывших. Три года назад убил в драке нескольких человек, а потом, видите ли, учитывая неподкупность нашего правосудия, решил покончить с жизнью с помощью нашей фирмы, испытав напоследок острое ощущение. Но нервы его не выдержали, и он, хоть и моряк, по сухопутку смылся от слона, тем самым поставив себя перед лицом закона.

— И что же? Был осужден? Приговорен к электрическому стулу? — быстро спросил Гард.

— Прошу прощения, но это уже не по моей части, господин комиссар. Дело его где-то у вас, а сам он… Впрочем, адрес я вам передал.

— А еще таких счастливчиков из этих девятнадцати у вас не было?

— Увы! Фирма гарантирует, когда кто-то берет у нее без гарантии, ха-ха-ха-ха! — довольный собственным каламбуром, захохотал Хартон.

Прежде чем покинуть кабинет веселящегося вакха, Гард все-таки внимательно

перелистал журнал учета: все девятнадцать гангстеров, исчезнувших за минувшие три года, в том числе Аль Почино, аккуратно наличествовали в журнале со своими собственноручными расписками и фотографиями фас и в профиль, собранными с педантичностью нацистских палачей в каком-нибудь Майданеке или Освенциме. Правда, восемнадцать физиономий были в черных траурных рамках, а одна — в канареечно-желтой. Гард вгляделся в фотографию Мэтьюза Барроу: большие серые глаза, типично морские усики над верхней губой — тонкие, щегольские, мощная бычья шея, брови вразлет, прямой крупный нос, густые, назад зачесанные волосы. Мужчина что надо!

Не скрываясь от Хартона, комиссар нажал кнопку переговорного устройства, находившегося в нагрудном кармане пиджака, и, не повышая голоса, сказал:

— Инспектор, прошу машину.

И в тишине кабинета Несколько мистически отозвался голос Таратуры:

— Я на месте, господин комиссар.

Не подавая Хартону руку, — впрочем, и Хартон не сделал попытки попрощаться с гостем при помощи рукопожатия, — Гард наклонил голову в качестве прощального жеста, на что получил точно такой же наклон приподнявшегося в кресле Хартона, и вышел из кабинета. В тот же момент ожил селектор, и не менее мистическим образом прозвучал чей-то басовитый спокойный голос:

— Вы молодец, Хартон. Сейчас они, судя по всему, отправятся к этому Барроу. Подождем.

— Так точно! — по-военному отозвался управляющий и даже щелкнул каблуками, вскочив с кресла, словно его не только слышали, но и могли видеть.

10. ГОВОРЯЩИЙ НЕМОЙ

Тем временем Гард, сопровождаемый Таратурой и сержантом полиции Мартенсом, уже мчался, не видя светофоров, на улицу Иностранных моряков. Из машины комиссар сделал попытку связаться с Робертсоном, но в этот день Робертсон не дежурил, а дома застать «большого мастера по маленьким делам» было невозможно: он либо удил рыбу вместе с братом министра комиссаром Джо Воннелом, либо где-нибудь играл в бридж.

Дом, в котором жил — или, по крайней мере, когда-то жил — Мэтьюз Барроу, разместился в глубине небольшого парка и напоминал скорее виллу, нежели городское жилье: небольшие колонны при входе, парадный подъезд, к которому вели широкие ступени, красный «церковный» кирпич первого этажа, добротное дерево второго, две террасы и мезонин, полукругом охватывающий правую половину здания. И еще собаки, встречающие прибывших не злобным лаем, а буйным весельем, как это и подобает гостеприимным сельским собакам.

— Ладно, ладно, чего обрадовались? Людей давно не видели? А ну, марш по местам! — ворчливо и тоже беззлобно говорила собакам вышедшая навстречу полицейским старуха. — Вам кого, если не секрет?

— Видите ли, — начал Гард, — в этом доме когда-то жил мистер Барроу, и нам хотелось бы узнать…

— А кто вы будете? — спросила старуха, подозрительно посмотрев на огромного Таратуру, напоминающего внешним видом не то борца, не то штангиста.

— Мы из полиции, — сухо сказал Гард, предъявляя старухе фирменный знак на внутренней стороне лацкана пиджака. Он, кстати, всегда менял тональность, говоря, что представляет полицию, и терпеть не мог елейность в голосе при словах о том, с какой организацией в его лице сталкиваются люди.

Старуха не удивилась, не испугалась, правда, и не обрадовалась. Тем же ворчливым, но не злобным тоном она произнесла:

— Почему «когда-то жил»? Он и сейчас живет, мистер Барроу, если это можно назвать жизнью… Вам чего, нужно его видеть? Так проходите, зачем зря стоять? А ну, марш отсюда, хватит галдеть! — вновь обратилась она к собакам, и те, все еще виляя хвостами, разбрелись по парку.

Не без дурного предчувствия Гард двинулся вслед за старухой, жестом приказав Мартенсу остаться у входа в дом. Сам же вместе с Таратурой пошел за старухой, которая, миновав небольшой зал типа гостиной, вывела гостей к лестнице, ведущей на второй этаж. Второй этаж являл собой разительный контраст с первым: если внизу было хоть и «каменно», но достаточно убого — какой-то старомодный сервант, дряхлый рояль с никогда не опускающейся крышкой и гнилыми, словно зубы столетнего старца, клавишами, пыльные стеллажи без стекол, заставленные всякой рухлядью, в том числе заплесневелыми книгами, то наверху глазам комиссара с его помощником предстало хоть и деревянное, но вполне современное жилье. На стенах, обитых дорогим штофом, висели картины, свидетельствующие о неплохом вкусе и достатке хозяина, комнаты были обставлены мебелью красного дерева, сделанной, правда, в современных мастерских, но под старину, висели бра разных фасонов, но одного типа — короче говоря, во всем был изыск и признак роскоши. Может быть, былой?.. Они миновали одну комнату, вторую, после чего, на мгновение задержавшись и испытующе глянув на полицейских, старуха молча толкнула дверь в третью.

Гард и Таратура вошли, она же осталась за пределами комнаты. Это было нечто похожее на кабинет, если не считать кровати, застеленной шерстяным пледом. Слабо горел боковой свет. Несмотря на яркий день, окна были плотно зашторены. За огромным письменным столом с большим количеством выдвижных ящиков с резными или инкрустированными, как у шкатулки, ручками, под лампой, укрытой сверху голубым колпаком, в наброшенном на плечи красно-желто-черном пледе сидел широкоплечий человек с улыбающимся лицом и раскладывал пасьянс, любовно поправляя каждую карту, чтобы она без зазоров и ровно ложилась к своим соседям. Это был, без сомнения, Мэтьюз Барроу, и его безмятежное занятие, не говоря уже об улыбающемся лице, неприятно поразили Гарда, разрушив в одно мгновение все его стройные и логические концепции. Немного помедлив и увидев, что Барроу не обращает никакого внимания на вошедших, комиссар сделал шаг к столу и произнес:

— Если не ошибаюсь, господин Мэтьюз Барроу? Комиссар Гард из уголовной полиции. Мне хотелось бы задать вам несколько вопросов, если позволите…

Барроу даже не повернул головы. Он продолжал с тем же безмятежным спокойствием раскладывать пасьянс, а старуха все так же молча стояла в открытых дверях, не переступая порога комнаты.

— Вы меня слышите, мистер Барроу? — повысил голос Гард. Черт его знает, может быть, этот бывший моряк стал туг на ухо?

И снова Барроу никак не отреагировал. Тогда Гард беспомощно оглянулся на старуху, которая в ответ равнодушно пожала плечами, и совсем близко подошел к письменному столу. Невольно взгляд комиссара упал на карты, любовно раскладываемые хозяином дома, и Гард с внутренним содроганием понял, что никакого пасьянса нет: карты лежали в совершеннейшем беспорядке, как если бы были не картами, а кубиками, из которых не офицер флота, взрослый мужчина, бывший гангстер, а младенец пытался сложить нечто причудливое и бессмысленное. Впрочем, кое-какой порядок в разложенных картах все же был. Комиссар еще не понял, что именно они изображали, однако в его голове, как это часто бывало, что-то щелкнуло, словно в киноаппарате, глаза навсегда запечатлели в памяти то, что увидели, и теперь в любое время дня и ночи Гард мог поднять со дна своей памяти, как матрицу, запечатленный глазами миг. Но что означало увиденное, чем было то, что выкладывал из карт бессмысленными движениями Мэтьюз Барроу?

«Боже, — подумал Гард, — да ведь он сумасшедший!» В то же мгновение Таратура потянул комиссара за рукав, как бы предлагая зайти с другой стороны, и Гард послушно повиновался. Зайдя слева от сидящего за столом хозяина дома, комиссар увидел на левой стороне лица Барроу не улыбку, а гримасу, судорогой искривленные губы, какие бывают у перенесших инсульт людей. У бедняги было как бы две стороны одного лица: безмятежно улыбающаяся и спокойная, а другая — испытавшая безумный страх или ужас.

— А вы потрогайте его, — вдруг проворчала старуха, не двигаясь с места. — Иногда он чувствует.

Гард молча положил руку на плечо, укрытое пледом, и, действительно, уловил под ладонью едва заметное движение, словно легкую дрожь. Барроу оторвался от мнимого пасьянса, медленно перевел глаза сначала на руку Гарда, затем проследил руку до самого плеча комиссара, с плеча перевел взгляд на шею, на подбородок, губы, нос, и когда натолкнулся на глаза, вдруг безмятежная улыбка слетела с правой стороны его лица, зрачки резко расширились, словно он попал в непроглядную тьму, рот медленно приоткрылся, и трясущиеся от страха губы выдавили:

— Не… надо…

— Успокойтесь, Барроу, — произнес мирным голосом Гард, как если бы говорил с ребенком. — Я не сделаю вам ничего дурного. Только два вопроса… («Почему два? — подумал тут же Гард. — Я засыпал бы его сотней вопросов, если бы он был способен ответить. А если не способен, то и двух будет много!») Только два вопроса, — повторил тем не менее комиссар. — Скажите, Барроу, — Гард наклонился к уху сумасшедшего и рукой слегка погладил, успокаивая, его плечо, — вы покупали себе два года назад приключение? («Зачем я об этом спрашиваю, если и без того знаю, что покупал?» — пронеслось в голове у комиссара.) Два года назад? На «Фирме Приключений»? Вы покупали? Вы понимаете, о чем я говорю? Вы меня слышите?

В глазах Барроу мелькнуло некое подобие мысли, лицо мучительно напряглось, но губы вновь выдавили:

— Не… надо…

Затем автоматическим движением рук он медленно сгреб в кучу карты и принялся складывать их в одну колоду. Гард молча смотрел на сумасшедшего, а Таратура, переступая с ноги на ногу, все не решался в присутствии комиссара, а потом все же шепнул старухе:

— Может, вы знаете? Вы давно с Барроу? Кем вы ему приходитесь? Он покупал приключение?

— Как попугай прямо! — простодушно проворчала старуха. — Разве могу я сразу ответить на все вопросы? Давайте хоть по одному.

Таратура смущенно извинился:

— Простите, миссис…

— Мисс! — поправила его не без гордости старуха. — Мисс Флейшбот! Ко мне за всю жизнь только один настоящий мужчина посватался, да и то так, что отбил навсегда охоту выходить замуж. Представьте себе, он въехал ко мне во двор на танке и чуть не разворотил весь дом! Так что вас интересует, господа? С Мэтьюзом, как вы уже поняли, говорить не о чем. Опоздали! Он на все будет говорить одно: не надо! Тоже как попугай… Но я-то привыкла. Несу ему кофе, и если он говорит «Не-е-е надо», значит, хочет с молоком, а если «Не на-а-адо» — со сливками…

— Давно он так? — перебил Гард.

— А сколько я его знаю, столько и так.

— Вы служите здесь?

— Конечно, не отдыхаю.

— Два года?

— Ого! — сказала старуха. — Вы прямо по глазам читаете. Точно, два года. Меня сестра его наняла… — (При этих словах Гард с Таратурой переглянулись.) — Да померла вскоре, царство ей небесное, хорошая была женщина. Но что мне? Деньги по ее завещанию выдают в банке исправно, каждый месяц, нам хватает, вот и доживаем. Ни я к нему ничего не имею, он спокойный, раскладывает себе карты, ну и пусть, ни он ко мне, слава Богу, не сватается. У нас даже собаки добрые. Вот недавно…

«Уж больно она разговорилась, — подумал Гард. — Зря теряем время».

— Мисс Флейшбот, — прервал он старуху, — в каком банке открыт счет на имя Барроу?

— А в этом, как его, который за площадью, ну прямо напротив собора.

— На улице Виноделов? — сказал Таратура. — Господин комиссар, да это же банк мистера Серпино!

— Я это понял, — задумчиво произнес Гард. — Извините нас, мисс Флейшбот, за вторжение, но служба есть служба.

Поклонившись, комиссар вышел из комнаты, за ним последовал Таратура, а Флейшбот, прикрыв дверь, за которой Барроу с блаженной улыбкой на правой стороне лица и судорогой ужаса на левой уже раскладывал новый бессмысленный пасьянс, засеменила вслед за гостями. Собаки вновь подняли радостный лай, и снова старуха проворчала, отгоняя их:

— А ну, марш отсюда, бездельники, вам бы только лаять, а как в лавку идти, так, кроме меня, некому!

Уже в «мерседесе» Гард сказал Таратуре:

— Как можно быстрее найдите психиатра высокой квалификации. Как минимум, надо попытаться выжать из Барроу сведения о пережитом им приключении… Инспектор, если бы вам пришлось удирать от разъяренного слона, вы потеряли бы рассудок?

— Если бы слон меня догнал, шеф, тогда может быть.

— По-разному устроены люди, по-разному, — задумчиво произнес Гард. — Ох, Таратура, нечисто это дело, очень даже нечисто. Вы понимаете, почему его оставили в живых, этого клиента фирмы? Потому что он нем не просто как рыба, а как рыбная мука! Ладно, Мартенс, трогайте.

— В управление?

— Нет, сначала в банк к господину Клоду Серпино. Кстати, инспектор, вы заметили, что именно выкладывал картами Барроу?

— Ничего, шеф. Абракадабру. Полную бессмыслицу.

— Не скажите… — проворчал комиссар Гард. — Там кое-что было…

11. ПОЛЮС НЕДОСТУПНОСТИ

Итак, место, где оказалась синеглазая красавица Дина Ланн, заслуживает описания не меньшего, чем знаменитая Кааба — недоступная для гяуров святыня мусульманского мира.

Своими размерами помещение напоминало современный заводской цех, кстати сказать, даже без намека на окна. Бестеневые лампы ровно освещали лабиринты столов, кое-где рассеченные стеклянными перегородками. Вид столов заставлял предполагать обильную канцелярскую деятельность, поскольку всюду имелись ее признаки: груды бумаг, ленты скотча, неизменные ножницы и баночки клея с аккуратными пробками-кисточками. Многое, однако, противоречило этому впечатлению, ибо на столах, помимо утопленных в них телефонов, встроенных пишущих машинок и диктофонов, имелись еще дисплеи, обеспечивающие прямое подсоединение к ЭВМ, а в мусорных корзинках валялись не только бумаги, но и перфоленты. Обилие аппаратуры придавало столам вид диспетчерских пунктов, тем более что они имели форму не банальных канцелярских прямоугольников, а полумесяцев, словно люди за ними были по меньшей мере операторами атомных станций.

Сейчас Гард, пожалуй, не узнал бы Дину Ланн. Люди в этом помещении как-то

терялись и нивелировались. Все сидели без пиджаков, все были в рубашках с галстуками, у всех были деловые лица — имеются в виду мужчины, разумеется. Но и женщины выглядели так, будто им надлежало заниматься весьма серьезным делом, но как бы дома: вид их был по-домашнему скромен и свободен. Правда, в отдельных клетушках находились люди несколько иного типа: как правило, пожилые и, как правило, в пиджаках. Лица их были столь же условными, только более многозначительными. Стоит добавить, что количество женщин в этом помещении соотносилось с количеством мужчин примерно как один к двадцати. А сам наполненный гулом воздух, казалось, был пропитан ровной мощной энергией, носителями которой как бы являлись присутствующие здесь люди.

Даже глаза Дины Ланн выглядели тут не синими, а скорее серыми. Серо-стальными. Может быть, виноватым было искусственное освещение? Может быть… Но вряд ли оно виновато в том, что платьице сидело теперь на девушке строго, как воинская униформа, а походку Дины Ланн уже никак нельзя было назвать танцующей.

Любезно-механически кивая, когда ее приветствовали, по лабиринту столов теперь двигалась вполне добросовестная рабочая единица. Правда, оставалось не совсем понятным, почему она избрала такой кружной путь, ведь к ее рабочему месту, о котором речь впереди, можно добраться куда короче. Непонятно также, почему ее шаг замедляется, а глаза утрачивают деловое выражение… Впрочем, чем уж нам так интересна Дина Ланн? Девушек, подобных ей, тысячи, а производственная ее функция столь ничтожна, что через нее невозможно понять назначение всего этого секретного комплекса. Она привела нас сюда, но она не прислушивается к разговорам, взгляд ее сужен, а ум вовсе не настроен на обозрение проводимой тут работы. Иди себе, Дина Ланн, мы пока осмотримся.

Итак, помещение походило и на заводской цех, и на канцелярию, и на отдел института. Однако оно не было ни тем, ни другим, ни третьим. Весь этот комплекс людей и машин назывался «секцией расчета», что, впрочем, тоже не проясняло его назначения, потому что рассчитывать, как известно, можно все — от урожая шампиньонов до движения спутников. Неофициально комплекс еще назывался «сценарным». Это тоже было истиной, поскольку тут действительно готовили сценарии, только не фильмов и не пьес… А впрочем, можно сказать, что и пьес, потому что они предопределяли игру многих людей, только не на сцене, а в жизни, ибо здесь моделировали не более и не менее как ход истории — так, по крайней мере, думали создатели этого комплекса.

Сама по себе деятельность отдела не имела ни задачи, ни цели — в этом смысле отдел ничем не отличался от автомобиля или угольного комбайна. Цель задавалась извне, и даже местное руководство не имело ясного представления, кто же именно определяет задачу и формулирует условия. Кто-то там, наверху, но кто? Он был анонимен, как сам Господь Бог, но на эффективности отдела это никак не отражалось.

Как обычно, некоторое время назад отдел получил срочное задание, которым и был теперь преимущественно и даже сверхурочно занят. Вот как оно было сформулировано.

Исходная ситуация. Президент страны (шло ее название) стал проводить

политику, идущую вразрез с нашими интересами (односторонний отказ от секретных статей договора, национализация собственности «Газолин компани» и планы еще более широкой национализации). Точка.

Цель задания. Рассчитать оптимальный вариант замены правительства, гарантирующий полную лояльность нового руководства.

Граничные условия. Операцию требуется осуществить быстро (оптимально — в течение нескольких часов) и по возможности бескровно, внутренними силами.

Срок исполнения — 5 дней.

Эта директива была подобна повороту ключа зажигания. Дальнейшее шло уже автоматически.

Более пристальный, чем у Дины Ланн, взгляд мог бы обнаружить, что лабиринт столов в помещении имеет некую структуру, внешне, правда, не очень заметную, потому что ее предопределяло не место стола в пространстве, а место этой производственной ячейки в незримой системе «программа — машина — человек». Чтобы описать эту систему, ее структуру, то, как она функционирует, потребуется книга, густо нафаршированная математикой. Мы не берем на себя столь непосильной задачи. Однако и невооруженным глазом можно заметить, что столы как-то группируются в своего рода блоки.

Это действительно были блоки, чьи связи и функции отдаленно и грубо напоминали работу головного мозга. С получением задания прежде всего включался информативно-аналитический центр. Сам отдел не собирал никакой информации — он ею пользовался: она хранилась тут же, в ячейках компьютеров. По стране, о которой шла речь, информация имелась в изобилии, поскольку эта страна была соседом, поскольку там говорили на том же языке, но главным образом потому, что она имела исключительно важное значение — оборонное, политическое, экономическое, какое угодно. О ней знали все. И то, что ее нынешний президент носит ортопедическую обувь, потому что страдает плоскостопием, и то, какую губную помаду предпочитают женщины этой страны в этом сезоне. И уж конечно то, как относятся к нынешнему правительству те или иные генералы.

Сама по себе эта гигантская информация, в сборе которой участвовали как электронные системы спутников, так и случайные коммивояжеры, была, однако, не более чем сырьем. Она требовала переработки. Во-первых, надо было отсечь лишнее и, во-вторых, вывести «коэффициент неосведомленности». Если оказывалось, что для решения данной конкретной задачи «коэффициент неосведомленности» недопустимо велик, то службам разведки немедленно давалось задание восполнить те или иные пробелы (уточнение их само по себе было сложной задачей).

Конечно, отсечь лишнюю информацию тоже было непросто, хотя бы потому, что работа с ней не прекращалась до самой последней минуты. Например, была известна жгучая страсть населения к бейсболу. Сама по себе эта крохотная и вроде бы невинная информация, казалось, не могла иметь никакого отношения к плану переворота. И она действительно не имела особого значения, пока не определялась «вилка времени», то есть час «икс» — момент переворота. А уж тут указанная информация обретала значение, поскольку анализ показывал, что в день розыгрыша

кубка по бейсболу или в день встречи национальной сборной со сборной какого-нибудь Уругвая проведение быстрого и бескровного переворота облегчается на двенадцать процентов: внимание всех, от министра безопасности до рабочего автозаправочной станции, отвлечено матчем. Значит, имело смысл просчитать такой вариант, когда день и час «икс» совпадают с днем и часом ответственной игры. Впрочем, и этот вариант раскладывался на подварианты: а) переворот происходит во время матча; б) перед началом матча; в) сразу после матча. При этом каждый подвариант имел еще свои подподварианты: если, например, выгоднее начать, скажем, сразу после матча, то какое настроение лучше способствует цели — упоение победой или горечь поражения? Иначе говоря: надо ли подкупать игроков, а если надо, то в каком смысле?

Примерно так выглядела всего одна, отнюдь не самая главная, строка расчета. Но даже на этом уровне возникали самые неожиданные проблемы. Как-то: следует или нет учитывать активность Солнца в час «икс»? Ведь активность Солнца, как это было установлено (не отделом расчета, конечно, и даже не суммой нескольких соседних отделов), влияет на психофизиологическое состояние людей, а характер такого состояния — фактор немаловажный.

Когда Дина Ланн после всех проверок и оформлений впервые прикоснулась к металлической пластинке на двери и впервые попала в «ангар» (так служащие именовали между собой помещение), ей вспомнились и «Сезам, откройся!», и пещера Аладдина. Сердце ее сладко дрогнуло, но длилось это, понятно, всего мгновение.

Дальше начались будни. Работа оказалась не хуже любой другой, зато платили несравненно лучше. Вокруг было много приятных мужчин, Ланн же… Нет, она вовсе не была легкомысленной. Но поставьте себя на ее место. Какая может быть перспектива у девушки, достаточно миловидной, умеренно любящей кино, бар, танцы и прочие развлечения, усердной, но не блещущей особыми талантами, засыпающей над книгой чуть более серьезной, чем «Неустрашимый Билл»? Какая? Хорошо выйти замуж. Что значит «хорошо»? Ну, чтобы была любовь и были деньги, и чтобы жилось получше, в своем домике, своей семьей.

Ланн приблизилась тем временем к столу, где, уткнувшись в бумаги, сидел белобрысый, лет двадцати пяти, джентльмен с удивленно поднятой левой бровью. И по мере того, как она к нему подходила, вокруг для нее замирали звуки.

— Киф… — тихо позвала она.

Джентльмен встрепенулся, левая бровь его переломилась, лицо полыхнуло румянцем, и на душе у Дины Ланн вдруг стало тревожно и радостно.

Любовь? Здесь?! А почему бы и нет? Пробивается же травинка среди асфальта!

Накануне оба поссорились, банально, нелепо: на вечеринке кто-то стал ухаживать за Ланн, она принялась кокетничать, что вызвало у Кифа Бакеро черную ярость, ну, они и сказали друг другу лишнюю пару слов. Это событие не помешало Кифу с блеском завершить один расчетик, а Дине Ланн мимолетно улыбнуться комиссару Гарду в двух шагах от «ангара», хотя делать этого ей не следовало, и ее счастье, что в этот момент ее не видели чужие глаза, а то немедленно пошел бы наверх рапорт, начались бы объяснения и проверки, и кто знает, не завершилась бы

после этого карьера девушки, а вместе с ней, как говорится, и вся любовь? Но словно что-то кольнуло в сердце Ланн, когда она сегодня увидела издали Кифа, а Киф, подняв глаза на смущенную девушку, внезапно понял, каким он был на той вечеринке дураком. Смешно, конечно, в наш электронный век верить в Амура с его примитивной стрелой, но что делать, если одна случайная, внешне ничем не примечательная минута может решить судьбу двоих?! Для Дины и Кифа эта минута была подобна удару молнии, меж тем в «ангаре» все катилось своим чередом, и сам короткий разговор молодых людей у стола потонул в гуле реплик:

— Где расчет минимизации президента?

— Опять тупиковая вилка!

— Не задерживайте макс-вариант обратной игры!

Вы, должно быть, и без слов догадываетесь, о чем говорят одними глазами влюбленные, а вот реплики служащих поставили вас, вероятно, в тупик. Ничего удивительного. Здесь, в «ангаре», по ходу работы имели дело не с живыми людьми, их амбициями и поступками, а с символами, которые выражали все это. А как иначе? Прежде чем возникнет «сценарий», где будут даны все мыслимые варианты осложнений, описаны все представимые контршаги противника и наилучшие ответы на них, задолго до того, как все это будет сделано и отпечатано, люди и машины создадут математическую модель того, что должно произойти в жизни.

И эта модель будет проигрываться так и эдак бессчетное число раз, и будут вноситься бессчетные поправки, уточнения, дополнения, выводиться различные коэффициенты, и «блок аналогов» прогонит модель через сверку с уже осуществленными событиями того же типа, и «блок контроля» все это проконтролирует, и много чего еще произойдет. И пусть какой-нибудь излишне образованный сотрудник с гипертрофированным скепсисом на каком-то этапе даже прошепчет: «Уф, как мне надоела эта работа, не приносящая ни уму, ни сердцу ни минуты удовлетворения, не требующая от меня не только азарта и вдохновения, но даже элементарного желания сделать что-то лучше и качественнее!» — все это не имеет никакого значения, о чем свидетельствует опыт предыдущих расчетов. Их не могла омрачить неудача, потому что наука, увы, не всесильна, но не пользоваться ею — значит, уж точно сесть в лужу.

Одним из главных факторов, который выверялся особо тщательно, потому что, как правило, именно он приводил к срыву, был, как тут выражались, «фактор народа».

Это опасение, кстати, владело и заказчиком, именно оно диктовало требование кончать все быстро, внутренними силами, поскольку любая задержка, как это бывало неоднократно, позволяла выйти на сцену народным массам. Просчитывалось, конечно, не столько поведение народа как такового и уж конечно не поведение «случайного человека с улицы», а реакция тех или иных классов и общественных групп. Ирония заключалась в том, что расчет этот производился на основе марксистской, а не какой-нибудь другой идеологии, потому что опыт показал, что эта теория научная, следовательно, ею и надо пользоваться как средством анализа, а зачем и ради чего она создана — это уж дело десятое.

Стоит отметить, что среди всех многочисленных сотрудников не было ни

одного, кто бы мыслил дальше своей конкретной задачи, знал бы весь процесс в совокупности и в деталях, не говоря уже о его философском осмыслении. Нет, самый дух философии отсюда был изгнан, и хотя тут пользовались философией, но только как инструментом. Четкой специализации требовал сам характер работы — не осмысляет же отдельная клетка мозга саму мысль, которую она же и вырабатывает!

И это был единственно возможный стиль работы; человек, думающий и действующий иначе, вылетел бы из «сценарного отдела» немедленно — кому нужен автомобиль, решающий, правильно или нет водитель повернул руль, и поступающий соответственно своему выводу? Да что там! Думающий или скорее задумывающийся человек и не мог попасть в это святая святых государственной машины! По этой причине и можно было спокойно закладывать в мозг людей необходимые фрагменты какой угодно теории: они учитывали их так же эффективно, бесстрастно и толково, как любовные отлучки президента из дворца — ведь и то и другое было символом, нужным для построения математической модели события.

Час спустя после мимолетного и столь важного для Дины Ланн и Кифа Бакеро свидания работа над очередным «сценарием» была как раз закончена, выверена до последней запятой и «подана наверх». Если вы думаете, что непредусмотренная регламентом вспышка чувств этих двоих как-то отразилась на результате, внесла в «сценарий» погрешность, которая хоть на йоту изменила запрограммированную последовательность событий, то вы жестоко ошибаетесь. Ничего этого не было и, добавим, быть не могло. Любой сотрудник мог ошибиться, оказаться рассеянным, любая машина способна была дать сбой, — все это заранее учитывалось системой контроля и перепроверки и влияло на ход дела не более, чем травинка среди шпал на бег локомотива.

Представленный на утверждение «сценарий» не содержал никакой неточности.

Наконец пришло время сказать, что вышеописанное не столь далеко отстоит, как это может показаться на первый взгляд, от волнующего нас события: убийства на улице Возрождения. Более того, мы как никогда близко подошли к человеку — или, точнее выразиться, к людям, заставившим Гарда метаться в поисках неизвестно чего. Однако не грех и добавить, что жизнь есть жизнь, и наивен тот, кто думает, что она подчиняется даже компьютером выверенным схемам…

12. ПОКУШЕНИЕ

Когда в чем-то, даже в мелочах, Гарда подлавливала неудача, он знал: все, надо бросать якорь, потому что неудачи теперь навалятся со всех сторон, могут искрошить в щепки и утопить даже на мелководье. Уж лучше уйти в какую-нибудь тихую бухту и переждать, пересидеть, как моряки пережидают бури, — риск смертельно опасен. А потом, когда черная полоса жизни, подчиняясь каким-то высшим законам, сама уступит место полосе светлой, поднимай паруса и двигайся дальше.

Но истинный бес сидел в душе Дэвида Гарда, комиссара полиции, что,

собственно, и делало его столь милым для друзей, столь опасным для врагов и столь неудобным для начальства. Этот бес-искуситель все время точил изнутри Гарда, не хуже того, как Линда точила Фреда Честера, и как бы подзуживал: а ну, испытай еще раз судьбу, сунься-ка туда, куда соваться не следует, рискни, когда лучше бросить якорь!

По всем линиям был тупиковый вариант. Как началось с убийства в «закрытой комнате», так и продолжалось: куда ни тыкался комиссар Гард, всюду напарывался на стенку, в которой не было даже намека на щелочку.

Сунулся к Клоду Серпино, старому другу и товарищу, и чего, казалось бы, проще — определить, кем и когда положены деньги на счет Барроу, какой «сестрой», так не вовремя умершей, — при этом ясно было, что Клод и по дружбе, и по закону не скроет от Гарда сведений… Увы, вкладчик оказался инкогнито, и никакой «сестры» у бывшего гангстера-моряка, конечно, и в помине не существовало.

Быть может, действовал «мертвый счет», открытый фирмой на каждого смертника, купившего приключение без гарантии? Да, с этого счета Мэтьюз Барроу действительно получил одноразовую страховую сумму, — прямо скажем, немалую, целых полторы тысячи кларков! — но его банковский вклад не стал менее таинственным, ибо намного превосходил «мертвый счет».

Наконец, комиссар Робертсон по настойчивой просьбе Гарда как ни вспоминал, так и не смог вспомнить, были ли у него прямые улики против Барроу в связи с той перестрелкой и десятком трупов. Формально же, если исходить из справки, выданной ЦИЦом, Барроу значился как член мафии Гауснера. Однако после известного сражения, буквально через два дня после него исчез на целых два месяца, а затем был пойман, но освобожден от ответственности, поскольку экспертиза признала его невменяемым.

И все. Можно сливать бензин, как сказал бы великий учитель комиссара Альфред-дав-Купер, благородно добавивший к сказанному, что эта фраза принадлежит не ему, а является фольклорной, но, если собственный ум не способен подсказать нечто оригинальное, не грех взять взаймы у народа то, что по праву принадлежит тебе в гомеопатической дозе, поскольку ты сам есть частица народа.

Шутки шутками, а Гард в самом деле напоминал ищейку, которая, остро чувствуя след, не может преодолеть высокую стенку, за которой след продолжается, и все бегает вдоль стены, не догадываясь, что у нее нет краев, ибо она замкнута сама на себе, как ограда средневековой цитадели или оболочка космической «черной дыры».

Что в таком случае делать? Опыт подсказывал: резко менять тактику. Иначе говоря, надо делать что-то из ряда вон выходящее, чего не способна предусмотреть ни одна кибернетическая машина, а уж человеческий мозг — и подавно. Например, взять и арестовать Хартона с его «стрекозами», чтобы затем в течение трех суток, разрешенных законом для задержания без предъявления обвинения, «расколоть» их или, в противном случае, явиться к министру Воннелу с рапортом об отставке. Вот будет торжество у невидимых противников Гарда! Или, например, подстраховавшись инспектором Таратурой, вновь прийти на фирму с парадного входа и купить приключение без гарантии, поставив Хартона и его хозяев в

довольно щекотливое положение: убрать комиссара полиции, как рядового клиента фирмы? — нарвешься на крупный скандал и расследование; счесть Гарда не «рядовым» и сохранить ему жизнь? — невольно приподнимешь занавес над тайной, окружающей подводную часть айсберга…

В том, что эта часть существует, Гард почти не сомневался. Ему не давал покоя вопрос, с какой стати гангстеры, имея шанс ускользнуть от правосудия, добровольно расстаются с этим шансом? Допустить, что все они круглые идиоты. Гард не мог. Стало быть, у них не было иного выхода! А его не бывает, когда… черт возьми, вот же о чем надо думать, чтобы «открыть шкатулочку»! Гард даже сел, если считать, что до этого он лежал на своей любимой кушетке, стоящей в кабинете справа от письменного стола с таким расчетом, чтобы, закончив писанину, хозяин мог прямо с кресла перевалиться в ложе для отдыха.

Итак, Гард сел на кушетку и снова прокрутил в голове немудреную схему: гангстеры — не идиоты, и покупать добровольно смерть они просто вынуждены. Чем вынуждены? Или, точнее сказать, кем вынуждены? Какая сила заставляет их идти на смерть, платя за нее собственные деньги и без сопротивления подставляя шею под нож, чего не делает даже самая последняя курица? Быть может, покупая приключение без гарантии, они одновременно… получают гарантию, что жизнь им будет сохранена? Очень оригинальная мысль. Для всех, например для того же комиссара полиции Робертсона, они как бы умерли, а для Фреза или Гауснера они как бы живы?!

Но если так, руководители фирмы, — нет, не этот старый веселящийся вакх Хартон, он, в сущности, туп, как необструганное полено, — истинные руководители фирмы, наверняка умеющие, как шахматисты, просчитывать партию на несколько ходов вперед, непременно догадаются, что он, комиссар Дэвид Гард, известный как не самый последний кретин, просчитает и догадается тоже. Что тогда? Тогда и они рано или поздно сменят тактику и выкинут нечто из ряда вон выходящее. Что?

В это мгновение и раздался звонок в дверь.

Гард быстро глянул на часы. Одиннадцать вечера — для гостя поздновато. Работает ли городской телефон? Да, гудит, провод не перерезан. А как аппарат прямой связи с дежурным по управлению? Квакает. Трубку опускать на рычаг не следует: дежурному пойдет сигнал, по которому, если в течение двух минут комиссар ничего не скажет, оперативная группа должна рвануть к нему на квартиру. Теперь нужно взять из ящика пистолет, а взвести его можно и по дороге к двери. Идти надо бесшумно. В передней снять с вешалки зонтик и встать к стене, вжавшись в угол. Теперь кончиком зонта… секунду, что за дверью? Тихо? Ни одного звука? Прекрасно. Если когда-нибудь кто-нибудь спросит комиссара, что такое профессия сыщика, он ответит в стиле своего учителя Альфреда-дав-Купера: это интуиция, ставшая привычкой! Теперь кончиком зонтика надо тронуть пуговку английского замка.

Касание!

И в тот же момент почти одновременно прозвучали два выстрела. Первый, произведенный с той стороны двери, не причинил Гарду неприятностей: пуля, пробив деревянную филенку, вонзилась в стену напротив вешалки. Второй выстрел, сделанный Гардом, вызвал за дверью вскрик, за которым последовал грузный звук

падающего тела.

Выждав с десяток секунд, комиссар повторил фокус с зонтиком, но в ответ была тишина. Затем открылась дверь этажом ниже, это консьерж, пожилой человек, — ему нужно не менее двадцати секунд, чтобы преодолеть два лестничных пролета. Ну вот уже слышны его шаги.

— О, кто вы?! — Это звучит его голос, поскольку он видит кого-то, лежащего у двери в квартиру Гарда.

Если коварство врагов исчерпано, они не помешают консьержу позвонить в дверь. Точно: звонок.

— Господин комиссар! Здесь человек… в крови! Я слышал выстрелы! Вы дома, господин комиссар?

И вот уже звук полицейской сирены. Оперативная группа внизу. Кажется, можно выходить, если покушавшийся не прикрыт соучастниками. Нет, не прикрыт: они бы уже дернули вверх, на чердак, а оттуда по крышам — в разные стороны. Гард, помедлив еще не более трех-пяти секунд, повернул ручку замка и распахнул дверь навстречу спешащим наверх трем полицейским ночного патруля во главе с сержантом.

На лестничной клетке, прямо напротив двери, лежал человек. Он лежал лицом вниз, одна рука его неловко подогнулась или, точнее сказать, вывернулась на спине, как рука сломанной куклы, а другой он сжимал рукоять пистолета. По-видимому, жизнь уже оставила покушавшегося, он не шевелился, и тонкая струя темно-красной крови вытекала на кафель откуда-то из-под груди.

— Ничего не трогать! — резко произнес Гард. — Ни к чему не прикасаться! Сержант, внизу кого-нибудь видели?

— Никак нет, господин комиссар! — бодрым голосом ответил полицейский.

Вмешался консьерж, трясясь от страха:

— Я как услышал выстрелы, господин Гард, и говорю жене…

Гард остановил старика недвусмысленным жестом, и тот поперхнулся на слове. Тогда Гард сказал:

— Идите домой. И успокойтесь. Пора бы уже привыкнуть к тому, что в этом подъезде живет не дантист, а полицейский.

Старик, тряся головой, тихо пошел вниз. Гард наклонился к лежащему человеку, осторожно повернул его вверх лицом и даже не удивился, увидев оскаленную в гримасе улыбку старого, всегда веселящегося вакха.

13. ПОДНОЖКА

Как обычно, перед обсуждением возникла недолгая пауза. Генерал Дорон бесстрастно курил, миллиардер Крафт-старший поправлял механическим движением рук манжеты, а министр внутренних дел Воннел строго, как на арестантов, смотрел на свои ногти. Им владело привычное раздражение, которое

возникало всякий раз, когда надо было обсуждать щепетильный «сценарий». Не то чтобы он сомневался в его необходимости, а он ему просто не доверял, как, положим, старый бухгалтер не доверяет всем этим электронным считалкам, не стоившим и одной костяшки веками проверенных счетов. Воннела всегда раздражали эти плоды научно-машинного творчества, и потому он втайне, чтобы не казаться так уж старомодным, даже в собственном министерстве с подозрением относился к всевозможным ЦИЦам, НАМам и БЕМам, палец о палец не ударяя во имя их развития. «Как будет, так и будет, а денег просить не стану! — обычно решал он про себя, бывая на приемах у президента. — Даст — даст, а не даст — ну и слава Богу!»

Плоды машинного творчества ставили его, Воннела, в странное и унизительное положение человека, занимающего высокий пост в государстве, однако не способного хоть как-то влиять на дела. Конечно, он мог вообще отменить «сценарий» или по крайней мере поставить его под сомнение, но целиком, а вот изменить в нем что-то — увольте! Потому что любое предложенное им изменение требовало обоснований. А раз так, то «сценарий» из-за необходимой корректировки уходил куда-то туда (куда, кстати?), где — уж это Воннел знал по опыту — его снова запускали в машину. А раз запускали в машину, то невольно происходила как бы оценка его, Воннела, мыслей, и… ничего хорошего во всем этом не было. Так если он не мог без ущерба для себя и своего реноме что-либо изменять в «сценарии», ему не совсем понятно было, зачем он вообще тут находится?!

Поэтому Воннелом владело острое желание вот так, левой ногой, без всяких доводов взять и одним махом порушить все эти ненавистные «альтернативы», «оптимизации» и «эксплоративные прогнозы». И оттого, что это было никак невозможно, он чувствовал себя совсем уж гадко. Оставалось ждать, когда что-нибудь скажет Дорон, который понимает или делает вид, что понимает всю эту мудреную механику. Ждать и надеяться, что в словах Дорона будет какая-нибудь слабина, в которую можно будет вцепиться и отвести душу, а заодно показать, что он, Воннел, значит куда больше, чем все эти машинные расчетчики во главе со своим машинным генералом, хотя министр чувствовал, что ожидание его и томительно и малоперспективно. Тем более что Дорон молчал. Он молчал потому, что за него говорили все эти листки, причем увесистым языком науки, и этот голос был сильнее голоса старомодных придворных мудрецов. Не без злорадства он думал о Воннеле, который, хоть и силен, и ловок, и хитер, сейчас, однако, не более чем надутый самомнением мешок, опасающийся неосторожным словом выдать свою пустоту и глупость.

Обсуждение начал Крафт-старший, который тоже презирал науку, но как презирают раба, чьими услугами пользуются, его не замечая, и потому не терзался никакими ущербными мыслями.

— Что ж, — сказал он, — условия соблюдены, степень риска… Какая тут степень риска? А, вот: семь целых пять десятых процента плюс-минус один процент. Когда мы рассматривали операцию с Аудуксеей, риск, насколько помнится, был выше. Отсюда следует…

Крафт позволил себе не закончить мысль, он мог себе вообще все позволить, даже не изображать умника, — преимущество, которое ему давало финансовое главенство в империи военно-промышленного комплекса. Все и так поняли.

Могло показаться странным, что совещание, где в некотором роде решалась судьба соседней страны, шло в столь узком составе, что тут не было ни президента, ни министра иностранных дел, ни других видных политиков. Но есть дела, о которых президент и прочие высокопоставленные лица как бы ничего не должны знать, дела, которые осуществляются вроде бы и не правительством.

— Совершенно согласен с вашей оценкой, — вежливо наклонил голову генерал Дорон.

Воннел понял, что от него ускользает последний шанс.

— Я тоже в принципе согласен, — сказал он, веско помедлив. — Неплохой план. Хотелось бы, однако, кое-что уточнить. Новый президент согласно «сценарию» сразу должен восстановить с нами соглашение по всем секретным пунктам договора. Хорошо, хорошо! Но в его речах и ответах на пресс-конференции я не нахожу ни слова о возвращении собственности национализированных предприятий их законным владельцам…

Воннел был не настолько глуп, чтобы не понять, отчего этих слов нет в «сценарии», но он метнул эту стрелу не без дальнего прицела. Сейчас его поправят, но совладелец национализированных предприятий не кто иной, как присутствующий здесь Крафт-старший, и он наверняка запомнит рвение Воннела, пусть не совсем уместное, но искреннее. «Надо быть правовернее самого Папы Римского!» — этот принцип он усвоил давно и прочно.

Крафт будто не слышал слов министра внутренних дел. Ему тоже было ясно, почему новый президент не сможет в первый же день пересмотреть вопрос о национализации, ясен ему был и подтекст слов Воннела. Но ему было скучно, а если отвечать придется Дорону, то, может быть, станет и весело, будет забавно смотреть на эту петушиную схватку. Понимал Крафт и то, что Воннел в общем-то дурак, а Дорон умен. И даже слишком! Веская причина, почему Воннел должен иметь голос наравне с Дороном, чтобы в целом они как бы уравнивали свои шансы в сравнении с ним, Крафтом-старшим.

— Понимаю ваше беспокойство, — сказал Дорон, которому тоже была ясна ситуация. — Вы настаиваете на доработке «сценария»?

Это был прекрасный удар, Воннел даже не нашелся, как его парировать.

— Просто я лишний раз напоминаю, что не следует забывать о столь важной цели, — ответил он, отчетливо сознавая, что ответил глуповато. — Впрочем, если генерал заверяет, что с этим все в порядке, то беспокоиться не о чем.

— Значит, «сценарий» принимаем? — спросил Дорон и совершил ошибку: мгновение пустячного торжества притупило его бдительность.

Крафт опять не издал ни звука, но Воннел прекрасно умел различать оттенки молчания. Даже не разбираясь в том, чем вызвано немое неодобрение Крафта, — а оно было вызвано явным нарушением равновесия Воннел — Дорон в пользу последнего, — он ринулся в атаку.

— Нет! — сказал министр с жаром. — Ответственность слишком велика, все надлежит как следует проанализировать. Вот, например! — Он ткнул пальцем в одну из строчек. — Пункт об атрибутике. На будущем президенте почему-то должен

быть галстук цвета национального флага и тайный знак заговорщиков — белая гвоздика в петлице. Это же какой-то детский сад! К чему, зачем? Несерьезно, господин генерал.

«Как глупо! — подумал Дорон. — Надо было расспросить, к чему эта дурацкая гвоздика и галстук цвета национального флага, — в этом есть, конечно, смысл, но какой?»

Да, генерал Дорон дал промашку. О галстуке и гвоздике в «сценарии» было, как он и предполагал, сказано не случайно. Новому президенту нужно было создать романтический ореол, романтика высоко котировалась среди будущих его подданных. Человек, который «в изгнании» всегда держит при себе национальный символ — это была трогательная деталь, тщательно увязанная с множеством других, что в совокупности создавало героико-романтический образ нового президента. Свергаемый президент испытывал идиосинкразию к гвоздике, не терпел ее в помещениях, где находился сам, и это тоже было известно всей стране. Естественно, что заговорщики избрали гвоздику своим тайным знаком! Ребячество, конечно, но ведь переворот в глазах мирового общественного мнения и должен выглядеть чуть-чуть бутафорским, что лучше могло замаскировать железную руку, которая двигала им!

Однако ничего этого Дорон не знал, потому что всецело доверял расчетчикам, потому что его внимание было сосредоточено на вещах куда более важных, и еще потому, наконец, что охватить всю громаду плана во всех его деталях и в короткий срок не мог ни один человек в мире, даже генерал Дорон.

— Действительно, к чему тут галстук и гвоздика? — подал голос Крафт, в котором неожиданно пробудился чисто человеческий интерес. Ведь галстук и гвоздика были вещами понятными, в отличие от всех прочих машинных тонкостей, доступных лишь специалистам-очкарикам.

— Учет специфики аборигенов… — туманно и близко к истине объяснил Дорон, уже понимая, что галстуком и гвоздикой придется пожертвовать. Глупо, конечно, это на какие-то доли процента ухудшает план, но что поделаешь. — Эту деталь можно снова пропустить через машины, — добавил он, впрочем выкидывая свой козырь без всякой уверенности, что он подействует.

— Нет уж, позвольте! — развел руками Воннел. — Мы как-нибудь без машин можем разобраться в гвоздиках и галстуках! — И поглядел на Крафта, ища у него поддержки.

Крафт одобрительно кивнул Воннелу, вновь уравновешивая его с Дороном перед лицом своих миллиардов.

В этот момент в кабинет бесшумной походкой вошел секретарь генерала Дитрих — единственный человек, которому разрешалось в экстренных случаях без предварительного разрешения появляться в кабинете шефа в любое время дня и ночи, при любых совещаниях и делах. Дитрих для всех присутствующих был, как воздух, невидим, пуст и прозрачен, нематериален, причем именно по той причине, что он не был пустым: генерал Дорон твердо знал, что на Дитриха он может положиться как на самого себя, Дитрих был могилой в истинном смысле этого слова, ибо все, что проникало в него, оставалось в нем, как в склепе, не подлежащем

вскрытию.

Итак, Дитрих вошел, неслышными шагами приблизился к генералу и молча положил ему на стол листочек блокнотной бумаги, на котором были написаны четыре слова: «В приемной комиссар Гард».

Дорон поднял вверх брови, подумал и так же молча протянул записку Воннелу. Министр прочитал и совершенно искренне пожал плечами: мол, ведомство хоть и мое, но я к визиту этого несносного Гарда отношения не имею, разбирайтесь сами. Крафт-старший при этом даже ухом не повел: повседневные дела Воннела и Дорона интересовали его так же мало, как детские слюнявчики.

— Пожалуй, на этом закончим? — сказал он, вставая. — «Сценарий», я полагаю, в принципе утвержден?

— Мне тоже лучше уйти, — произнес Воннел.

Генерал встал и по очереди пожал две руки, а если сказать точнее, то всю пятерню министра и два холеных пальца, протянутые миллиардером, за что Дорон его органически не переваривал, однако поделать с ним ничего не мог.

Дитрих, понимающий все приказания генерала без слов, проводил участников совещания до дверей и дальше, через небольшой холл до самого выхода из помещения, где они, даже не взглянув на провожатого, отдали себя в руки собственных секретарей и телохранителей. Затем, вернувшись к шефу и едва взглянув на него, Дитрих быстро написал на новом листке бумаги еще два слова: «По-видимому, Хартон». Оба листка тут же были отправлены им в горящий камин, где они вспыхнули и растаяли, словно снежинки, упавшие на горячую сковородку. Снова посмотрев на Дорона, Дитрих неслышно подошел к дверям, за которыми в приемной генерала терпеливо ждал комиссар полиции Дэвид Гард.

14. НЕ ПО СЛЕДАМ, А ЗА СЛЕДАМИ

Решение идти напрямую к Дорону возникло у Гарда в тот самый момент, когда он увидел на площадке перед своей дверью искаженное гримасой лицо Хартона. Хартон, подумал Гард, не такой болван, чтобы лично покушаться на комиссара полиции. У него, как у человека, заправляющего делами фирмы, было предостаточно молодчиков, способных взять на себя это мокрое дело. И если работу принялся исполнять сам Хартон, можно было не сомневаться в том, что менее всего были на то его воля и желание.

В таком случае, кто двигал им, как пешкой на шахматной доске? Какой силы был человек и его организация, чтобы так рисковать управляющим фирмой? Наконец, нельзя не учитывать и того обстоятельства, что покушавшийся на комиссара должен быть самым преданным, самым верным этому имяреку, то есть человеком, которому можно было верить, даже в случае провала и захвата живым.

После некоторых размышлений Гард пришел к выводу, что ему следует напрямую идти к генералу Дорону. Дело было вовсе не в том, что подозрения комиссара конечно же в первую очередь падали на генерала, как на личность достаточно сильную и темную, к тому же возглавляющую мощнейшую

организацию, деятельность которой на пять шестых была окутана таинственным мраком. Дело было в том, что у комиссара, по трезвом размышлении, другого пути не было. Уж казалось бы, чего проще. Уличай «Фирму Приключений» в применении наркотиков, бери с поличным, вытрясай из ее сотрудников душу — ан нет! Дохлое это было дело, с самого начала дохлое. И не потому даже дохлое, что должно было идти по другому отделу, шефом которого был миляга Воннел, брат министра. С этим еще как-то можно было справиться, но дальше… Наркотики? Чуял Гард, что это еще придется доказывать и доказывать, что наркотики могут оказаться — и даже скорее всего окажутся — какими-нибудь нейролептиками, галлюциногенами, или как еще их там называют, — словом, препаратами, под букву закона не подпадающими, и эксперты будут ломать копья, и поднаторелые адвокаты будут топить истину, и много воды утечет, прежде чем… А внушение и вовсе к делу не подошьешь! Но допустим, допустим: дальше что? «Подводная часть» конечно же надежно изолирована: посади хоть всех сотрудников фирмы — сядут, а ты все равно останешься с носом…

Болото, болото, трижды болото! А след был не просто горячий, теперь, после покушения Хартона, он стал обжигающим! Но, увы, ведущим все в то же болото.

Однако многолетний опыт подсказывал: если нет явных следов, ведущих к цели, если они по каким-то причинам стерлись и не сохранились, надо искусственно создать ситуацию, в результате которой непременно появятся следы новые. «Риск — благородное дело, — говорил незабвенный учитель Альфред-дав-Купер, — если на него идет благородный человек!»

Но вот незадача… Каждый раз, встречаясь с Дороном, что было, прямо скажем, не так уж часто, Гард испытывал состояние школьника, через много лет после окончания гимназии встречающегося со своим старым классным наставником. Какая-то нелепая стеснительность овладевала им, мешая легко и свободно вести беседу, шутить, смеяться или, положим, закурить в присутствии генерала, небрежно пуская кольцами дым, — короче говоря, держаться на равных и быть непринужденным. Гард, разумеется, виду не подавал, что такая странная робость закрадывается в его душу при виде Дорона, и в конце концов преодолевал себя. Однако ему всегда казалось, что от проницательного глаза генерала и от его тонкого ума не ускользает ничего, и он с первых слов разговора отдавал Дорону инициативу, а потом ему приходилось буквально вырывать ее из рук Дорона, что было нелегко и непросто.

Наконец, направляясь в этот генеральский кабинет, Гард наверняка знал, что никогда не удивит Дорона своим посещением, каким бы неожиданным оно ни было. Генерал неизменно был готов к любой беседе, словно сам ожидал ее со дня на день или с часу на час. Эта готовность тоже смущала Гарда, если не сказать — выбивала его из колеи. Гард догадывался, почему генерал всегда был «в седле»: его осведомленность в иных сугубо криминальных делах превосходила всякое вероятие, что конечно же наводило на размышления… но никак не могло считаться уликой!

Во всяком случае, и теперь не Дорон удивился приходу Гарда, а комиссару пришлось удивляться тому, что генерал ничуть не удивлен.

— Приветствую вас, господин Гард! — как всегда дружески, но без фамильярности произнес Дорон, не вставая и не протягивая руки, а всего лишь

жестом указывая комиссару на кресло. — Прошу! У меня, к сожалению, не так много времени, начинайте без предисловий. Если угодно, то сразу с гибели Хартона, а если хотите — с убийства антиквара Мишеля Пикколи.

Гард просто оторопел от неожиданности, чем явно доставил удовольствие генералу, который со смаком принялся раскуривать сигару. Проглотив слюну. Гард только и мог вымолвить:

— Ну, знаете, генерал!..

Затем тоже закурил, не спрашивая разрешения, слегка привел свое душевное состояние в порядок, подумал: «А может, так оно и лучше!» — и быстро заговорил:

— Я не намерен задавать вам вопросы, генерал, и вообще мой визит неофициален. Я пришел для приватного разговора, и вовсе не для того, чтобы слушать, а чтобы говорить. Прошу меня выслушать, это, возможно, в ваших интересах, генерал, хотя я не уверен, что мои слова вам понравятся. Мне нечасто удавалось вас радовать, не так ли? Но… — Гард чуть понизил голос, он уже взял себя в руки, это почувствовал и Дорон, они опять стоили друг друга.

Собственно говоря, именно по этой причине, ненавидя комиссара, генерал уважал его, немного побаивался и готов был считаться с ним как с достойным соперником и не отмахивался от Гарда, как от прочих полицейских чинов, в том числе самого министра Воннела: увы, Гард требовал от Дорона напряжения ума и игры фантазии.

Комиссар продолжал:

— Я многое знаю, генерал, и пришел к вам сказать, что буду знать еще больше. Мишеля Пикколи, о котором вы соизволили помянуть, убил Аль Почино. Затем Аль Почино исчез, купив приключение без гарантии у Хартона. Хартон возглавлял фирму, о существовании которой вы, надеюсь, слышали. После этого Хартон совершил на меня покушение, но неудачно. Не знаю, первым ли я сообщу вам печальную весть о том, что минувшей ночью управляющий Хартон был убит мною, если, конечно, эта новость может быть вам интересна. Мне известно, кроме того, что за последние три года еще восемнадцать гангстеров, как и Аль Почино, приобрели у Хартона за свои деньги смерть. Не стану скрывать, генерал, своих подозрений: этих людей явно вынудили обращаться к Хартону, я это понял, хотя и не знаю пока, с какой целью. Но это во-первых. Во-вторых, я не уверен, что смерть их была настоящей, а не мнимой. Наконец, я догадываюсь, что фирма Хартона — типичный айсберг, у которого надводная часть ничтожна и малоинтересна в сравнении с тем, что внизу. Я не менее уверен, генерал, что эта невидимая часть фирмы если не преступна по результатам своей деятельности, то по крайней мере безнравственна, и когда данные о ней будут преданы гласности, широкая общественность вряд ли одобрит тех, кто вдохновлял, финансировал и, возможно, руководил этой фирмой, но кто находится пока в тени. Вы спросите меня, генерал, почему я все это вам говорю?

Гард сделал паузу, которой Дорон, однако, не воспользовался.

Тогда комиссар продолжил:

— Нет, вы этого у меня не спросите, генерал, мы оба прекрасно понимаем почему. Я покидаю вас. Я сказал все. Больше мне нечего добавить, кроме того, в чем

вы и сами уверены, зная меня не первый год: если я взялся за дело, я рано или поздно добуду недостающие звенья и доведу начатое до конца. Как бы мне ни мешали и чего бы мне это ни стоило. Буду предельно откровенен: сейчас я потерял след. Моя задача — побудить моих противников действовать. Заметая следы, они оставят новые. Не будут ничего делать — я нащупаю то, что утратил. И так плохо, генерал, и этак. Пусть решают сами, какой выбрать путь. Все. Слово теперь за ними. Я говорю «за ними», генерал, и прошу отметить мою корректность. Да, чуть не забыл: охота за мной — не путь. Я принял меры, чтобы «охотники» были захвачены живыми и указали тех, кто вложил оружие в их руки.

Закончив монолог, Гард поднялся, кивнул Дорону и пошел к дверям. Они распахнулись перед комиссаром как по волшебству, но этим «волшебником» был тишайший Дитрих. Секретарь посторонился, пропуская Гарда, а затем вошел в кабинет, притворил за собой дверь и чуть ли не на цыпочках, не дыша, приблизился к генералу, чтобы остановиться на почтительном расстоянии от него в ожидании распоряжений. Дорон не торопился. У него была потрясающая выдержка. Наконец, вновь раскурив сигару, он подчеркнуто спокойным голосом спросил:

— Разработка для Хартона велась обычным способом?

— Нет, господин генерал, предусмотренным для экстренных случаев. Ввиду срочности, особой секретности, а также с учетом загруженности аппарата госзаданием была составлена спецгруппа расчета.

— Установите, кто конкретно и какую допустил ошибку, — тем же размеренно-холодным голосом произнес Дорон. — Немедленно запустите в дело «сценарий» по ликвидации негативных последствий, связанных с гибелью Хартона. Полный и безотлагательный смыв всей линии. Вам ясно? И заберите *это.* — Дорон протянул Дитриху папку, на титульном листке которой стояло три визы: его, Крафта-старшего и Воннела.

Дитрих никогда не задавал шефу вопросов, он умел только отвечать на них. Поклонившись, секретарь с папкой в руках неслышно пошел из кабинета, умело скрыв от Дорона свое недоумение. Если в «сценарии» меняли хотя бы запятую, его надлежало вернуть к разработчикам и лишь после этого запускать в производство, да и то с новой визой оценочного постконтроля. А тут была вырублена целая фраза относительно этого дурацкого галстука будущего президента и еще более дурацкой гвоздики в петлице! Тем не менее генерал ничего не сказал о разработчиках, он вообще ничего не сказал о судьбе этого «сценария», а Дитрих более всего на свете не любил принимать самостоятельные решения. Почему так поступил генерал? Возможно, слишком дал волю раздражению, которое овладевает умным человеком всякий раз, когда верх над ним берут дураки, и которое выливается в неосознанную мысль: «А ну вас всех к чертовой бабушке, буду я еще стараться!» Или его вывел из себя визит этого комиссара Гарда, из-за которого тоже могут быть приличные неприятности. Во всяком случае, генерал явно хотел скрыть от Дитриха, своего подчиненного, фиаско, которое он только что дважды потерпел как от своих, так и от чужих, если под «чужими» подразумевать комиссара Гарда, и потому не довел до сведения секретаря, что делать с правкой дальше: в производство посылать «сценарий» или в доработку, после которой следовал непременный контроль? Впрочем, не исключено, что у Дорона была еще какая-то причина, о которой не знал даже Дитрих: чужая душа, как известно, потемки. И если сам генерал впоследствии

не смог объяснить себе столь опрометчивого поступка, имеющего, как вы увидите, весьма роковые последствия, то не только Дитрих, но и мы тоже разобраться в мотивах не в силах, и потому оставим этот вопрос.

Секретарь уже был в дверях, когда его догнал бесстрастный голос Дорона:

— Да, допустившего ошибку убрать, если это, конечно, не сам Хартон.

Последняя фраза, увы, должна была стоить жизни двадцатипятилетнему джентльмену по имени Киф Бакеро, который, как вскоре выяснил Дитрих, и был конкретным виновником гибели Хартона. Проглядел он сущий, казалось бы, пустяк: не учел в разработке, что Хартон левша, и по привычке «вложил» пистолет ему в правую руку, соответственно рассчитав и всю диспозицию.

Впрочем, и тут все было так налажено, что никакого сбоя не могло выйти. Не могло — при условии машинного автоматизма всех исполнителей. Увы, взволнованный своими любовными переживаниями, Бакеро ненадолго перестал быть высоконадежным и квалифицированным роботом… Отсюда потянулась цепь неприятностей, в результате которых Хартон, взяв пистолет все-таки в левую руку, оказался в позиции, где его могла достать и достала выпущенная Гардом пуля, чего согласно «сценарию» произойти не могло, если бы он держал пистолет в правой руке.

Стоит ли добавлять, что, занимаясь расчетами, Киф Бакеро понятия не имел, кто в кого должен стрелять, а имел всего лишь исходные данные, содержащие характеристику двери, возраст объекта номер один, который должен был стрелять, объекта номер два, который должен быть убит, сведения о привычках обоих, об их темпераменте, навыках, глазомере и так далее. В итоге синеглазая красавица Дина Ланн, не успев стать женой Кифа, могла овдоветь, хотя именно она и явилась невольной виновницей его ошибки.

Что ж, все ошибаются — и машины, и люди. Но вот, парадокс — чем сильнее стремление к жестокому, точному, отлаженному ведению дел, тем, естественно, меньше ошибок; зато уж если случается сбой, то обычно выходит всем глупостям глупость. Особенно если используются машины, которые с одинаковым равнодушием возводят в степень все что угодно. Тут бедствием может стать ничтожная, не там поставленная запятая!

Но мы опять отвлеклись.

«Убрать так убрать», — подумал Дитрих с таким же привычным спокойствием и деловитостью, с каким, закончив работу, убирал за собой письменный стол, хотя на сей раз и предвидел небольшие трудности, поскольку в сравнении с письменным столом Бакеро был предметом, что ни говорите, одушевленным.

Что же касается готового «сценария», его следовало, поскольку шеф ничего не сказал о нем, пустить, сообразуясь с правилами, в восемнадцатый блок для копирования, а затем и в производство. Что Дитрих и сделал после недолгого размышления: он вложил папку в железный ящичек, который под давлением воздушной струи мгновенно ушел в восемнадцатый блок по каналу прямой внутренней связи. Там, в восемнадцатом блоке, ящик был любовно вскрыт старшим блока Рональдом Готлибом. Его небольшое ведомство, оснащенное несколькими копировальными аппаратами, располагалось на задворках могучего

кибернетического мозга генерала Дорона, в самом дальнем закутке «ангара», однако Готлиб искренне полагал, что дело не в территориальной расположенности блока, а в его наиважнейшей функции.

Маленький, тщедушный, с непомерно крупным и унылым носом, опущенным вертикально вниз, с вечно озабоченным, печальным выражением глаз, Готлиб еще был большим эстетом. Его буквально выводила из себя, лишала покоя, делала больным даже ничтожная помарка на машинописной странице, подлежащей копированию. Собственно говоря, формальной функцией Рональда Готлиба было принять готовый «сценарий», снять с него надлежащее количество копий, одну отправить в архив, а остальные передать в отдел реализации, то есть в производство. Это была чисто механическая процедура, которая не требовала от Готлиба и сотрудников его блока ни просмотра бумаг, ни тем более вникания в их существо или содержание.

Однако Готлиб бумаги все же просматривал в надежде найти и немедленно перебелить испорченную помаркой страницу, — если угодно, эту работу он исполнял как любимое дело, как хобби, как нечто, продиктованное его профессиональным тщеславием. При этом содержание бумаг Готлиба, разумеется, совершенно не интересовало, только их внешний вид! В конце концов, мы не завидуем людям, завинчивающим гайки или болты на конвейере, но с уважением относимся к тем из них, кто хочет в этой монотонной работе найти свою поэзию. И это их неотъемлемое право, и начальство не только не протестует против подобного рода рвения, а нередко поощряет его и добрым словом, и премией по случаю какого-нибудь «Дня республики» или Сочельника. Принял, вложил, вынул, отдал — разве эти операции могут тронуть душу человека, у которого маниакальная потребность если не найти, то хотя бы выдумать творческое начало в работе?

Короче говоря, грязное место в «сценарии», на которое натолкнулся Рональд Готлиб, резануло его так, словно авторучка Дорона, вычеркнувшая злополучный галстук на шее будущего президента, прошлась не по бумаге, а по реальной шее самого Готлиба. Он не мог, просто не мог остаться равнодушным! Помарка подействовала на него так же удручающе, как на писателя действует опечатка в его только что изданной книге или как на женщину, обнаружившую, что у нее при всем честном народе спустилась петля на колготках!

Рональд Готлиб выглянул из своего закутка, ищущим взглядом обводя знакомых ему машинисток. Наконец выбор его остановился на Дине Ланн, потому что она была ближе всех, как раз в этот момент закончила какую-то перепечатку и, кроме того, обладала добрым характером. Готлиб немного боком приблизился к ней и деликатно кашлянул. Дина подняла голову и по уныло повисшему носу, по собачьему выражению глаз тут же поняла состояние Готлиба. Вообще-то машинистки, к которым он часто обращался за помощью или за сочувствием, слегка посмеивались над ним, но его приверженность к работе вызывала у них и уважение.

— Что, опять грязь? — спросила Дина.

Готлиб только вздохнул в ответ.

— Стоит ли расстраиваться? — сказала беспечным тоном девушка.

— Стоит, — опять вздохнул Готлиб.

— Ну давайте, я перепечатаю, — улыбнулась Дина Ланн, готовая в этот момент осчастливить весь мир.

Готлиб хихикнул от удовольствия и рысью, хоть как-то и боком, поскакал за злополучной страницей.

Вопиющее нарушение правил? Отнюдь, отнюдь! То, что делал Рональд Готлиб, и то, что готовилась сделать Дина Ланн, никем официально не запрещалось и не разрешалось, то есть не регламентировалось, ибо какая система организации могла предусмотреть столь творческое отношение сотрудников к своим обязанностям?

Ланн заправила бумагу в каретку, положила рядом страницу, глянула на мазню, которую надо было исправить, и прочитала текст, подлежащий в итоге перепечатыванию: *«…О'Чики, кандидату в президенты, надлежит в 20:00 быть…* (далее про какой-то галстук вычеркнуто) *слева от статуи Неповиновения, где его встретят и отправят…»* «Слева от статуи Неповиновения? — механически подумала Дина. — Надо же, ну конечно слева! Но справа и в тот же час — поразительное совпадение! — меня возле статуи будет ждать Киф! Черт, чуть не сбилась… Ага!» И машинка дробно рассыпала скоропись: *«…О'Чики, кандидату в президенты, надлежит в 20:00 быть справа от статуи Неповиновения, где его…»*

— Вот. — Ланн протянула Готлибу переписанную страницу.

— Вы печатаете… — все существо благодарного Готлиба искало самый восторженный комплимент, — белоснежно!

Дина снисходительно улыбнулась. И тут же забыла о Готлибе и о каком-то неведомом ей О'Чики, кандидате в президенты, о котором даже нечего рассказать Кифу или дядюшке Христофору, родному брату матери, ее доброму покровителю, с которым она была откровенна, как с лучшей подружкой: все мысли девушки тут же унеслись совершенно в другую сторону — к любезному жениху. (Так неожиданно, добавим, спасенному ею за счет будущего президента, которому теперь было суждено разделить чужую судьбу!)

Впрочем, у Ланн в этой ошибке был соавтор. Перепутанное ею слово не вызвало бы никаких последствий, если бы перо генерала Дорона не выкинуло из «сценария» — правда, по требованию министра Воннела — этот дурацкий галстук цвета национального флага, который, между прочим, служил еще и опознавательным знаком для агентов спецслужбы, чьей обязанностью было отправить будущего президента куда следует. (Из соображений секретности агенты, как это водится в тайных делах, — смотри соответствующую страницу из книги «На службе Родинам»! — были ориентированы не на конкретного, во плоти и крови, человека, а на условные знаки места, времени и отличия объекта.) Само собой, никакой путаницы не произошло бы, если бы Дорон намекнул Дитриху насчет доработки «сценария»; тогда контроль, конечно, наткнулся бы на ошибку, и приметы «объекта» были бы уточнены, конкретизированы, дополнены и все гладко покатилось бы по рельсам программы. Но, увы, и в генерале оказалось что-то человеческое!..

С другой стороны, если некий господин вследствие ошибки синеглазой красавицы, да еще и без опознавательных знаков, сел на скамейку не слева, а справа от статуи Неповиновения, где уже сидел другой джентльмен, приговоренный

Дороном к смерти, и их в потемках слегка перепутали, интересно бы знать, как теперь сложатся их судьбы?

Кстати, никто в «ангаре» не подозревал, что в действительности происходит с очень уж проштрафившимся сотрудником. Никто и подумать не мог, что с ним поступают как с негодными болтами, винтиками, гайками. Просто изредка случалось так, что кто-то уходил после смены домой или на свидание с любимой, в кафе или навестить заболевшую тетушку и более не возвращался. Никогда. Он исчезал, словно проваливался сквозь землю, и его напрасно искали родственники и полиция. Правда, примерно в то же время в морге появлялся неопознанный труп, до такой степени изуродованный, что даже родинок не оставалось. И тогда государство хоронило его за свой счет: три кларка и двадцать леммов за всю экипировку плюс два совершенно пьяных и сквернословящих могильщика. Разумеется, эти трупы никакого отношения к бывшим сотрудникам Института перспективных проблем, к Дитриху, к его «тихим мальчикам» и тем более к генералу Дорону не имели.

Жестоко, несправедливо? Верно, конечно. Тем не менее стоит учесть и другое. Если человек по доброй воле соглашается стать нерассуждающей деталькой машины, то тем самым он соглашается с отношением к нему как к винтику. А незаменимых винтиков, как известно, нет! Их, когда надо, смазывают маслом и, когда надо, выкидывают в металлолом, благо производство налажено и безработных — с дипломами и без — хватает. Всевышний, судьба, рок! Извините, всего лишь социальные отношения и собственное поведение человека…

Хотя вы можете представить, как бы рыдала Дина Ланн, исчезни вот так ее любимый. Порадуемся же тому, что рыдать ей не пришлось. Однако не будем торопить события, каждое из которых случится в свое время, а закономерно или нет, это другой вопрос. Все ли мы знаем о закономерностях и случайностях? Где уж!..

15. ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ

Сразу после разговора с генералом Дороном Гард заехал в управление и договорился с комиссаром Робертсоном, дежурившим по городу, чтобы ему в самом срочном порядке передавали домой все сведения о преступлениях, где бы они ни происходили. Робертсон хотел было обидеться на Гарда, но тот успокоил коллегу, объяснив ему, что имеет всего лишь «свой интерес», ни в коей мере не ущемляющий профессиональных достоинств дежурного. На том и договорились.

Ждать Гарду долго не пришлось.

Уже через два часа поступило известие о таинственном исчезновении некоего Луи Карне. Пропал он из собственного дома, точнее сказать, из ванной комнаты. При этом внешних поводов к его исчезновению вроде не было: за Карне ничего дурного не числилось, как, впрочем, и ничего хорошего. Заявила о факте жена Луи, в прошлом известная проститутка по имени Жозефина. Она рассказала, что познакомилась с Карне два года назад «на работе» и решила поменять профессию: стать верной женой. Что делал Луи до знакомства с Жозефиной, она не знала, вероятно, и того и другого устраивала взаимная нелюбознательность. Единственное, что знала жена о муже, — так это то, что появился в городе и, кажется, в стране в

месяц их знакомства, а затем, хотя и имел приличный капиталец, устроился работать шофером.

Быстро прокрутив Луи Карне через ЦИЦ, Гард выяснил, что он человек «без биографии». Никаких о нем данных, кроме женитьбы и профессии шофера. Документы тем не менее в порядке, и лишь одна вопиющая непонятность: по свидетельству Жозефины, ее муж когда-то попал в какую-то передрягу, и ему перемололо ногтевые фаланги всех десяти пальцев рук. «Понимаете, — плача и причитая, сказала Жозефина Гарду, немедленно появившемуся на месте, — у него были такие розовенькие, красивенькие подушечки…»

Много ли нужно Гарду, чтобы понять, что Луи Карне перенес операцию, освободившую его от прежних отпечатков пальцев?

Обстоятельства, при которых исчез Карне, были следующие. Он вернулся с работы, переоделся, хватанул сразу полстакана виски с содовой — пил Карне принципиально не из рюмок, стопок, бокалов, а именно из граненых стаканов с рекламными наклейками фирмы «Дарвин и сын», производящей бюстгальтеры, — и пошел в ванную комнату принять душ, пока Жозефина сделает ему яичницу с беконом. Жозефина слышала, как Луи плещется под струей воды, что-то напевая, и вдруг он дико закричал. Жена бросилась к двери в ванную, но она была заперта, и как Жозефина ни умоляла Луи, он дверь не открыл. Тогда уже на ее вопли о помощи сбежались соседи, взломали дверь и увидели, что Карне нет. Он ушел, или его вынули, через небольшое окно под самым потолком, причем если все же он ушел, то почему перед этим дико кричал и почему отправился куда-то голым?

Возвращаясь на машине домой. Гард пытался анализировать происшествие, связывать его со своим визитом к генералу Дорону, но цепь не выстраивалась. Во-первых, уж слишком быстро начал генерал действовать, если записывать Карне на его счет, и, во-вторых, довольно грубо: с криком, с экзотикой, если можно так выразиться, имея в виду кражу человека из ванной комнаты в голом виде, что на основательного Дорона не походило. Но одно обстоятельство очень настораживало Гарда: розовые подушки пальцев. Человеку с незапятнанной репутацией сдирать отпечатки пальцев нужды нет, а тут они явно содраны, да еще у личности «без биографии». Так или иначе, Гард получил достойный факт для размышлений, пока еще, правда, никуда не ведущий, ни к Дорону, ни к «Фирме Приключений», ни к убийству антиквара Мишеля Пикколи.

Но едва комиссар добрался до своей любимой тахты, как зазвонил телефон, и Робертсон приятным басом сказал:

— Дэв, держи новость. Двадцать минут назад у себя в квартире задушен какой-то Барроу, по моим данным сумасшедший, бывший…

— Моряк и гангстер, — закончил за Робертсона Гард. — Это же твой кадр, я только вчера о нем тебя спрашивал! Наркотики и перестрелка!

— Да ну?!

— У него там была служанка мисс Флейшбот?

— Никакой мисс вроде нет, — ответил Робертсон. — Ну, Дэв, ты меня удивил! В общем, если хочешь, езжай туда. Людей подкинуть?

— Хватит двух человек и медэксперта.

Через минуту Гард уже сидел в «мерседесе», который стремительно несся по направлению к улице Иностранных моряков. Усилием воли комиссар не давал себе размышлять раньше времени о том, что случилось, ибо такого рода размышления невольно рождают версии, мешающие нормально и непредвзято видеть факт. Увидел — размышляй. Однако всем существом своим Гард чувствовал, что тут без Дорона уж точно не обошлось: генерал убрал свидетеля. Причем немого! Зачем? Чего боялся? Если таким же свидетелем, предположим, был Луи Карне, то в его исчезновении логика есть, а зачем убивать немого?! Раньше Барроу из каких-то соображений сохранили жизнь — что же случилось, отчего эта жизнь стала опасной для тех, кто ее сохранял? Неужели Дорон боялся, что Гард найдет врача, способного развязать язык немому, а из сумасшедшего сделать нормального? Даже если бы генерал так думал, он не столь туп и не какой уж неуч, чтобы не понимать: подобные дела делаются не скоро.

«Возможно, Дорон отдал общее распоряжение, а частности решаются на уровне того же Дитриха? — думал Гард. — Тогда кто будет разбираться в тонкостях? Всех под одну гребенку!..» Факт тот, что генерал определенно приступил к решительным действиям, тем самым подтверждая справедливость его. Гарда, подозрений. Но при этом и пренебрегая ими! — все же поразительный он человек, генерал Дорон! Ведь понимает, что Гард теперь тоже все понимает, но, как собака, схватившая кость, рычит и кромсает ее на глазах у других собак, лишь бы сожрать, а вы, мол, если хотите, можете глядеть, — не подпущу!

Вот и улица Моряков. Дом в глубине небольшого парка. Тишина. Уже на месте люди Робертсона. Они провели Гарда по скрипучей лестнице в комнату бывшего гангстера. По первому впечатлению Барроу был жив. Он сидел на своем привычном месте, в кресле за столом, слегка откинувшись на спинку. Глаза его были открыты и, как ни странно, имели осмысленное выражение. Перед Барроу в кажущемся беспорядке были разбросаны карты. А на шее его, лишь приблизившись и приглядевшись, Гард увидел тонкие фиолетовые подтяжки. Из уголка рта тянулась тоненькая, прямо-таки нитяная струйка запекшейся крови.

Да, Барроу был действительно задушен. Гард многое повидал на своем веку, но вид убитого вызвал у него неприятный озноб: у комиссара создалось впечатление, что сумасшедший Барроу прозрел именно в тот момент, когда его душили! В глазах не было прежней бессмысленности и непонимания, они спокойно и мудро глядели в бесконечность, а губы, брови и все лицо выражали такое презрение к смерти и такое понимание своей обреченности, что прямо жуть брала. Бывший гангстер-моряк не только не сопротивлялся чьим-то рукам, душившим его фиолетовыми подтяжками, но с облегчением и спокойствием йогов принял смерть, словно избавление от чего-то непомерно тяжелого, что он нес так долго на своих плечах.

Следов убийца не оставил. Дело было сделано чисто, на высоком профессиональном уровне. На металлических предметах, на стекле, на полированных частях мебели, короче говоря, где только могли остаться отпечатки пальцев, они принадлежали двум людям: самому Барроу и, вероятно, его служанке мисс Флейшбот. У Гарда даже мелькнула дерзкая мысль: уж не старуха ли прикончила идиота, сама взбесившаяся от его пасьянсов и этого «Не… надо…»?

Но карты! Комиссар взял эксперта за локоть и глазами показал на стол, и даже Симпсон, а это был именно он, заметил, что карты что-то изображают, то ли чей-то профиль, то ли контуры какого-то фантастического животного.

— Не слон ли, господин комиссар? — сказал Симпсон.

— Нет, здесь буквы. Смотрите — это «Р», а это «Б». «РБ»! Что бы они значили, как вы думаете, Симпсон?

— Если «Б» — Барроу, то он Мэтьюз, а не "Р"…

— Спросить бы у Флейшбот… — сказал Гард.

Но старуха исчезла, будто ее вовсе не было. Свидетели, состоящие в основном из соседей, ничего существенного рассказать не могли: они не видели ни входящих в дом, ни выходящих из него посторонних людей. А вот Флейшбот в свое обычное время поплелась в мясную лавку, — правда, хозяин лавки заявил, что она у него сегодня не была. Никакого шума со стороны виллы, кроме обычных собачьих голосов, никто не слышал, вернулась ли в дом мисс Флейшбот, никто не заметил, да и с какой стати следить за ней, если по уму она в последнее время мало чем отличалась от бедного Мэтьюза Барроу, царствие ему небесное, вот был когда-то джентльмен!

Труп обнаружили случайно, как и бывало часто в подобных случаях: зеленщик, которому Флейшбот постоянно делала заказы, явился к вечеру с салатом и брюссельской капустой, однако служанка господина Барроу на его зов почему-то не вышла. Тогда он, кряхтя и чертыхаясь, сам поднялся по скрипучей лестнице с корзиной в руках, говоря изредка: «Мисс Флейшбот, черт побери! Мисс Флейшбот!», пока не добрался до комнаты Барроу.

Исчезновение старухи чрезвычайно обеспокоило Гарда. Немедленно запрошенный по телефону ЦИЦ характеризовал Флейшбот как служанку мистера Барроу, выдал дату ее рождения и на этом умолк, что свидетельствовало о малом интересе к ней со стороны полицейского ведомства. Однако Гард не мог исключить и того, что Флейшбот была сотрудницей «Фирмы Приключений», специально приставленной к Барроу, и что после визита комиссара к Дорону ее тоже нельзя было оставлять в поле зрения полиции. Старуху, возможно, где-то укрыли, если не убрали, всякое могло быть, а без нее Барроу все равно не мог бы физически существовать, вот и придушили его на прощанье, чтобы «не мучился». Кстати, уж не сама ли «мисс» выполнила этот приказ?

С улицы Иностранных моряков комиссар решил ехать не домой, а сразу в управление. Барроу и Карне — всего лишь начало, надо ожидать продолжения, и лучше всего это делать у пульта дежурного по городу, тем более что надвигалась ночь. Нет, неуютно было Гарду в роли пассивного наблюдателя происходящего, но что он мог поделать, если пока не ухватил системы убийств, а потому не мог вычислить и предсказать дальнейшие ходы Дорона, без чего, естественно, не мог и предотвратить преступления. Ему ясно было одно: генерал чистит свои конюшни, убирая потенциальных свидетелей. Кто они? Где живут, где работают? Быть может, следующие на очереди у Дорона сотрудники «Фирмы Приключений», тем более что он с самого начала рискнул не какой-нибудь рядовой «стрекозой», а самим управляющим Хартоном? Возможно. Если возможно, то необходимо немедленно

засадить Таратуру за список работников фирмы, выяснить их наличие, а затем организовать… как лучше выразиться: их охрану или слежку за ними? "Но скорее всего, — думал Гард, — убирали не сотрудников, а клиентов фирмы, причем не таких, как Фред Честер, которые, не выходя из кабинета управляющего, испытали невинные приключения, а таких, как Мэтьюз Барроу, то есть побывавших в глубине, в подводной части айсберга и вынырнувших «оттуда».

Но если так, если Луи Карне полагать в одном списке с Барроу, он тоже, выходит, в свое время купил приключение без гарантии и ему тоже сохранили жизнь, которой теперь лишили? Но почему в таком случае Карне не значится в списках клиентов фирмы и его нет, да и не было, в составе молодцов Фреза и Гауснера?

Стоп! Гард даже резко затормозил и остановился посередине улицы, как будто движение «мерседеса» могло сбить его с неожиданно интересной мысли. А что, если предположить… Что, если Луи Карне все же один из девятнадцати? Мертвец, оживший под чужой фамилией, с чужими документами, с другим лицом и даже расставшийся с отпечатками пальцев?!

Прелюбопытно…

Кто там гудит сзади? Гард медленно тронул машину. Стало быть, Луи Карне, в прошлом гангстер, покупает у фирмы приключение без гарантии, а на самом деле — другую «чистую» жизнь. Да за это, откровенно говоря, не жаль заплатить! Есть тут логика? Есть. Вот он, секрет фирмы! Гард удовлетворенно засмеялся, но тут же прервал смех, подумав, что именно с таких проявлений, вероятно, и начинается помешательство, когда человек смеется наедине с собой, а затем, чего доброго, начинает сам с собой разговаривать вслух, уверенный в том, что имеет дело с прекрасным собеседником.

Надо ждать! — такова главная тактика на ближайшую ночь. Листочки уже есть, будут и ягодки. И временная пассивность комиссара полиции с лихвой компенсируется потом его утроенной активностью.

В оперативном зале Гарда уже ждал вызванный им прямо из машины по рации инспектор Таратура. «Интересно, если бы он схватился с Дитрихом, то чем бы закончилась схватка?» — некстати и мельком подумал Гард. Но тут на пульте в районе порта вспыхнула красная лампочка тревоги, и динамик хрипло проговорил:

— Господин комиссар, тут придавили одного! Машиной!

— Как придавили? — спросил дежуривший Робертсон. — Он жив?

— Да нет, вроде кончился… Треснули «кадиллаком», и с приветом, ни номера, ни цвета, а меня позвали, когда этот уже ни бум-бум…

— Что за рапорт?! — вспылил Робертсон. — Доложите по форме и без дурацких «бум-бумов»!

— Докладывает сержант Майлс, господин комиссар, извините, это я от волнения, — прохрипел динамик. — Понимаете, его прижали передним бампером к каменному забору порта и давили, пока он не кончился. Документы у него на имя Жака Бартона. По виду — лет сорок. Тут темно, я почти ничего не вижу…

— Так возьмите фонарь! — вмешался Гард, заражаясь раздражением комиссара

Робертсона. — Что за тупость такая, Майлс? Гард говорит. Посмотрите на кончики пальцев погибшего. Видите их?

— Вроде вижу, господин комиссар.

— Розовые?

— Как вы сказали?

— Я говорю, подушки у каждого пальца розовые?

— Вроде розовые…

— Почему «вроде»? — взревел, не выдержав, Робертсон. — Вы что, Майлс, дальтоник?

— Как вы сказали, господин комиссар?

— Ладно, — тихо произнес Гард, обращаясь к Робертсону, — его уже не переделаешь. Пусть внимательно стережет труп, ему и этого хватит. Таратура, жмите туда со скоростью ракеты, осмотрите там все вокруг…

Через десять минут ЦИЦ выдал справку о Жаке Бартоне: коммивояжер, не женат, проживает в отеле «Холостяк» вот уже два с половиной года, шепелявит, в списке подозрительных личностей не значится, прежняя жизнь неизвестна. Короче говоря, снова человек «без биографии», снова появился в городе не более чем три года назад и снова с прооперированными пальцами. Жгучее подозрение Гарда начинало подтверждаться: уже трое из злополучного списка девятнадцати гангстеров! Неясно только, кем были Карне и Бартон в той жизни, какие имели фамилии и в чьих «бригадах» находились — Гауснера или Ивона Фреза.

Кто следующий?

Следующим стал некий Пуа, Арнольд Пуа, актер вспомогательного состава труппы, обслуживающей ночной кабак «Спать не дадим!». Умер прямо на сцене, изображая вместе с пятью танцорами варьете таборных цыган. Они танцевали с кубками в руках, в которые им налили подкрашенный тоник, и танец назывался «Десять глотков вина». На первом же Пуа схватился за горло и рухнул так естественно, что публика даже зааплодировала. Однако Пуа больше не встал. Его отнесли за кулисы, танец продолжали оставшиеся пять «цыган», а владелец кабака позвонил в полицию. Экспресс-анализ, сделанный прибывшим на место Симпсоном, категорически определил в кубке Арнольда Пуа цианистый калий. У актера были розовые подушки на пальцах, а в кабак он устроился всего год назад.

Варфоломеевская ночь продолжалась. Гард понимал, что пора действовать: из девятнадцати свидетелей — а в том, что это были именно «свидетели», можно было уже не сомневаться — теперь оставалось на четыре человека меньше. Если католикам не удалось в одну ночь вырезать всех гугенотов, то нынешним обладателям «длинных ножей». Гард был уверен, это удастся.

И действительно, за остаток ночи и часть дня преступления сыпались как из рога изобилия. Количественно они более или менее укладывались в обычную статистику, характерную для многомиллионного города, однако качественно были так же необычны, как если бы все погибшие и исчезнувшие были рыжими или родившимися в один день одного года, — на сей раз это были люди «без биографий», не более как три года назад появившиеся в городе, — ровно столько

существовала и «Фирма Приключений»! — при этом сменившие, как один, отпечатки пальцев. Да так изощренно, что папиллярные линии, вопреки обыкновению, не восстановились через несколько лет! Не иначе как преступники воспользовались какой-то очередной новинкой научно-технического прогресса…

Гард ломал голову, совершенно не представляя себе, что делать и как быть. Надежда на то, что Дорон и его люди впопыхах «наследят» и тем самым себя выдадут, пока не оправдывалась. Комиссар, в обязанности которого входила и входит поимка преступников во имя последующего их наказания, теперь должен был этих гангстеров спасать. Спрашивается: как? Не идти же опять к Дорону, не становиться перед ним на колени и не молить о пощаде этих — увы, не скажешь безвинных — людей!

Окончательная сводка за минувшие ночь и день дала такие сокрушительные результаты: пять человек «без биографий» были убиты, а семь человек, в том числе Луи Карне, бесследно исчезли. Все погибшие перенесли операцию по ликвидации отпечатков пальцев и, кроме того, как установил Симпсон, пластические операции на лицах, вероятно сильно изменившие их внешность. Правда, по показаниям немногих людей, знавших погибших и исчезнувших, Таратура составил общий перечень «особых примет», которые не вытравлялись никакими химикатами и не менялись при помощи хирургического ножа: кто-то шепелявил, кто-то любил пить виски с содовой прямо из граненого стакана, кто-то напевал один и тот же куплет из знаменитой песенки «Ущипни меня, козочка», кто-то не переносил кошек и их запах, а еще кто-то при относительно бравом виде и молодых годах неизменно огорчал своих любовниц. Семь и пять — двенадцать. Стало быть, из девятнадцати гангстеров пока оставались в живых только семь человек, о защите и спасении которых Гарду следовало не только побеспокоиться, но уже кричать «Караул!» и бить во все колокола, иначе — конец. Как их уберечь? Как предупредить об опасности, если они о ней еще не знают? В один прекрасный момент Гард поднял телефонную трубку… Затем ее положил, вышел на улицу и уже из автомата позвонил своему старому другу Карелу Кахине:

— Карел, это я. Нам необходимо срочно увидеться. Если ты можешь, загляни через двадцать минут в «И ты, Брут!».

— Нет вопросов, — ответил Карел. — Надеюсь, у меня все в порядке?

— У меня плохо, — сказал Гард.

— Не собрать ли всю компанию?

— Пожалуй. Но на воскресенье. Не сейчас. Сейчас только мы.

— Хорошо, старина, буду через двадцать минут.

Но Гард опоздал на целый час: появился еще один труп и произошло еще одно исчезновение, которые по почерку не отличались от предыдущих, но по субъектам путали все карты. Во-первых, в парке, расположенном поблизости от Статуи Неповиновения, игравшие подростки наткнулись в кустах на изуродованный труп человека. Но, что примечательно, пальцы рук у него были искромсаны, а не оперированы, как у предыдущих. Во-вторых, одновременно поступило сообщение об исчезновении молодого человека, который совершенно легально работал у Дорона, имел родителей, невесту и вполне достойную биографию, жил в городе с

младенческих лет и пропал из виду примерно там же, где был обнаружен изуродованный и неопознанный труп. Имя молодого человека — Киф Бакеро. Фотография его сразу появилась на столе у Гарда, ее принесла синеглазая красавица Дина Ланн, тоже сотрудница Института перспективных проблем. Она пришла вместе с родителями Кифа. Глаза красавицы были на мокром месте, она то и дело вынимала из сумочки платок, а Гард с усилием вспоминал, где и когда он видел это воздушное и очаровательное создание.

Первым предположением комиссара было: Киф Бакеро — это и есть искореженный труп, тем более что у Дины Ланн должно было состояться с ним свидание именно у статуи Неповиновения. Дина, как обычно, пришла на десять минут позже, приучая будущего мужа к «порядку», но его еще — или уже? — не было. Он так и не пришел ночью домой, что совершенно на Кифа не похоже, ни на работу с утра, что вовсе необъяснимо. Кроме того, явившись к статуе на десять минут позже, Дина Ланн, по ее собственному рассказу, ощущала вокруг себя некое напряжение, обрисовать конкретные признаки которого при всем желании не могла. Просто был очень тяжелый, как перед грозой, воздух, в стороне от статуи мелькали какие-то подозрительные тени, откуда-то неподалеку взмыл в небо вертолет-малютка, рассчитанный, вероятно, на двух или трех человек. Дина сама летала на таких… Тут девушка вдруг прикусила язык, вспомнив кое-что из перепечатанной ею странички «сценария», о чем по всем правилам «ангара» она должна была молчать, как самая молчаливая на свете устрица.

Случившееся никак не лезло в схему. Впрочем, в этом не было ничего удивительного, так как обычные преступники действовали своим чередом, не подозревая, что у них возникли столь мощные конкуренты. Конечно, здесь кое-что настораживало, но где взять время? Не без сочувствия к горю родителей и невесты Гард отпустил заявителей и опрометью кинулся в ресторан «И ты, Брут!». Карел уже был там, посасывал через соломинку коктейль и с нетерпением поглядывал на часы, ожидая друга.

— Если по Канту жители города проверяли часы, то по тебе они жили бы в полном безвременье! — таковы были первые слова Карела Кахини, обращенные к Гарду.

Комиссар всего лишь почесал за ухом, не смея возразить по существу, и сразу взял быка за рога:

— Карел, у меня к тебе серьезная просьба…

— Естественно.

— …устроить мне, и как можно быстрее, встречу с Фрезом и Гауснером.

— Что-о-о?

— Ладно, Карел, не делай круглые глаза. Я знаю о тебе больше, чем ты можешь представить. Но дело не в этом, тем более что ты пока в ладах с уголовным кодексом. Мне нужны эти люди для разговора. Гарантирую тайну встречи и полное отсутствие в результате ее каких-либо неприятных последствий. Больше того, встреча эта скорее в их интересах, нежели в моих…

— Дружище, — тихо перебил Карел, — неужели и ты хочешь связаться с мафиями?! Тебе плохо живется?! Ты хочешь жить лучше?!

— Не говори глупости, ты ведь меня знаешь, Карел. Тебе все понятно? Ты можешь пригласить их сегодня вечером к себе домой?

— А заодно английскую королеву?

— Ты хочешь сказать, что это дело тебе не по силам?

— Погоди, дай перевести дух… Представь себе, когда я скажу джентльменам, кто хочет с ними встретиться, они же решат, что я…

— Ты изобретателен, как Эдисон.

— Пока я изобрету оправдание, они выпустят из меня кишки!

— Договорись с ними по телефону.

— Ты редкий идиот. Гард, я давно предполагал, что в полиции других не держат. Кто же по телефону?..

— Ладно, не можешь — не надо. — Гард встал. — К сожалению, я тороплюсь. Придумаю что-нибудь сам. Но если ты все же решишься, скажи им одно: они сейчас теряют людей, а это не в их и, как ни странно, не в моих интересах. Теряют… некогда потерянных, так это им и передай. И еще потеряют, если мы не договоримся о временном сотрудничестве! Я буду в управлении до восьми вечера. Сообщи мне, если дело сладится. Пока!

И Гард стремительно оставил ресторан, в котором за столиком, отделенным от других столов ажурными перегородками, остался сидеть, быть может, впервые в жизни потрясенный Карел Кахиня.

Пару часов спустя в кабинете у Гарда раздался телефонный звонок. Голос Карела комиссар узнал сразу, но от него, казалось, и по проводу несло перегаром.

— Слушай, Марк, — без предисловий сказал Карел, — гони десятку до вечера. Пингвином буду, отдам!

— Вы ошиблись номером, — жестко ответил Гард и положил трубку.

Затем улыбнулся: умница все же Карел! Будто чувствует, что аппарат комиссара может кем-то прослушиваться, — а теперь в этом не сомневался и сам Гард, зная о больших возможностях Дорона.

Итак, в десять вечера, дома у Кахини. Прекрасно. Есть еще полтора часа времени. Что там по телевизору? Комиссар, не вставая из-за стола, нажал кнопку дистанционного управления, и в углу кабинета вспыхнул экран. Бейсбол. Ну его к черту, надоел рев толпы и толчея игроков на одном месте, словно кто-то положил туда тысячекларковый билет и сказал: «Кому достанется!» По другому каналу политический комментарий. И его к черту. Все врут. Фильм ужасов, этого еще не хватало, их в жизни по горло. Лучше уж вернуться к бейсболу, по остальным шестнадцати каналам вряд ли будет что-нибудь стоящее.

Но что это? На экране — только что приведенный к присяге президент соседней страны, ставший к рулю в результате бескровного переворота. На минуту прерван репортаж со стадиона, президент читает «Обращение к народу и нации»: покончим с безработицей… расцвет демократии… остановим инфляцию… стабилизируем… и так далее. Джентльменский набор каждого нового правителя каждой страны. Однако лицо президента показалось Гарду странно знакомым. Тьфу ты, черт!

Подозрительно молод для такого поста, несколько смущен, хоть и читает речь без запинки… Ах, да не в этом дело! Что-то кольнуло изнутри Гарда: он быстро взял папку только сегодня начатого дела, нашел фотографию молодого человека и немедленно набрал номер записанного в деле телефона.

— Слушаю… — раздался женский голос.

— Говорит комиссар Гард. Прошу быстро включить телевизор! Первый канал! Включили?

— Боже! — послышался из трубки возглас Дины Ланн. — Это же Киф!..

И трубка умолкла, хотя отбойных гудков не было. Гард понял: теперь нужно вызывать к девушке «скорую помощь». Так, сделано. Уф!

«Ну и денек!» — подумал Гард, поглядывая на часы. Пора было собираться к Карелу Кахине, который оказался вполне достойным товарищем. Гард встал, неожиданно для себя произнес: «Пингвином буду!» — и треснул подтяжками о свою мощную грудь.

16. КЛИН ВЫБИВАЮТ КЛИНОМ

Дерево можно выкопать, отряхнуть с его корней землю до последней песчинки, пересадить на другую почву, и если оно привьется, то уже ничто его не будет связывать с прежним местом. С людьми так не бывает. Даже если человек сам, добровольно оборвет все связи с прошлым, то от памяти ему деться все равно некуда, ее не стряхнешь с себя, как землю с корней. Она прорвется хотя бы в снах, ее след останется в повседневных привычках, в манере поведения, походке, разговорах, и даже сама попытка истребить все эти остатки прошлого наложит свой особый отпечаток, который для чуткого глаза выдает «второе дно» человека. Тем более если такой человек не сам, не по своей воле начал иную жизнь, тогда ниточка завяжется наверняка. Он сам протянет ее в прошлое, а она будет тем крепче, чем прочнее были когда-то его привязанности к кому-либо или к чему-либо. Кроме того, в прежней жизни, кроме рабочих навыков, остаются еще, как себя ни страхуй, либо деньги, которыми человек хочет воспользоваться, либо родственники и друзья, без общения с которыми жить невозможно, либо любимые женщины, которые тянут к себе словно магнитом, либо враги, без которых жизнь пресна, как дистиллированная вода. Короче говоря, соблазн что-то прихватить с собой из вчера в сегодня…

На что и рассчитывал Гард, ища встречи с главарями двух самых крупных и могущественных мафий, в состав которых входили все девятнадцать клиентов «Фирмы Приключений». Гауснер и Фрез, как люди умные, — а то, что они умные. Гард не просто предполагал, а знал, можно сказать, наверняка, иначе они не были бы руководителями синдикатов насилия, — должны были не только понять комиссара полиции, но и помочь ему.

Далее могло быть несколько вариантов. С одной стороны, исчезнувшие с помощью «Фирмы Приключений» люди если и не восстановили старые связи с мафиями, то по крайней мере какие-то частные контакты с отдельными членами этих организаций могли поддерживать. С другой стороны, трудно предположить,

что их исчезновение проходило при полном попустительстве или равнодушии главарей мафий, которые смотрели бы на это сквозь пальцы, не стараясь возобновить с ними деловой контакт, если бы знали, что их гибель мнимая. Во всяком случае, именно в недрах синдикатов насилия Гард надеялся найти тщательно скрытое звено цепочки, которое соединяло «покойников» и живых гангстеров, которые, в свою очередь, не без помощи Дорона сейчас вновь превращаются в покойников, но уже без кавычек.

Гард не исключал того, что полиция могла бы размотать эту цепочку и сама, без главарей, если бы располагала пусть не месяцами, то хотя бы неделями или днями. Увы, речь в данном случае шла о часах, учитывая темпы Дорона, который, в отличие от полиции, точно знал, когда и кем стал мнимый «покойник». Дорон имел в сравнении с Гардом колоссальную фору, даже если предположить, что бывшие клиенты «Фирмы Приключений» захотели бы смыть свои следы и улизнуть от генерала: все равно ему было до них ближе, чем комиссару Гарду.

Оставался один шанс опередить Дорона, чтобы спасти оставшихся семерых, и Гард этим шансом не мог не воспользоваться.

Земля кругла не только в физическом смысле слова. Для неискушенного обывателя полиция и гангстеры такие же антиподы, как ультралевые и ультраправые политические группировки. На деле это далеко не так. Полиция нередко действует гангстерскими методами, а гангстеры, бывает, завладевают рычагами власти, после чего для отвода глаз занимаются вполне респектабельным политическим бизнесом; впрочем, далеко не всегда «для отвода глаз», часто еще и для того, чтобы подстраховать свои грязные и темные дела. Заметим попутно, что и ультраправые с ультралевыми иногда бывают близнецами-братьями. Все это удивляло и когда-то возмущало комиссара Гарда, пока он не стал догадываться о тесной связи некоторых политических деятелей с генералом Дороном, который хотя и возглавлял не мафию, а государственный институт и научно-техническую разведку, но тоже, судя по всему, создавал свою тайную и, в сущности, гангстерскую империю. Власть — к ней одинаково стремились и политики, и гангстеры, и военные. И тогда Гард усвоил следующую истину: если ниспровергатель порядка становится хозяином порядка, то он обязательно начинает его укреплять. И наоборот, бывший хозяин, потеряв власть, становится ниспровергателем. Эта трансформация столь же неизбежна, как превращение воды в лед при температуре ниже нуля градусов и льда в воду при температуре выше нуля.

Главари столичных мафий Гауснер и Фрез, правда, пока не стали «властью», но были уже столь малоуязвимы, что любой гражданин страны мог найти в телефонной книге адреса их вилл, кстати расположенных в аристократической части города. И о том главаре, и о другом, как и об их отношении друг к другу, полиция знала так много, что Гард в любую минуту мог посадить их за решетку. Но не делал этого, как и другие комиссары полиции и даже более высокие чины, ибо прежде надо было сломать обе «империи», без чего суду элементарно не удалось бы выслушать ни одного свидетеля, а если бы и удалось, то никакая тюремная охрана не сумела бы предотвратить побег главарей, тем более что им и бежать-то не пришлось бы: их не удалось бы туда посадить! А вот уничтожить обе «империи» было почти так же просто, как излечить запущенный рак, который уже всюду дал метастазы.

Хотя Гард не терял надежды получить от Фреза и Гауснера какую-то

информацию, он все же не особенно обольщался на этот счет. Что он для них по сравнению с Дороном? Они могут снюхаться с Дороном много быстрее, чем с Гардом и его ведомством; правда если поссорятся, то будут воевать беспощаднее, чем с официальными представителями власти. Не зря однажды Фред Честер сказал Гарду: «Знаешь, Дэвид, кому однажды удалось усмирить сицилийскую мафию? Муссолини! Просто сильный бандит одолел более слабого. Но, по-моему, уж лучше гангстеры, чем фашисты!»

Теперь без помощи двух «империй» Гард и думать не смел, что одолеет третью — генерала Дорона.

В настоящий же момент, направляясь к десяти часам на встречу с главарями двух синдикатов. Гард часть расстояния до квартиры Карела проехал, а часть прошел пешком: с вероятным хвостом, работающим на Дорона, необходимо было считаться. Гард знал, что наблюдение за машиной можно вести только с машины, которую не так просто заметить в общем потоке, тем более что машины сопровождения могут меняться. А за пешеходом незаметно способен двигаться только пешеход, и тут опытному человеку легче уйти от сопровождения, даже если наблюдатели будут передавать его из рук в руки. В молодости Гарду часто приходилось самому «водить» подозреваемых, он знал все фокусы как ведомых, так и ведущих и потому, вылезая из «мерседеса», сразу обнаружил за собой наблюдение. «Вели» его умело, весьма профессионально, но тут воистину коса нашла на камень, не говоря уже о том, что в городе, где есть метро, даже профессионализм не всегда выручает, что Гард и доказал в течение десяти минут, дважды войдя в последний момент в вагон, а затем дважды в последний момент из него выйдя. Для перестраховки он еще пересел потом на автобус, затем взял такси, а напоследок зашел в подъезд дома, из которого был второй выход, о котором вряд ли знали ведущие; дом этот выходил на улицу, на которой жил Карел Кахиня.

Ровно в десять он нажал кнопку звонка перед шикарной квартирой своего друга. На Гарда сначала посмотрели в «глазок», и лишь затем дверь распахнулась.

— Кто к нам пришел! — едва переступив порог, услышал Гард искусственно удивленный голос Ивона Фреза. — Я готов заткнуть уши и закрыть глаза на всю свою жизнь, если это не комиссар Гард! Позвольте повесить ваш плащ!

За матовым стеклом кухонной двери колыхнулась чья-то тень, и кто-то вздохнул в стенном шкафу. Гард мысленно усмехнулся, но, вероятно, зеркально-легкое отображение усмешки пробежало по его лицу, или, быть может, Фрез умел читать чужие мысли.

— Береженого Бог бережет, дорогой комиссар, — сказал он. — Ведь, согласитесь, мы пришли не на свидание с любимой женщиной! Кроме того, я и Гауснер хотели бы заверить вас, что не менее пяти почтенных джентльменов смогут в случае нужды подтвердить, что сегодня в десять вечера комиссар был или, наоборот, не был в нашем обществе. Прошу!

С этими словами Ивон Фрез подчеркнуто любезно принял плащ Гарда, и они оба прошли в просторную и прекрасно обставленную гостиную с камином, возле которого в кресле под торшером сидел Гауснер и читал газету. Карела не было видно. «Но это их дело, — подумал Гард, — условия игры не мои».

— Рад вас видеть, — просто сказал Гауснер, правда не поднимаясь с кресла. Слова прозвучали бездушно, примерно так, как если бы Гауснер констатировал что-то, лично к нему никакого отношения не имеющее, например: «В Эфиопии опять затяжная жара».

Фрез и Гауснер отличались друг от друга как кошка от собаки, хотя и возглавляли примерно равные по силам и по возможностям мафии. Гард знал, что они конфликтуют, но даже главы воюющих государств, попадая за мирный стол переговоров, соблюдают взаимный пиетет. Так и на сей раз. Комиссар не без интереса наблюдал за лидерами самых крупных синдикатов насилия. Гауснер — он был лет на двадцать старше Фреза, седой и благообразный, в роговых очках над массивным и слегка приплюснутым носом — казался Гарду похожим одновременно на профессора и на дога. Ивон Фрез — ему было не более сорока — коротко и модно стриженный, сильный и гибкий, с мягкими движениями и зорким взглядом, походил на рысь, постоянно готовую к прыжку, а если искать аналогию в научном мире, то на доцента, рвущегося к профессуре. Фрез менее импонировал Гарду, нежели его коллега, если вообще могла идти речь о каких-то симпатиях. «Один из них собачьей породы, другой кошачьей, — подумал Гард, — а кто же я? Я, должно быть, кажусь им мудрой, осторожной и очень опасной змеей. Вот так».

— Очень любопытная статья, — сказал Гауснер, откладывая газету в сторону. — Оказывается, не в интересах микробов убивать всех подряд и до единого, потому что тем самым они лишают себя пищи и тоже дохнут. Разумно, не правда ли? А, комиссар Гард?

— К сожалению, у нас мало времени, и я предложил бы начать не с научных дискуссий, а с практических дел, — твердо, хотя и вежливо, произнес Гард. — Речь пойдет не о гибели микробов, а о гибели ваших людей, что ни в ваших, ни в моих интересах, правда, всего лишь на сегодняшний день, если речь обо мне. Присядьте, Фрез, в ногах правды мало. Сейчас я попытаюсь популярно объяснить вам цель своего прихода. Вот список девятнадцати человек, которые были вашими сподвижниками. Все они исчезли за последние три года, хотя, откровенно сказать, у нас не было и нет доказательства их вины. — Гард передал Фрезу лист бумаги с отпечатанными фамилиями, Фрез мельком глянул на них и переправил бумагу Гауснеру, который даже не взглянул на текст; оба они понимали, что главное впереди, и Гард продолжил: — Известно ли вам, что все они купили в одной интересной организации приключения без гарантии сохранения им жизни и не вернулись в итоге на этот свет? — Дог и рысь быстро переглянулись, но по их спокойному виду можно было понять, что сообщение Гарда для них не новость. — Впрочем, можете не отвечать. Дело ваше. И не в том суть. Суть в другом: все эти люди на самом деле остались живы!.

Гауснер поднял на лоб очки, а Фрез мягким, но быстрым движением встал с кресла.

— Понимаю, — оценил Гард. — Для вас это неожиданность.

— Допустим, комиссар, — произнес Ивон Фрез. — Пока что вы хотели нам с Гауснером сказать, что мы слепые котята, у которых из-под носа уводят молочко. Убийственно, но, пожалуй, справедливо. Как вы считаете, Гауснер?

— У меня эта фирма давно вызывает подозрения, — подумав, заметил

Гауснер. — Но делиться подозрениями, когда нет фактов, удел старых сплетниц. Поэтому я не стал говорить вам, дорогой Фрез, обо всем этом, но знал, что и ваши люди исчезают, как и мои. Откровенно говоря, паритет меня устраивает.

— Вы воистину великий человек, Гауснер, — почти совершенно спокойно, без всякой ажиотации и иронии, констатировал Фрез. — Со своей стороны хочу заметить, что и мне было кое-что известно, я даже хотел подергать эту «Фирму Приключений» за вымя. Вы читаете газеты, Гауснер, и, вероятно, обратили внимание на то, что однажды был налет на сейфы этой фирмы, закончившийся неудачно? Господин комиссар, надеюсь, мой язык не будет мне врагом?

Гард кивнул в знак согласия, и Фрез продолжил:

— Мы не тронули денежные сейфы, а пытались вскрыть сейф с документацией, но оказалось, что даже уникальные мои специалисты не смогли этого сделать, будто в этом стальном шкафу хранились рукописи Гомера, полотна Ван Гога или шапка Мономаха вкупе с «Великим Моголом». Но что все «покойнички» живы?! Вы шутите, комиссар?

Фрез умолк, и Гард снова заговорил:

— Я продолжаю, господа. Да, ваши люди, пройдя через лабиринты фирмы, остались живы. Однако все они взяли себе другие фамилии, изменили внешность и даже поменяли отпечатки пальцев, прибегнув к хирургическим операциям. Известно ли вам об этом?

— У меня был случай догадаться об этом, но… Что за сим следует, комиссар?

— Да, что следует? — поддержал Гауснера Фрез. — Я даже беседовал с одним из воскресших, однако результат беседы не был сенсационным: малый молчал, опасаясь людей из фирмы больше, чем меня.

— Где он теперь? — спросил Гард, подумав, что вот наконец у него в руках ниточка, за которую можно размотать весь клубок.

— Увы, комиссар, теперь он будет молчать, даже беседуя с вами. Ему осталось только поговорить с Господом Богом.

Гард от досады даже треснул себя по колену:

— Что вы наделали, Ивон, зачем же так! Вы хоть поняли, кто командует теми людьми, которых он боялся больше, чем вас?

Фрез пожал плечами, а Гауснер снова поднял очки, с интересом ожидая продолжения.

— Ладно, дойдем и до этого, — сказал Гард. — Но и то, что ваши люди сменили биографии, тоже не главное. Дело в том, что за минувшие сутки из девятнадцати, не считая одного, который на совести у Фреза, пятеро убиты, а семь человек бесследно исчезли. Итого — двенадцать. Ваш, Ивон, тринадцатый. Такая же участь ждет оставшихся… шестерых? Да, шестерых! Я пришел к вам в надежде совместными усилиями спасти их, а для этого надо знать, где они находятся, под какими именами живут, иначе опасность не предотвратить.

— Прошу прощения, комиссар, — сказал Фрез, — вернемся к началу. Вы действительно уверены, что все они купили приключения в этой фирме?

— Не валяйте дурака, Фрез. На пустопорожние разговоры у нас нет времени. Я не исключаю, что именно в этот момент затягивают петлю на шее кого-то из шестерки.

— Гауснер, — спросил Фрез, — а что вы думаете об этом?

— Комиссар прав, — веско заметил Гауснер. — Один мой, как я уже вспоминал, вернулся живым, но я точно знаю, что толку от него нет и не будет.

— Барроу? — спросил Гард. — Мэтьюз Барроу?

— Да, он, — подтвердил Гауснер. — Купил это дурацкое приключение и, представьте, сошел с ума. Я оставил его в покое: черт с ним, пусть живет!

— Нет, не живет, — поправил Гард. — Вчера вечером Мэтьюз Барроу задушен у себя в комнате собственными подтяжками.

Наступила пауза, в течение которой Гауснер поднял на лоб очки, а затем вновь опустил.

— Кто ж его так? — как бы между прочим спросил он, лениво посмотрев, однако, на Фреза, но получил от коллеги быстрый и выразительный жест рукой: нет, мол, работа не моя!

— Генерал Дорон! — сказал твердо Гард, решив, что пора. — Поэтому я у вас. Эта фирма работает на Дорона. Генерал знает, что я взял след, ему необходимо теперь убрать свидетелей. Если вам не жаль ваших людей, так и скажите, и нашей встречи не было. Но если вам не безразлична их судьба…

— При чем тут судьба, комиссар? — перебивая Гарда, сказал Гауснер. — Вам надо «достать» Дорона? Ну что ж, мы поможем вам только в том случае, если и нам это не помешает. Я так выразился. Фрез?

— От истинно великого человека иного ждать невозможно, — серьезно заметил Фрез. — Откровенно говоря, я хоть газет и не читаю и ничего не смыслю, предположим, в науках, но Дорон давно у меня на мушке со своим Институтом подлых проблем.

— Ха-ха-ха! — не удержался Гауснер. — Подлых! Вы хорошо сформулировали. Фрез. Я тоже с генералом не в ладах и даже запустил в его клетку птичку на случай, если когда-нибудь мне захочется услышать ее чириканье.

«Прекрасно, — подумал Гард, хотя и не очень понял намек Гауснера. — Если не брать в расчет эмоции, надо сделать вывод о том, что они, кажется, уже встали на деловые рельсы. А я, наивный, хотел найти к ним путь через сострадание к их же людям!»

— Короче, взвешивайте, — сказал комиссар. — Ваш ответ мне нужен теперь же, потому что я осложню себе задачу, если упущу этих шестерых, с помощью которых хочу понять смысл и цель существования «Фирмы Приключений». Повторяю: если я упущу этих шестерых, вы мне больше не нужны.

Откровенность, так сказать, за откровенность, пусть будет деловая основа с обеих сторон.

Помолчали.

— Я так полагаю, что найденным «покойничкам» с вашей стороны ничего грозить не будет? — сказал Гауснер. — Хотя, конечно, что это со мной, настоящий склероз. Разве такие вопросы задают, если ответ очевиден?

— И тем не менее отвечу, — сказал Гард. — Я предъявляю обвинения тогда, когда могу дать суду факты. Кажется, я уже отмечал, что у этих людей не тот случай.

— Но позвольте спросить вас, комиссар, о моем Джозефе Ли, — начал Фрез. — Он был так неосторожен, что слегка наследил…

— Этого человека нет в списке, — сухо сказал Гард. — Не торгуйтесь. Фрез. В следующий раз, надеюсь, Ли будет работать чище, а к этому нашему общему делу он отношения не имеет.

— Ну ладно, — улыбнулся Фрез. — Не обижайтесь, комиссар, уж и пощупать вас нельзя? Скажите лучше, как, собственно, и чем мы можем помочь? Мы ведь сами не знаем, кто из «покойничков» кем стал и кто на данный момент снова вернулся в покойники.

— Вот второй список. — Гард протянул им бумагу. — Здесь двенадцать убитых и пропавших без вести; я не считаю того, которого, к сожалению, убрал Ивон Фрез. Против каждой фамилии стоят «особые приметы», которые нам удалось установить и по которым вы, надеюсь, опознаете дюжину своих людей. Таким образом, в живых пока шестеро, и методом исключения вы их узнаете. Затем мы вместе подумаем, через кого и как можно выйти на них в самом срочном порядке. Вам ведь должны быть известны их привязанности, привычки, любимые места и любимые женщины? Короче, опознавайте.

Главари углубились в чтение. Наконец Гауснер сказал:

— Ну, Барроу — мой. Он не в счет, вы его сами знаете. А вот этот, который часто напевал «Ущипни меня, козочка!», похоже, Осборн… Милован Осборн, да.

— А Карне, — добавил Фрез, — это, без сомнения, малыш Пакетбот, который глотал виски только из стаканов… И шепелявый вовсе не Жак Бартон, как у вас написано, а, похоже, мой Жак Клейн. В слове «шалаш» он делал несколько «ф»: фалаф!

— Могу, вероятно, добавить Сомерса, — заметил спокойно Гауснер. — У меня был один мальчик, который до такой степени ненавидел кошек, что его рвало, извините за выражение, когда они его касались. В списке он значится под номером девять… И, кажется, ваш Пуа — не Пуа, а Куин, который носил кличку Артист, он действительно не без способностей и умел перевоплощаться…

— Все ясно! — сверкнув рысьими глазами, вдруг воскликнул Фрез. — Он, наверное, и убрал моего Эллери, представившись коммивояжером, продающим порнографические кассетные фильмы, а мой дурак клюнул!

— Чтобы убрать Эллери, — веско возразил Гауснер, — не надо перевоплощаться: он такой идиот!

— Идиот?! Тогда как ему удалось увести у ваших людей из-под носа целый пульман с гашишем? — Фрез оглянулся на Гарда и вдруг рассмеялся: — Конечно, мы шутим, комиссар, надеюсь, вы это понимаете? Не правда ли, коллега?

— Шутим, шутим, — вяло подтвердил Гауснер.

— Не отвлекайтесь от дела, — сказал Гард. — Я все понимаю правильно.

Через некоторое время, сведя «сальдо» и «бульдо», они пришли к выводу, что шестеро оставшихся в живых — это Джон Валонте, Филипп Леруа, Билл Райт, Фредерик Грель, Мишель Асани и Аль Почино. Был бы и седьмой, Хосе Тарделли, но именно его угораздило встретиться с Ивоном Фрезом после воскрешения из мертвых. Отличительными признаками этой шестерки Гауснер и Фрез занимались ровно минуту, после чего против их фамилий в списке появились необходимые слова. Когда с «признаками» было покончено. Гард сказал:

— Вы можете бросить своих людей на розыск? Обладаете такой возможностью?

— Обладать-то обладаем, — не сразу ответил Гауснер, по-бульдожьи глядя на комиссара, — но, во-первых, не всех. Дела! Во-вторых, будет ли эффект? Мой Леруа, например, вечно околачивается на бегах, он и теперь туда ходит, не сомневаюсь. Но уже с другой, как вы говорите, физиономией. Как его узнать? Правда, он еще курил трубку, но сколько человек на трибуне с трубками в зубах? Десять? Сорок? Сто?

— Если бы у всех «трубочников» проверить пальцы! — мечтательно сказал Фрез. — Розовые подушки? Да курит трубку? Да на бегах? Гауснер, он и есть ваш Леруа, чего тут гадать!

— Кроме того, — добавил Гард, — можно проверить их старые связи: родственников — родителей, детей, жен… Откровенно признаться, я не понимаю двух вещей. Почему вы их не искали сами и почему они не возвращались к вам, пусть даже в другом обличье?

Фрез с Гауснером вновь переглянулись.

— Между нами, комиссар? — сказал Фрез и, получив молчаливый кивок Гарда, продолжил: — Если мой человек исчезает хотя бы на сутки и я не знаю, где он был эти двадцать четыре часа и чем занимался, возвращаться ему уже нет смысла. Ко мне.

— А если вы его случайно встречаете?

— Тогда он так же «случайно» уходит туда, куда ушел Тарделли. Мы *такого* не любим, комиссар. Исчезновение пахнет двойной игрой, а Гауснер тоже не хочет, чтобы его человек работал одновременно на меня. Или на вас. На Дорона… Всякое может случиться.

— Я думаю, дело не только в этом, — добавил Гауснер. — По всей вероятности, их на чем-то подлавливали. Кто? Та же «Фирма Приключений», иначе говоря, люди Дорона. И нашим ребятам ничего не оставалось, как менять шкуру. Но на чем их подлавливали и зачем, я не понимаю. Может, вы понимаете, комиссар? А мы их не искали потому, и здесь Ивон совершенно прав, что закон мафии… простите, комиссар, что я без стеснения произношу в вашем присутствии это слово, ситуация мне не препятствует… Так вот, закон мафии гласит: мы не благотворительное общество, нам некогда спасать тела и души своих людей.

— Достаточно того, — вставил Фрез, — что мы даем хороший заработок, роскошную жизнь и кучу потрясающих приключений, даже и не снившихся этой

фирме! Сказать по правде, комиссар, вы слабее нас потому, что у вас есть «идеи», «правила», вы обладаете «жалостью» и «состраданием», хотя вас куда больше, чем нашего брата. Мы все вот тут! — Он сжал в кулак руку. — Вот тут, когда надо! И мы все вот тут, когда не надо! — И Фрез разжал кулак на пять отдельных пальцев.

— Он хочет сказать, — пояснил Гауснер, хотя Гард и без него все понял, — что каждый в ответе за организацию, но организация за каждого не отвечает… Слушайте, Гард, а что, если мы обратим вас в свою веру? А? Чем черт не шутит! Просвещаем, просвещаем, а потом… Тем более что в ваших способностях лично я никогда не сомневался.

— Комплимент за комплимент, — улыбнулся Гард. — Вы тоже умеете действовать эффективно и быстро.

— Короче говоря, — вмешался Фрез, — если вас выкинут из вашего ведомства, комиссар, от чего зарекаться никто не может, прошу учесть: я рад буду видеть вас своим помощником.

— Не слушайте эти глупости. Гард, — проговорил веско Гауснер. — В случае служебных перемен, которые возможны как по вашей воле, так и помимо нее, я предложу вам место моего компаньона! К слову сказать, среди ваших коллег, как вы, вероятно, догадываетесь, мы давно имеем своих людей…

— Замолчите, Гауснер! — вдруг резко оборвал коллегу Фрез. — Вы не видите, что он сейчас вам врежет?

Они все засмеялись, в том числе и Гард, правда, его смех был горьким.

— Ладно, — сказал он, — пошутили, и достаточно. Мы отвлеклись. Мне совершенно наплевать на ваши законы и правила игры, мне важнее, чтобы вы приняли участие в моем деле, я даже прощаю вам откровенность и неуместные предложения. Кроме того, у нас сейчас общий враг, смею надеяться. Кстати, Дорон самый опасный ваш конкурент, его мафия со временем перемолотит ваши организации.

Фрез торжественно протянул Гарду ладонь:

— По рукам, комиссар!

— Минуточку! — предупредил Фреза Гауснер. — Дело есть дело, а выгода — выгода. Допустим, мы поможем вам «достать» Дорона, что будем за это иметь конкретно?

— Вам этого мало?! — Гард даже опешил от неожиданности. — Ну, Гауснер, не ожидал такого афронта от «великого» человека! Не склероз ли у вас, дорогой? «Достать» Дорона — прежде всего в ваших интересах, и я хотел бы видеть, как вы это сделаете без меня! Если же я с вашей помощью его все же «достану», я хотел бы узнать, что буду иметь от вас!

Теперь искренне недоумевали главари мафий.

— Речь идет о деньгах, комиссар? — осторожно поинтересовался Фрез.

— Нет, конечно! — ответил Гард. — Я говорю о некоторых льготах с вашей стороны.

— Например?

— Например, гарантию со стороны ваших организаций относительно неприкосновенности всех моих людей.

— Нет, не деловой подход! — пришел в себя Гауснер. — Не деловой! Предлагаю паритет: ни вы нам ничего, ни мы вам. Сделаем дело ко всеобщему удовольствию, если, конечно, сделаем, и мирно разойдемся. Так будет вернее.

Они встали, сошлись у камина и скрепили договор молчаливыми рукопожатиями. Затем Фрез удалился в соседнюю комнату и вернулся оттуда в сопровождении Карела Кахини, который почему-то шел за ним на цыпочках и глядел так, как глядят люди, вышедшие из кромешной темноты на яркий свет.

— Отдаем вам вашего друга, — щедрым жестом сопроводив эти слова, проговорил Ивон Фрез. — Он хороший малый, но всякое могло быть.

— Неужто держали его в заложниках? — засмеялся Гард. — В его собственной квартире?! Извини, Карел, я был о тебе лучшего мнения.

— Что ты, Дэвид, Фрез пошутил! — кисло улыбнулся Кахиня. — Я там смотрел телевизор. Такая игра!..

— Кто победил? — спросил Гауснер.

— Новый президент! — засмеялся Карел, вновь обретая свое обычное состояние. — Представьте, во время матча они совершили бескровный переворот!

— Я думаю, — заметил Гауснер, — бейсбол специально изобрели для того, чтобы удобнее было делать перевороты, начинать войны и грабить банки.

— Но президент так молод, что ему лучше бы выйти на поле, чем на трибуну для принятия присяги! — сказал Кахиня. — На вид лет двадцать пять, не больше!

— Ну и прекрасно, — сказал Гард, прерывая Карела. — Наш разговор, полагаю, окончен? Тогда несколько технических деталей. Связь держим через нашего общего друга Карела Кахиню. Непосредственно на меня не выходить. Поскольку в деле будут участвовать три группы — ваша, моя и, само собой, генерала Дорона, определим для конспирации действий и опознания «своих» пароль. Ваши предложения?

— Ничего не понимаю! — воскликнул Кахиня. — В моем доме комиссар полиции о чем-то договорился с не менее уважаемыми джентльменами, а я, как последний болван, должен держать между ними связь? Гард, ты, может быть, введешь меня в курс дела? Что это за три группы, какую охоту ведет Дорон, что за пароль?..

— Много будешь знать, скоро состаришься! — заметил, улыбнувшись, Гауснер.

— Отлично! — сказал Ивон Фрез. — Вот вам и пароль: «Вы не введете меня в курс дела?» Отзыв: «Много будете знать, скоро состаритесь!»

— Пусть будет так, — после паузы согласился Гард. — А теперь… — Он чуть было не произнес «друзья», хотя ощущал себя в обществе гангстеров не другом, а скорее сообщником. — Теперь за дело! («В конце концов, — сформулировал он окончательный вывод, который конечно же не рискнул произнести вслух, — клин вышибают клином!»)

На прощанье Гауснер сказал:

— Еще одна мелочь, комиссар. Хотя вы и обмолвились вначале, что у вас нет особых претензий к нашим «покойничкам», если мы эту шестерку найдем, ей, полагаю, некоторое время все же лучше посидеть у вас за решеткой? Так будет спокойнее, вы не находите?

— Я бы не сказал, что это самый надежный вариант.

— Впрочем, это уже ваша забота, как охранить их от Дорона. А я люблю в таких случаях держаться в тени, ибо только тень, в отличие от света, дает изрядные преимущества, комиссар. Или я ошибаюсь?

— Великий человек! — воскликнул, как всегда серьезно, Фрез. — Ни одна мелочь от него не ускользнет, — а вы еще жалуетесь на склероз, дорогой коллега!

— Ой, просто беда от склероза, — поддержал Гауснер. — Иногда выкидывает такие сюрпризы, хоть обращайся к врачу!

Гард вежливо улыбнулся в ответ, но ничего не ответил. «Я совершенно не знаю эту публику, — подумал он. — То ли действительно ждать от них помощи, то ли сюрпризов…»

Перед тем как попрощаться с Гардом, Кахиня тихо спросил:

— Мальчишник все же готовить? Или ты передумал?

— Готовь. Обзвони ребят и назначь, как я уже говорил тебе, на воскресенье. Там же, в двадцать ноль-ноль.

17. ДИНАЛАНН

В более критическую ситуацию Дорон еще не попадал за все свои пятьдесят два года жизни, если не считать, конечно, того момента, когда его ныне покойная матушка размышляла о том, сохранять ли ей беременность или избавиться от нее.

Во-первых, как только «сценарий» пошел в дело и едва новый президент соседней страны принял присягу, позвонил Крафт-старший и ядовито сказал:

— Что случилось, генерал? Вы уже написали рапорт об отставке? Гляньте-ка на экран телевизора!

Дорон глянул и обомлел: в качестве нового главы государства присягу принимал не О'Чики, с которым работали долгих три месяца, которого отлично приготовили к новой роли и от которого получили все необходимые гарантии как в устной, так и в письменной форме, а какой-то тип, впервые генералом созерцаемый.

Во-вторых, через десять минут выяснилось, что этот тип, этот желторотый болван с гнусной рожей не кто иной, как сотрудник «ангара» Киф Бакеро, виновник ошибки, из-за которой погиб Хартон, и потому приговоренный Дороном к небытию. Ничего себе, если все приговоренные станут превращаться в президентов соседних государств, просто стран не хватит!

В-третьих, выяснилось, и довольно быстро — тут уж Дитрих постарался на совесть, — что О'Чики оказался не слева от статуи Неповиновения, где ему надлежало быть, а почему-то справа, где как раз должен был находиться этот

негодяй Киф Бакеро, — отсюда и роковые последствия. Дьявольщина! Обе группы нюхом учуяли подозрительное сгущение обстановки и стали действовать так, будто из их лап вот-вот выхватят добычу (что, впрочем, было недалеко от истины). Будущего президента молниеносно «убрали», а ублюдка Бакеро с тем же блеском профессионального рвения сунули в вертолет, вывезли за границу, вложили в руки текст и заставили принести присягу, а затем и прочитать обращение к народу по телевидению, так и не позволив очухаться от происходящего. Ублюдок он, конечно, ублюдок, но ему, однако, хватило ума не раскрыться до поры до времени, — раскройся он, и его немедленно отправили бы вслед за О'Чики!

При виде никому не известного щенка у местных политиков и генералов, само собой, отвалились челюсти, но в трудный момент переворота лучше немедленно посадить в кресло хоть гиппопотама, хоть марсианина, чем выказать растерянность и допустить заминку. Проклятие! Самому Дорону пришлось мчаться в «ангар», дабы срочно сочинить этому щенку «отечественную родословную», приличную биографию и «гражданские подвиги». Да еще пришлось цыкнуть на слишком уж неподатливых местных олухов: кто надо, тот и стал президентом, поддерживайте, а не то… Хуже, чем ошибка, — анекдот! А изначальной виновницей всего оказалась некая Дина Ланн, рядовая машинистка из «ангара», которую, кажется, придется сделать законной президентшей, — Бакеро уже дал знать репортерам, что она — его невеста и что работает Дина Ланн у генерала Дорона в ИПП!

Наконец, едва ли не самое скверное: вся ситуация «засветилась» и стала известна официальным лицам, к которым успели обратиться родители Кифа Бакеро и эта кретинка Дина Ланн, когда молодой человек исчез. Ладно бы они побывали у комиссара Робертсона, или у Воннела, или у любого другого черта-дьявола из полицейского ведомства — так нет, угораздило их попасть к Гарду, с которым вынужден считаться сам министр внутренних дел! Стало быть, в такой ответственный и неблагоприятный момент «засветилась» не только «Фирма Приключений», но «горел», можно сказать, весь Институт перспективных проблем во главе со своим хозяином!

Дела…

— Дитрих, где эта пигалица? — спросил генерал секретаря, уже десять минут молча стоящего напротив него.

— Здесь, — коротко сказал Дитрих.

— Давно?

— Десять минут.

Собственно, Дитрих потому и вошел в кабинет, что приказание генерала было выполнено: Дина Ланн в назначенное Дороном время явилась из «ангара» в приемную.

— Долго! — с недовольством в голосе проговорил генерал, как будто виноват был Дитрих.

Для менее почтенных гостей сидеть в приемной по полтора часа было недолго, но Дитрих понимал, что здесь ситуация особая, его шеф здорово влопался в неприятность, поскольку в приемной сидела, возможно, вовсе не машинистка из «ангара», а жена президента соседней страны. Тем не менее Дитрих терпеливо ждал,

пока хоровод мыслей не завершит свой танец в голове шефа, за которую Дитрих поставил бы сейчас раз в десять меньше, чем до всей этой истории.

— Да, генерал, долго, — сказал он, выдержав паузу.

— Так пусть войдет! — заорал Дорон, что весьма редко случалось с ним, и Дитриха словно током ударило, все внутри у него завибрировало, он так и не научился спокойно реагировать на вспышки гнева Дорона.

Попятившись к двери, Дитрих задом вышел в приемную, затем обернулся к Дине Ланн, изобразил на лице подобие улыбки, означающей вежливость, и указал рукой на приоткрытую дверь:

— Вас ждут, госпожа Ланн.

Дина вошла — нет, впорхнула! — в кабинет, счастливая, как, впрочем, и обескураженная тем, что ее Киф, живой и невредимый, мгновенно сделал столь блестящую и совершенно непостижимую карьеру. Она и не подозревала за своим женихом столь украшающей настоящего мужчину сдержанности: ведь Киф ни разу не обмолвился, что намерен стать президентом! (Когда Дина Ланн, захлебываясь от восторга, рассказала о событии своим родителям, те обнялись и заплакали, а ее любимый дядюшка Христофор чуть было не лишился дара речи и только вымолвил в телефонную трубку: «Ну и подарок, моя дорогая девочка!») Итак, впорхнув в кабинет к ранее недосягаемому даже в мыслях генералу Дорону, Ланн увидела шефа не сидящим за своим огромным письменным столом, а идущим ей навстречу с рукой, скромно приготовленной на случай, если дама протянет свою для поцелуя. И Дина, подумав мгновение, протянула. Генерал неловко принял ее лапку в огромную холеную лапищу и приложил к губам, всего лишь приложил, и Дина почувствовала сухость и шершавость наждачных губ генерала.

— Прошу! — Дорон указал на кресло, стоящее возле низкого столика с набором вин и коньяков, фруктов и оранжадов, каких-то невероятных сладостей в еще более невероятных по конфигурации хрустальных вазах и вазочках.

Ланн села, а генерал, выждав, когда она удобно устроится в кресле, приземлился, как вертолет, прямо сверху в кресло напротив.

Помолчали.

— Прошу не стесняться, — сказал генерал, щедрым жестом показав на фрукты и вина. По всей вероятности, у него было немного опыта общения с женщинами, которые, тем более из его подчиненных, а стало быть, микробоподобных, вдруг превращались в особ, требующих повышенного к себе внимания. — Что прикажете?

— Благодарю. Если можно, оранжад, — рискнула произнести Дина Ланн, да и то лишь по той причине, что у нее от волнения пересохло во рту.

Генерал наполнил бокал золотым напитком и откинулся на спинку кресла, прищурив глаза.

— Кхе! — кашлянул он затем, готовясь к разговору, вести который ему было весьма непривычно: он все же оставался генералом, даже находясь в обществе вполне цивильном, притом женском. — Я должен поздравить вас, мисс Ланн, с получением такого поста… Извините, лучше сказать… с вознесением на такой пост вашего… кхе!.. жениха.

— Премного вам благодарна, сэр, — сказала счастливая девушка; ах, если бы она знала, куда должен был вознестись ее возлюбленный по истинному желанию и приказу этого генерала! — Как вы думаете, сэр, как скоро я могу его увидеть?

— Это зависит только от вас, — с каким-то странным и непонятным намеком ответил Дорон. — И позвольте спросить вас, сударыня, почему вы вчера… а точнее сказать, зачем вы вчера обращались в полицию?

— К комиссару Гарду? — переспросила Ланн. — Так ведь Киф не пришел на свидание! — Она была наивна и восхитительно искренна. — Такого с ним никогда не случалось! Никогда! Как бы сильно мы ни ссорились, господин генерал! А тут еще рядом, наверное, убивали человека… Я сама слышала его ужасный крик и, конечно, решила, что это…

— Комиссар Гард знает, что с вашим женихом все обошлось более чем благополучно? — перебил Дорон.

— Разумеется! Ведь он и позвонил мне, когда Киф выступал по телевидению. Я переключилась на первый канал, увидела Кифа и больше ничего не помню: меня едва откачали врачи… Я даже не знаю, кто их вызвал.

— А труп? То есть я хотел спросить вас, не давали ли вам для опознания труп человека, которого действительно убили… бандиты в то время, когда вы ждали своего жениха?

— Я бы умерла от страха, сэр, если бы мне его показали. Но комиссар Гард сказал, что и показывать было нечего… Какой ужас, вы представляете, господин генерал, что было бы, если бы бандиты перепутали и вместо этого несчастного убили моего Кифа?!

«Я-то представляю, — подумал про себя Дорон, кисло улыбнувшись одной половиной рта. — А вот что будет теперь, не предскажет ни один ясновидец на свете!»

— Уважаемая Дина Ланн, — торжественно начал Дорон. — Я имею к вам небольшую просьбу и надеюсь, вы не посчитаете за труд ее исполнить. Не позднее чем сегодня вечером мы, очевидно, переправим вас вертолетом к президенту Кифу Бакеро. Вероятнее всего, на днях вы обвенчаетесь, и я сожалею только о том, что, кхе-кхе, теряю столь перспективного сотрудника и столь прекрасную сотрудницу одновременно! — Дорон даже сам улыбнулся своей неожиданной шутке, но Дина Ланн, внимательно слушая генерала, никак на его комплимент не прореагировала, что несколько смутило Дорона. — Хочу, однако, вас предостеречь, дорогая Дина Ланн, — продолжил Дорон. — Нам известно, что вокруг Бакеро плетутся разные интриги, и я хотел бы с вашей помощью уберечь его от неприятностей.

— Какие интриги, сэр? — обеспокоенно произнесла Ланн, и в ее голосе генерал вдруг уловил нотки, на которые не рассчитывал, видя перед собой кажущуюся ординарной девицу. — Что вы имеете в виду, господин генерал?

— Я имею в виду, — четко, по-военному сказал Дорон, — что вашему будущему супругу могут угрожать опасности, и я готов каждый раз оберегать его от них, как только они возникнут.

— Я правильно понимаю, что опасность не одна?

— Правильно, — подтвердил генерал. — От разных лиц, даже организаций и как бы растянуто во времени.

— Что же вы хотите от меня? Чтобы я сказала об этом Кифу, предупредила его?

— Нет. Чтобы предупреждали о них меня. Обо всем подозрительном, что заметите вокруг президента. А уж я…

— В каком смысле «предупреждала»?

— В прямом. В каком же еще?

— Киф об этом будет знать?

— Не уверен, что надо тревожить его покой.

— Я правильно поняла вас, господин генерал, что вы предлагаете мне тайное сотрудничество?

«Ого! — подумал Дорон. — Она не так проста, как кажется с первого взгляда. Давно мне пора заняться своими сотрудниками, чтобы лучше их знать… — Он вздохнул: мол, где выкроить для этого время? Утопия… — Да, я, кажется, нарвался не только на этого Бакеро, но и на его „штучку“!»

— Вы меня поняли совершенно правильно, мисс Ланн, — с вами приятно иметь дело. Между прочим, вы и так уже связаны со мной посредством вашей секретной работы в институте, и без того у меня ваша расписка о неразглашении того, что вы там видели и о чем знаете. Но к этому я хотел бы добавить…

— Извините, генерал, но я не давала расписку докладывать вам или вашим сотрудникам о том, что происходит со мной за пределами института. Кроме того, насколько я понимаю, я уже не работаю у вас, господин генерал!

Дорон поднял на девушку глаза, сразу налившиеся тяжестью и какой-то замутненностью. Дина Ланн внутренне сжалась, она поняла, что хватила лишку, и откуда только взялась у нее эта смелость, да еще в присутствии Дорона, прежде совершенно недосягаемого для нее человека, пользующегося репутацией личности мрачной, всесильной и таинственной, как средневековый глава ордена иезуитов. Впрочем, собеседники, говорящие на острые темы, в силу непостижимых законов разговора нередко становятся как бы сообщающимися сосудами: какое качество убывает у одного, оно немедленно появляется у другого. Интуитивно почувствовав слабость и минутную неуверенность генерала Дорона, Дина Ланн ровно на то же время ощутила в себе прилив силы и смелости.

— Вы ошибаетесь, дорогая, — чеканя каждое слово, произнес Дорон, вновь беря себя в руки. — Вы были моей сотрудницей и навсегда останетесь ею, хотя и несколько в ином качестве. От меня уйти просто так, в никуда, еще никому не удавалось. И пусть вас не обольщает… все это! — Он показал на столик с винами и фруктами, как бы олицетворяющими другую жизнь Дины Ланн в недалеком будущем, и «высокую честь», которой удостаивал ее в данный момент генерал Дорон. — Ваш жених стал президентом лишь благодаря моим личным усилиям, вам надо знать об этом, дорогая Дина Ланн, и только я могу сделать так, чтобы он им остался. Вы хорошо усваиваете то, что я говорю?

— Да, — тихо ответила девушка, теряя уверенность по мере того, как ее приобретал собеседник.

«Ну и прекрасно, — решил про себя генерал. — Хватит ломать комедию, так мне легче будет договориться».

— Ну и прекрасно, — вслух сказал он. — Итак, я требую, чтобы вы остались моим человеком, даже став женой Кифа Бакеро. Собственно, от вас понадобится немного: сообщать моим людям или лично мне — ну, это вопрос техники, мы его, надеюсь, решим — все, о чем мы с вами уговоримся заранее. Я же, в свою очередь, при умном и деловом отношении вашего жениха к сложившейся ситуации гарантирую ему — и вам, естественно, — счастливую и спокойную жизнь. Это не так уж мало, если считать не на кларки.

— А если я… если мы откажемся?

«Мы»?! Дорон встал, обошел Дину Ланн и сел у нее за спиной в свое рабочее кресло, стоящее у письменного стола. Все последующее он чеканил ей в затылок, не видя полных ненависти и страха глаз девушки:

— Так знайте, дорогая, что я уничтожу и вас, и вашего жениха, как мух, как ничтожных козявок, сотру вас в пыль, и всех, кто знал или помнил о вашем существовании. И поверьте, что мне это так же легко и просто сделать, как шевельнуть мизинцем. При этом учтите, что еще не было случая в моей практике, чтобы угроза, сошедшая с моих уст, осталась невыполненной. У вас с вашим милым женишком есть только один выбор из двух: жизнь или смерть, третьего не дано, от меня нельзя спрятаться, нельзя меня обмануть, нельзя уговорить. Надеюсь, вы понимаете?

Дорон умолк. Дина Ланн как сидела к нему спиной, так и продолжала сидеть, втянув голову в плечи. «Все, готова!» — решил генерал и, так решив, несколько мягче продолжил:

— Давайте не будем капризничать, моя дорогая, и зря обольщаться относительно последствий вашего отказа, тем более что…

И вдруг осекся, увидев взгляд девушки, медленно повернувшейся к нему лицом. Она глядела на Дорона с нескрываемой ненавистью, а губы ее, кривясь и дергаясь, словно в агонии, хрипло выдавили:

— Вы чудовище!.. Вы не человек!..

«Этого еще не хватало! — подумал мельком Дорон. — Сейчас будет истерика… Неужели я перебрал? Неужто теперь и в самом деле придется их убирать? По правде говоря, сделать это вовсе не так просто, как шевельнуть мизинцем… Едва вознесли этого идиота Бакеро на престол, как сразу смещать?! Ни Крафт, ни Воннел, ни сам президент Кейсон такого финала не одобрят, тем более что ошибка, приведшая к нему, допущена не ими, а мною… Ситуация!»

— Меня вы можете и ненавидеть, — мирно произнес Дорон, делая над собой усилие. — К тому же я ни от кого, в том числе и от вас, любви не требую. Но дело есть дело, уважаемая Ланн.

Он опять перешел на «уважаемую» с «дорогой», она все же поставила его на место, эта паршивая пигалица, этот сморчок в юбке, этот пуп на ровном месте, попадись она генералу за пять минут до того, как тщедушный Киф Бакеро стал президентом!

— Нет уж, дорогой генерал! — вдруг сказала, поднимаясь с кресла, Дина Ланн, в которую в виде силы мгновенно влилась его секундная слабость и неуверенность. — Если дело есть дело, и у меня будут кое-какие условия! — Она решительно подошла к столу и села в кресло справа от Дорона, при этом по-мужски положив ногу на ногу. Увы, как плохо мы знаем природу самого загадочного существа на земле, созданного Природой, — женщины, которая обладает, по-видимому, огромным и невыявленным запасом моральных сил и возможностей! Да знает ли о них сама женщина, догадывается ли, что притаилось в недрах ее души?..

— Полагаю, — сказала Дина Ланн, — теперь мы можем начать деловой разговор?

Дитрих в приемной замер от неожиданности. Затем он тихо привстал и протянул руку к тумблеру, выключающему трансляцию из кабинета Дорона: секретарь точно знал, что ему можно слушать, а чего нельзя.

18. В ПОИСКАХ СЛЕДА

Утром следующего дня Честер и Таратура сидели в кабинете комиссара Гарда, приглашенные им для того, чтобы конкретно решить, как действовать дальше.

— Наступил критический момент, — сказал Гард. — Или мы опередим Дорона, и тогда у нас будет шанс размотать всю историю от начала до конца, или он опередит нас, и тогда на всем этом деле можно ставить большой чугунный крест.

— Очень образно, — прокомментировал Честер, — но ни на сантиметр не приближает нас к цели.

Гард недовольно крякнул, но промолчал, чувствуя правоту Честера, зато Таратура с некоторой завистью посмотрел на журналиста: что позволено быку, никогда не будет разрешено Юпитеру.

— Ладно, — согласился с Честером комиссар, — от общих слов действительно надо переходить к делу. Ваши предложения?

— Я думаю о том, что, даже если мы разыщем эту шестерку, — заметил Фред, — еще неизвестно, захочет ли она посвящать нас в свои тайны всего лишь на том основании, что мы спасли их от Дорона…

Зазвонил зуммер селекторной связи, и голос комиссара Робертсона заставил Гарда отвлечься от разговора, а Честера прервать свою речь.

— Гард? Есть еще один трупик, если тебя интересует.

— Кто?

— Женщина. Лет шестидесяти. Обнаружена за городом, в озере. То ли сама утопилась, то ли ее… Вскрытие еще не делали.

— Роб, документов при ней, конечно, никаких?

— Увы, хотелось бы и автобиографию в двух экземплярах, один в дело, другой нотариусу… Ты не против, Дэв?

— Спасибо, старина, подождем вскрытия. Даю голову на отсечение, что, прежде чем сунуть старуху в воду, ее пристукнули или отравили. — Гард отключил себя от селектора. — Мне кажется, это мисс Флейшбот. Дорон продолжает чистить конюшню. Как только трещит этот проклятый зуммер, я мысленно уменьшаю шестерку до пятерых, а потом буду уменьшать пятерку до четверых, пока мы не останемся при пиковом интересе, как говорят гадалки… Так что ты вещал?

— Я не вещал, — обиделся Честер, — а высказал предположение, что эти шестеро будут с нами так же красноречивы, как адвокат, выступающий на суде бесплатно.

— Тут я надеюсь на Фреза и Гауснера, — сказал Гард. — Несмотря на то, что шестерка поменяла внешность и фамилии, все эти люди остались их людьми, а в мафиях порядок строгий. Найти бы!

— Зацепиться не за что, — мрачно констатировал Таратура.

— Да, — подтвердил комиссар, — мы, кажется, никогда еще не оказывались в таком сложном положении… Может, взять за крылышки этих «стрекоз» на фирме? Ну-ка, проверим.

Гард набрал номер телефона, и в трубке, усиленный динамиком, раздался спокойный и вежливый голос одной из девиц, узнать который не представляло труда:

— Вас слушают.

— Говорит Клод Шааль, — произнес Гард. — Я хотел бы приобрести небольшое приключение.

— Мы очень рады, господин Шааль! Позвольте поинтересоваться, знакомы ли вы с нашими проспектами?

— Знаком. Но я хотел бы на всякий случай переговорить сначала с управляющим.

— Сейчас соединю, минуточку, — с услужливой готовностью сказала «стрекоза», и тошнота подступила к горлу комиссара: Гард подумал, что, как в кошмарном сне, сейчас услышит голос покойного, — а в том, что именно покойного, он не сомневался, — вакха Хартона…

— Нет-нет! — едва успел вымолвить Гард. — Немного позже! Я еще подумаю и посоветуюсь с родственниками… Кстати, как его зовут?

— Управляющего фирмой? — раздалось в ответ. — Мистер Палаушек, господин Шааль.

— Премного благодарен. — Гард положил трубку.

Дело было яснее ясного: фирма продолжала безоблачное существование, на месте Хартона уже сидел какой-то Палаушек, и если «стрекозы» оставались на своих постах, можно было не сомневаться в том, что, с точки зрения Дорона, они

представляли для Гарда такой же интерес, как ноль, возведенный в любую степень.

В кабинете наступила томительная тишина, подчеркнутая тиканьем больших настенных часов. Не сговариваясь, все трое посмотрели на часы, почти физически ощущая, как с каждым движением старинного маятника безвозвратно уходит драгоценное время.

— На днях я просматривал в библиотеке редакции старые газеты, — нарушил молчание Честер, — и мне попалась на глаза интересная заметка. Хотя я не шахматист, как ты знаешь, но история показалась прелюбопытной…

— Извините, Фред, — перебил Таратура. — При чем тут шахматы?

— Инспектор, — сказал Гард, — разве вы все еще не усвоили простой истины, что решению сложных проблем нередко помогают весьма далекие аналогии? Что же касается шахмат, они уже сегодня стали общепризнанной моделью для изучения человеческой деятельности. Так что давай, Фред, выкладывай свою историю.

Честер с некоторым высокомерием посмотрел на сконфуженного Таратуру и произнес:

— Так вот. Однажды один из соперников знаменитого Ласкера заявил непобежденному в то время чемпиону мира: «Я нашел надежный способ, который позволит мне устоять против вас». — «Что же это за способ?» — поинтересовался Ласкер. «Очень простой, — ответил соперник. — Я буду повторять все ваши ходы, и получится, что вы играете против самого себя!»

— Остроумно, — констатировал Таратура. — И что же? Помогло?

— Не знаю, — признался Честер. — Конец заметки был оборван. Но для нас не это важно, не результат, а методология. Ты понял меня, Гард? Здесь есть, мне кажется, рациональное зерно.

— Увы, я туп, как носок моего ботинка, — сказал Гард. — Поясни.

— Поскольку шансов обыграть Дорона у нас немного, не поступить ли как тот сообразительный соперник чемпиона? Не повторять ли его ходы? Сесть, как вы говорите, на хвост его людям, и что делают они, делать то же, чтобы выйти с их помощью на шестерку или кого-то из нее, а в последний момент перехватить инициативу!

— Теоретически я еще могу это представить, но практически… — сказал Гард. — Кроме того, как учесть в этой игре людей Гауснера и Фреза?

— Мне кажется, — вмешался Таратура, — их вообще нельзя серьезно брать в расчет, потому что у Фреза с Гауснером в этом деле может оказаться своя «игра».

— Резонно, — констатировал Гард, — но несколько поздновато. На кой леший тогда я с ними связывался, вел переговоры и ударил с ними по рукам? Наконец, это вообще не по-джентльменски!

— С джентльменами жить — по-джентльменски выть! — сказал Фред Честер. — Во всяком случае, уповать только на результаты, полученные нашими временными союзниками, нельзя. Это ясно. Они пусть ищут, дьявол им в помощь, а наша задача — опередить всех!

— Глупость ты говоришь, — нахмурился Гард. — Выходит, если бы я не

связывался с мафиями, опережать нам следовало только Дорона, а теперь надо еще Фреза с Гауснером? Сам себе наворотил трудности, чтобы, преодолев их, испытывать большую радость? Нет уж, дорогие мои советчики, люди из мафий просто обязаны нам помочь! Что же касается того, чтобы сесть на хвост Дорону, идея, конечно, превосходная, но как ее реализовать? О людях генерала мы знаем не больше, чем об интересующей нас шестерке.

И снова все посмотрели на часы и качающийся маятник.

— Есть один ход… — нерешительно произнес Таратура. — Помните, комиссар, к вам приходила девица… Ну, эта, у которой исчез жених по фамилии Бакеро?

— Дина Ланн, что ли?

— Так ведь она, во-первых, из дороновского «ангара»! А во-вторых, будет теперь президентшей, то есть получит такой «пост», до которого Дорону ни руками, ни зубами не дотянуться.

— В этом что-то есть, — сказал Гард. — Хотя я не очень представляю себе, что именно… Ну, бывший человек Дорона, ставший от него более или менее независимым, так? Этого мало, друзья. Можно, конечно, попробовать… Если у Ланн сохранились какие-то связи с коллегами по «ангару» и если она ненавидит Дорона больше, чем боится, да к тому же, учитывая свое нынешнее независимое положение президентши, согласится нам помочь… То есть даст какую-то информацию об Институте перспективных проблем, которая, в свою очередь, поможет нащупать людей Дорона, причем именно тех, которые идут по следу шестерки. Увы, все это весьма сложно и потому проблематично. Хотя у нас, кажется, других зацепок вообще нет. Генерал Дорон, как ни крутите, личность незаурядная: он имеет в нашем ведомстве своих людей, а мы в его — никого! И даже попытки внедрить, насколько мне известно, никогда не делали.

— Почему же? — вдруг сказал Таратура. — Делали. И внедрили.

— И вам об этом известно?! Я ничего не знаю, а вы об этом знаете?! — Гард взглянул на инспектора не просто с интересом, а скорее с недоумением.

— Видите ли, господин комиссар, — чуть-чуть равнодушно и явно актерствуя проговорил Таратура. — Когда я подстраховывал ваш визит к генералу Дорону, я не снял посты после вашего ухода от него сразу.

— Ну?! — в один голос воскликнули Гард и Честер.

— Они засекли, как к Дорону тайно приезжал… извините, господин комиссар, но я уж скажу, как есть… — Таратура почему-то перешел на шепот. — Наш министр Воннел! А вы говорите, — уже своим обычным голосом закончил инспектор, — что в ведомстве генерала мы не имеем своих людей!

Честер и Гард от души расхохотались, через какое-то время к ним присоединился Таратура, хотя держался из последних сил. Когда они отсмеялись, инспектор достал из кармана бумажник, а из бумажника стопку фотографий, которую молча и торжественно протянул Гарду. Комиссар принял ее, словно колоду карт, и терпеливо ждал разъяснении Таратуры.

— На двадцать три тридцать вчерашнего дня, — сказал Таратура. — Это все те, кто побывал у Дорона с того момента, когда на вас поохотился Хартон, и вы

отправились к Дорону пить кофе. А в двадцать три тридцать я посты снял, боясь, что их засекут. Добавлю, здесь только те, кто побывал непосредственно в кабинете у генерала или в приемной у Дитриха, что в принципе почти одно и то же: что думает Дорон, то делает Дитрих.

— Таратура, вы гений! — искренне произнес Гард. — А технически? Почему вы так уверены, что…

— Вас понял, шеф, — перебил инспектор. — Там есть такой коридорчик, через который надо пройти, чтобы попасть в приемную или в кабинет. А коридорчик имеет окошечко и хорошо освещен. Эти люди входили в главный подъезд, поднимались лифтом на четвертый этаж, где находится резиденция Дорона, проходили коридорчиком, а потом, вновь пройдя коридорчик, спускались вниз и выходили из того же подъезда. Кто не попадал на пленку, «обслуживающую» коридорчик, тот не попадал к генералу или Дитриху, и его, стало быть, в этой стопке нет. Вот и вся техника, шеф.

— Сегодня же подаю по начальству рапорт о переводе вас на должность старшего инспектора!

— Не горячитесь, комиссар, — благодарно и иронично улыбаясь, сказал Таратура. — Мой перевод еще должен санкционировать генерал Дорон…

Они невесело рассмеялись.

Гард стал рассматривать лица на фотографиях, оборотная сторона которых имела карандашом проставленные дату и время дня. Большинство лиц обладало разными выражениями: одним — при входе к Дорону, другим — при выходе из его кабинета. Дойдя до двух физиономий Дины Ланн, комиссар прежде всего обратил внимание на то, что девушка провела в кабинете генерала не менее полутора часов, то есть больше всех прочих визитеров, в том числе министра Воннела, который был у Дорона всего десять минут. Затем Гард сравнил выражения лиц на двух фотографиях девушки.

— Увы, они договорились. Это видно невооруженным взглядом. Посмотри, Фред, что ты скажешь?

На одном снимке Честер увидел Ланн, у которой были испуганно-счастливые глаза и явная неуверенность во всем внешнем облике. На втором изображении девушка казалась человеком, точно знающим, что нужно делать: губы были плотно сжаты, глаза источали жесткий и ненавидящий взгляд, весь вид свидетельствовал о неукротимой воле молодой женщины.

— Пожалуй, ты прав только в том, что она резко изменилась, побывав у Дорона, — сказал Честер. — А удалось ли им договориться или они крупно поссорились, я еще не знаю.

Гард еще раз взглянул на обе фотографии:

— Может быть, ты и прав… — Затем обернулся к инспектору Таратуре: — С этой красавицей я переговорю, найдя какой-нибудь официальный повод. Для начала потолкуем с ней о событиях того вечера, когда почти у нее на глазах возле статуи Неповиновения убивали человека… Кстати сказать, до сих пор неопознанного, Таратура, это нам очень связывает руки. Потом, инспектор, она — ваша. Остальных

я беру на себя. Всего сколько? Ого, двадцать семь человек, не считая Воннела! — Гард веером разложил фотографии на столе, как в пасьянсе. — Сколько интеллекта в глазах, какие «мыслители»! Все физиономии следует немедленно заложить в справочную фототеку ЦИЦа, получить адреса этих людей, биографические данные, а затем, с учетом их высокой квалификации, пустить по каждому следу не менее трех «охотников»… Но где же я возьму около ста полицейских, если на каждую дюжину надо испрашивать специальное разрешение заместителя министра по оперативной работе? Нет, так у нас ничего не получится… Может, не все эти «сократы» имеют отношение к нашей шестерке, хотя они и побывали у генерала в кабинете? Впрочем, мы вынуждены исходить из худшего. Все! Что же делать? Видишь, Фред, в каких условиях мы работаем, охраняя покой граждан нашего государства, если нам приходится преодолевать сопротивление не только преступников и их сообщников, но и собственного начальства! Инспектор, надеюсь, последней фразы вы от меня не слышали?

— Если угодно, то и первой тоже, — улыбнулся Таратура.

— У меня в «Вечернем звоне» ситуация немного лучше, — мрачно сказал Честер. — Тоже приходится действовать не «благодаря», а «вопреки». Но я нашел выход из положения: говорю своему Верблюду одно, а делаю другое.

— Ну и мы так попробуем, — задорно воскликнул Гард, треснув себя подтяжками по выпуклой груди. — Таратура, срочно готовьте «липу» по делу Альфонсо Суареса, будто у него колоссальная клиентура среди моряков, актеров, пилотов военной авиации, железнодорожников, генштабистов, портовых проституток и кого еще хотите. Понимаешь, Фред, — повернулся Гард к журналисту, — мы взяли на той неделе мелкого торговца наркотиками, он всего лишь пешка в чьей-то игре, но к выводу о том, что он не туз, мы ведь всегда успеем прийти, не так ли, Таратура? Короче, делаем заявку на полуроту людей для «операции по наркотикам». Инспектор, через двадцать минут с заявкой — в приемную министра Воннела! А я прямо сейчас иду к нему, чтобы заранее слегка припудрить ему мозги!

С этими словами, еще раз ударив себя подтяжками по-груди, а затем надев пиджак, Гард вышел из кабинета и отправился в район тридцать третьего этажа, уверенный в том, что министр при всей своей «любви» к комиссару не откажет ему в срочном приеме, дабы лишний раз не связываться с «этим неудобным Гардом».

19. СДЕЛКА

В распоряжении Дины Ланн уже не оставалось много времени, а дел еще было невпроворот. Ей предстояло прежде всего уладить отношения с адвокатской конторой «Портиш и сын», на плечи которой она решила возложить все заботы о финансовом состоянии родителей, остающихся в городе. Вдобавок нужно было как-то успокоить стариков и вывести их из невменяемости, поскольку они все еще были оглушены происшедшими событиями: и вестью о предстоящем браке их дочери не с каким-то клерком Кифом, хотя он и был им симпатичен, а с самим президентом Бакеро, ну и конечно скоропалительным отъездом Дины за границу.

Потом ей предстояло сделать прическу, подобающую невесте такого жениха, заказать несколько свадебных нарядов, пристроить на время в надежное место пуделя Сафара, которого ни с собой брать было нельзя (его почему-то недолюбливал, словно ревновал, Киф), ни родителям поручить (Сафар почему-то недолюбливал стариков). Затем Дина была намерена слетать к гимназической подружке Лизи, чтобы обрадовать ее неожиданной вестью о предстоящем браке, и непременно увидеться с подружкой Розеттой, чтобы этой же вестью ее огорчить, и так далее, и тому подобное. Наконец, предстояло сделать телефонный звонок любимому дядюшке, но это она решила отложить на потом, когда все прочие дела будут переделаны.

Личный вертолет президента Кифа Бакеро должен был забрать Дину Ланн с площадки шестнадцатого этажа вертолетного аэровокзала ровно в восемнадцать ноль-ноль. Сколько сейчас? О, куда так стремительно летит время? Ни секунды не мешкая. Дина набрала номер адвокатской конторы и попросила господина Портиша как можно скорее приехать к ней домой. Таким же телефонным образом она решила вызвать к себе двух подруг, чтобы, как говорится, одним выстрелом убить сразу двух зайцев, и задумалась на какое-то мгновение о судьбе пуделя, доверчиво лежащего у ее ног с вытянутым розовым языком и преданно глядящего в глаза хозяйке.

Увы, если бы только судьба Сафара тревожила в эту минуту Дину Ланн! Разговор с генералом Дороном хотя и внес некоторую ясность в их отношения, однако ни на йоту не успокоил девушку. Когда женщина одновременно и ненавидит и боится, можно без сомнения утверждать, что в этом коктейле ненависти всегда больше, чем страха, который, кстати, «от страха», простите за тавтологию, иногда вопреки всякой логике обращается в отчаянную смелость. Так родилось «условие», выдвинутое Диной Ланн в ответ на предложение Дорона, — однако, заметим в скобках, на что реально она могла рассчитывать, находясь с генералом примерно в таком же соотношении, как кролик с удавом или муха с паутиной, сотканной безжалостным пауком? Ну, пожужжала немного, показав, что умеет, что способна жужжать, ну, помахала недовольно крылышками или подергала носиком, как дергает кролик, прежде чем затихнуть перед завораживающим взглядом удава, — а что дальше? Дальше-то что?

В конце концов, если генерал хочет иметь возле президента Кифа Бакеро «своего человека» и этим «своим» избирает именно ее, Дину Ланн, в этом есть какая-то логика, и Дорон по-своему, вероятно, прав, рассчитывая на успех дела. Но Дина Ланн тоже намерена поставить перед ним условие, если уж иначе невозможно, и тут ей в логике тоже нельзя отказать. Она хочет прежде всего, чтобы Киф никогда не узнал об этом, даже не догадался и не имел основания догадываться. И чтобы, во-вторых, служба генералу Дорону ограничивалась каким-то разумным сроком, например, рождением первого ребенка. Не век же ей работать на генерала, тем более неужели Дорон не понимает, что даже агент, становясь матерью, перестает быть агентом, ибо обретает совершенно новые заботы, несовместимые с делами тайного осведомителя? Понимает? Вот и прекрасно!

— В таком случае, генерал, я хотела бы получить от вас на сей счет гарантии.

Дорон удивился, и, кажется, не тому, что услышал, а тому, что девушка оперирует такой сложной терминологией.

— Я дам вам гарантии. Дина Ланн, — сказал он, улыбнувшись. — Но не иначе, как в обмен на ваши.

Малоискушенная в подобных делах Дина Ланн некоторое время смущенно думала. Когда Киф предложил ей руку и сердце, она сказала ему тихое «да», и это было все, что гарантировало молодому человеку ее согласие, в котором он мог не сомневаться. Дина была воспитана в правилах, по которым или верила людям, или не верила им. И никакие закладные в банке, расписки, заверенные нотариусом, торжественные клятвы, данные в присутствии третьих лиц, не увеличивали ее веры и не уменьшали недоверия. Равным образом и она если что-то обещала Кифу, то не выполнить уже не могла, — да что Кифу, тому же генералу Дорону, когда расписывалась в том, что будет молчать обо всем увиденном и услышанном ею в «ангаре»: расписка была вне Дины Ланн, ей вполне хватало словесного обещания, которое она дала при оформлении на работу. Так или иначе. Дина была способна, общаясь с Кифом, в самом крайнем случае опоздать на свидание на какие-то десять или пятнадцать минут, и то из соображений «воспитательных», то есть невинных, а не потому, что не держала данное слово или была забывчива.

— Я вам обещаю! — твердо произнесла Дина Ланн, глядя Дорону прямо в глаза, и Дорон, подумав, не менее твердо ответил:

— Я вам тоже! Ну, вот и гарантии, не так ли?

И улыбнулся одними уголками рта.

Она почувствовала: не так! Ее словам можно было верить, а его? Жизненный опыт ничего не подсказывал Дине Ланн, и вовсе не знание этого человека, а чувство самосохранения как бы подталкивало ее изнутри, предупреждая: не верь ему, он злой и коварный, и если твое «да» есть «да», его «да» может оказаться «нет»! Стало быть, «я обещаю», увы, не проходит, что же тогда может «пройти»?

Дина прикусила нижнюю губу, мучительно соображая, и вдруг произнесла, поразив даже видавшего виды Дорона:

— Господин генерал, давайте договоримся так. Я вам открою какой-нибудь свой секрет, а вы мне — свой. Тогда не только я буду у вас в руках, но и вы — в моих. И мы сможем доверять друг другу:

— В каком смысле «секрет»? — несколько обескураженно спросил Дорон.

— Ну, тайну! — объяснила Дина Ланн, как будто перед ней сидел не крупный государственный деятель, чиновник, да еще с такой мрачной репутацией, как генерал Дорон, а близкая подружка вроде Лизи или Розетты. — Например, я могла бы сказать вам, что, кроме Кифа, за мной ухаживает и даже сделал предложение… ну, еще один молодой человек. Я назову вам его имя, только не открывайте его Кифу, он ревнив, хотя и сдержан. А вы мне, господин Дорон…

«Она идиотка или настолько умна, что удачно играет эту роль?» — подумал Дорон, внимательно разглядывая собеседницу из-под опущенных век.

— Позвольте, — перебил ее Дорон, — откуда у вас уверенность в том, что я скажу вам действительно нечто секретное, и откуда у меня уверенность, что, положим, имя конкурента Кифа Бакеро вы не придумали в ту самую секунду, как решили его произнести?

— Можно проверить, господин генерал, — спокойно возразила Дина Ланн. — И я проверю, если не… если у меня не будет веры с первого раза.

— Как?! Как вы сможете меня проверить?! — чуть не закричал Дорон.

— Я женщина, — скромно опустив глаза, сказала Дина шепотом, вложив в произнесенное слово куда больше содержания, чем мог услышать генерал.

Дорон задумался. Он всегда был далек от сантиментов, его ум был способен, как хороший компьютер, высчитать поступки людей, ход их мыслей, орудуя чуть ли не математическими формулами и применяя железную логику. Но генерал откровенно пасовал, когда перед ним оказывалась женщина, существо загадочное и алогичное, даже если эта женщина была в его руках, как львица в клетке у дрессировщика. Интуиция подсказывала Дорону: увы, он имеет дело с человеком необычным, а потому с ним придется считаться, тем более что ситуация, в которой они оказались, тоже не из простых. И как дрессировщик внутренне опасается хищного зверя, вроде бы им прирученного и сидящего, по крайней мере, в клетке, так и генерал должен глаз не спускать с этой молодой львицы, способной в любую секунду перекусить ему глотку.

— Хорошо, — после паузы сказал Дорон. — Предположим, я открою вам какой-нибудь свой секрет. Но достаточно ли ясно вы понимаете, что знание чужих тайн в принципе дело не безопасное? Я ведь возьму вас на мушку, дорогая! — Он весело рассмеялся, как если бы, будучи охотником, уже верно прицелился в свою жертву и предвкушал удачный выстрел.

— Я вас тоже возьму на мушку, генерал, — смело парировала Дина Ланн, и Дорон мгновенно оборвал неуместное веселье.

— Каким образом?! — вновь воскликнул он с ожесточением. — Вы у меня в руках — это я понимаю. Но как вы можете взять меня в свои руки? Как?! Кто я, а кто — вы, моя дорогая?!

— Но ведь мой будущий супруг — президент! — сказала девушка, исчерпав этим ответом всю сумму своих предполагаемых возможностей, и генерал вынужден был про себя признать, что в этом был резон: в сравнении с ним она действительно не более чем «пигалица», но как жена президента…

— Ну-ну! — как бы, с одной стороны, предостерегая собеседницу, но, с другой, признавая и за ней некоторые возможности, сказал Дорон. — Ну-ну… Итак, я весь внимание: ваш секрет?

И даже не без интереса слегка наклонил голову.

— Господин генерал, — тихо сказала Дина Ланн, — я жду ребенка.

— Это все? — разочарованно произнес Дорон.

— Нет, не все. Ребенок не от Кифа.

— То есть как это? — смутился генерал. — От кого же?

— По-моему, я сказала вам вполне достаточно.

— А что сделает Киф Бакеро, если узнает?

— А почему он должен узнать? И от кого, господин генерал? От вас? Я вам

отвечу: Киф тогда на мне не женится, и вы потеряете «своего человека» из его ближайшего окружения. Но если я вдруг перестану вам служить, вы, держа меня «на мушке», как вы изволите говорить, вполне можете мне отомстить, тем более что я уже не буду вам нужна как «ваш человек».

— Э-э-э, нет, дорогая! — весело сказал генерал, ощущая теперь весь разговор с Диной Ланн как игру, а не как серьезную беседу. — Это еще не секрет. Я, понимаете ли, буду обладателем вашей «тайны», а потом вдруг родится вылитый Киф Бакеро, этакий Кифенок, и я останусь в дураках? Для полной ясности я хотел бы знать имя отца, чтобы иметь возможность проверить факт, а затем, если будет нужда, предъявить необходимые доказательства. Ну-с, что на это скажете? Ваша очередь, дорогая Дина Ланн!

— Хорошо, — не моргнув глазом произнесла девушка. — Я жду ваш секрет, а затем в обмен на него назову имя своего любовника.

— Недурно! — с восхищением произнес Дорон, а про себя подумал: «Вот чертова баба! Какая выдержка! Сколько уверенности в себе! Нет, я непременно должен заняться тщательным изучением своих сотрудников. Какие клады! Ну, получай же, сейчас я открою тебе такую тайну, которую способен открыть разве что палач, сопровождая приговоренного к месту казни!» И вслух добавил: — Предупреждаю вас. Дина Ланн: услышать то, что я сейчас вам скажу, будет вам не просто неприятно, но, может быть, даже смертельно страшно, но вы сами в этом виноваты.

— Я готова.

— Как вы думаете, почему ваш Киф Бакеро стал президентом?

— Вы уже намекнули мне, господин генерал, что это ваша заслуга, хотя я… Откровенно признаться, я потрясена таким поворотом событий и до сих пор не понимаю…

— Вот-вот, в том-то и дело, что события действительно должны были повернуться иначе. Президентом соседней страны должен был стать господин О'Чики… Припоминаете это имя? Нет?

— Где-то я его, кажется, слышала… Или читала… Нет, не припоминаю.

— Может, это и хорошо, что вы забываете некоторые имена, с которыми имеете дело в «ангаре». Но ладно. Итак, президентом должен был стать О'Чики, но не стал, к слову сказать, по вашей милости, ибо именно вы допустили ошибочку, перепечатывая одну страницу «сценария» и посадив кандидата на пост президента не слева от статуи Неповиновения, а справа. И потому господин О'Чики был в тот злополучный вечер убит, а его труп изуродован до неузнаваемости, признаюсь вам, моими людьми и по моему собственному приказанию. Все, между прочим, произошло почти на ваших глазах. Дина Ланн, когда вы ждали своего жениха на свидание…

— А Киф?! — в ужасе спросила девушка, вскидывая глаза на Дорона и уже догадываясь о том, что он сейчас скажет.

— Да, госпожа Ланн, да, да, да! Вы совершенно верно догадываетесь. В тот самый вечер ваш жених должен был отправиться на тот свет, и это я приговорил его

к смерти за провал одной чрезвычайно важной операции, связанной с комиссаром Гардом, к которому, кстати сказать, по глупости своей вы уже обращались. Впрочем, что за операцию провалил Киф Бакеро, вам знать не обязательно — достаточно того, что я вам сказал. Таким образом, судьбу вашего жениха случайно разделил кандидат в президенты О'Чики, в то время как его судьбу не менее случайно разделил ваш жених… Вам плохо?! Дитрих! — крикнул генерал, и когда секретарь, словно по волшебству, возник рядом, коротко распорядился: — Воды ей! И чего-нибудь успокаивающего! Поди знай… при такой выдержке и такие нервы…

Откинув голову назад и закрыв глаза. Дина Ланн, как сквозь сон, слышала какие-то шорохи вокруг себя, ощущала какое-то суетливое движение, а затем почувствовала на губах мятный привкус лекарства. Потом она с трудом подняла веки и увидела близко над собой прозрачные, словно разбавленные водой, серо-голубые глаза генерала.

— Ну-с, сделайте глубокий вздох, вот так, превосходно! Приходите в себя, ведь вы мужественный человек, к тому же я вас предупреждал, — почти отеческим тоном проговорил Дорон. А затем, убедившись, что Дина слегка оправилась, добавил деловито: — Итак, его имя?

— Чье? — не поняла Дина Ланн.

— Как чье? Отца ребенка!

Нерешительность и сомнение явно промелькнули в ее глазах, прежде чем она ответила. Когда же губы ее произнесли слова, мимолетная улыбка, как легкое дуновение ветерка, коснулась их, оставшись, однако, незамеченной генералом.

— Мистер Сафар, — кротко произнесла Ланн.

— Кто такой? — тем же деловым тоном спросил генерал, но Дина недоуменно пожала плечами: мол, господин Дорон, неужели вы этого пустяка сами узнать не можете, хватит мучить несчастную женщину!

И вот теперь, полулежа на тахте в своей квартире, Дина погладила по модно стриженной голове пуделя, Сафар тут же исхитрился лизнуть ее розовым языком прямо в нос, и девушка, одной рукой отодвигая ласкового пса, другой набрала телефон Розетты. Пока на том конце провода не отозвался мелодичный голос подруги, Ланн подумала, что из всех возможных мужчин, находящихся в ее окружении, пудель Сафар, пожалуй, был единственным настоящим джентльменом, способным не позволить даже генералу Дорону вмешиваться в его «личные дела» и проверять его «отношения» с Диной Ланн или кем бы то ни было. Подумав так, девушка невольно улыбнулась, а Розетта, будто увидев по телефону эту улыбку, сказала в ответ на приглашение «немедленно, как можно быстрее приехать, есть такие новости, ну, такие, Рози»:

— А чему ты улыбаешься?

Разумеется, Дина Ланн была совершенно уверена в том, что очень ловко провела Дорона. И, забегая вперед, можно сказать, что была близка к истине, ибо с момента ее ухода от генерала Дитрих сбился с ног, безуспешно разыскивая в городе и по всей стране загадочного «мистера Сафара», поскольку ему в голову конечно же не могла прийти мысль искать этого господина в картотеке клуба собаководов. Впрочем, относительно ожидания ребенка Дина генерала не обманула, хотя о том, что она

беременна, не знал ни Киф, ни ее родители. Только бездетный дядюшка Дины Ланн Христофор был введен в курс дела, поскольку у него с племянницей были особо доверительные отношения: Дина в дядюшке души не чаяла, что было взаимно, и считала его самым добрым и прекрасным человеком на свете.

Переговорив с Розеттой, Дина едва успела набрать номер Лизи, как в прихожей раздался звонок, явно чужой, короткий, вежливый и, можно сказать, официальный: у каждого звонка, как известно, есть «характер», зеркально отражающий характер того, кто стоит за дверью, не зря мы так часто угадываем наших гостей и, еще не видя их, как бы заранее знаем, надо ли нам волноваться в связи с их приходом или быть спокойными. Сафар ворчливо фыркнул для начала, а потом залился звонким, но, как отметила про себя Дина, беззлобным лаем. «Наверное, господин Портиш», — подумала она, кладя трубку на рычаг.

— Ладно, малыш, уймись, — сказала Дина пуделю, — пойдем лучше посмотрим, кто к нам пожаловал.

Через глазок она увидела стоящего на площадке перед дверью комиссара Гарда.

20. ПЕРЕД ДОРОГОЙ

Спустя три часа, садясь в вертолет, Гард испытывал внутреннюю дрожь, которую всегда ощущал, выходя, словно гончая, на прямую, ведущую к цели.

Впрочем, на сей раз прямая, как бы это лучше выразиться, была с некоторой кривизной, из-за чего цель тоже казалась не слишком ясной. Однако главным было то, что комиссар Гард получил наконец шанс взять следы тех, кто, в свою очередь, взял след бывших клиентов подводной части «Фирмы Приключений».

Справедливости ради надо добавить, что к моменту, когда Гард вылетал в Даулинг, столицу соседнего государства, куда, судя по всему, перемещались главные события, из шести «сменивших лицо» гангстеров в живых оставалось уже пятеро, если не четверо. Прежде всего, на окраине города, у полотна железной дороги, на рассвете текущего дня был обнаружен изуродованный до неузнаваемости — все тот же почерк! — труп мужчины с отрубленными кистями обеих рук. Это обстоятельство наводило на мысль о том, что погибшему была сделана когда-то операция на пальцах, что и пытались, вероятно, скрыть убийцы или убийца. А спустя несколько часов Ивон Фрез получил короткую записку, подписанную настоящим именем его бывшего сподвижника, исчезнувшего без видимых на то причин около двух лет назад: «Шеф, я гибну, спасите, если можете. Филипп Леруа». К сожалению, записка более ничего не содержала: ни описания ситуации, в которую попал Леруа, ни адреса, по которому его следовало спасать, ни даже намека на то, от кого ему грозила опасность. Листок бумаги принес мальчишка, получивший его на улице от незнакомого «дяденьки с бородой» (Леруа, кстати, никогда не носил бороды!) одновременно с десятью леммами и просьбой немедленно доставить по адресу на конверте. По-видимому, Леруа уже не имел времени воспользоваться услугами почты и успел всего лишь сунуть конверт в руки первому попавшемуся на глаза мальчишке, после чего вновь исчез, не подавая более признаков как жизни, так и смерти. Впрочем, вовсе не исключалось, что обезображенный труп, найденный на

окраине города, и Леруа — одно и то же лицо, однако определенно установить это не представлялось возможным, так как Фрез отпустил ребенка и мальчишка был безвозвратно утрачен, — а кто еще, кроме него, мог бы опознать в безбородом трупе «дяденьку с бородой»? С другой стороны, было похоже, что это разные люди, поскольку мальчик получил конверт от незнакомого человека много часов спустя после обнаружения трупа.

Что определенно знал комиссар полиции? Он знал, что по следам бывших клиентов фирмы, как овчарки, неслись люди Дорона, а его людям удалось всего лишь сесть им на хвост, что, конечно, было немало, но еще ничего не гарантировало; такой двойной погони, буквально след в след. Гард не помнил за всю свою долгую и богатую событиями полицейскую жизнь.

Сам он, как уже было сказано, решил перебраться в Даулинг, чтобы на месте руководить операцией, надеясь в последний момент перехватить у Дорона инициативу. Туда же, в Даулинг, по данным инспектора Таратуры, уже двинулись три группы Дорона. Гарду удалось снарядить вслед за ними тоже три группы своих людей, сформировав их из полицейских и людей, выделенных Гауснером и Фрезом. Почему именно три группы командировал в Даулинг генерал Дорон, можно было только гадать. Либо Дороном были нащупаны адреса трех бывших гангстеров, подлежащих уничтожению, либо генерал гнался за одним человеком, но для решения задачи пошел на классический вариант, отправляя в Даулинг группу «захвата» (девять человек), группу «отхода» (шесть человек) и группу «прикрытия» (пять человек). Увы, Гард такой возможности не имел, поскольку вся финансовая щедрость полицейского управления в конечном итоге ограничивалась формированием трех групп по три человека в каждой. К ним добавлялись по два человека от мафий в каждую группу. Итого, на все, как говорится, про все — пятнадцать душ.

На Таратуру тем временем он возложил более тонкую задачу: сопровождать Дину Ланн в ее вертолете, который отправлялся с верхней площадки аэровокзала примерно через полчаса после отлета комиссара. Обеспечить присутствие полицейского инспектора в вертолете президента Бакеро, специально присланного за Диной Ланн, было делом не из легких, но тут Гард прибег к помощи Интерпола, связавшись через него с полицейскими властями соседнего государства и объяснив им необходимость присутствия инспектора Таратуры подле невесты президента в качестве ее тайного телохранителя: имеются, мол, косвенные данные об угрозе в ее адрес, исходящий от «противников президента Кифа Бакеро». Эту туманную формулировку с готовностью приняли в соседней стране, ибо коль скоро она исходила от могучего соседа и «друга», то проигнорировать ее было никак невозможно.

В результате лаконичных деловых переговоров (а при посредничестве Интерпола иных, как правило, не бывает) второй пилот вертолета, прибывшего за невестой Бакеро, должен был внезапно «заболеть», и его заменяли другим пилотом, то есть инспектором Таратурой, который, как и подобает каждому уважающему себя инспектору в современном мире, с одинаковой легкостью водил все движущиеся предметы, начиная с детской коляски и кончая «летающими тарелками».

Дине Ланн комиссар ничего не сказал об этой операции, но не потому, что между ними не возникло доверия. Доверие как раз возникло, но ни к чему ей было знать

лишнее. Гарду вообще легко давался контакт с самыми разными людьми, независимо от их пола и возраста, причем даже в тех случаях, когда он обращался к ним, как говорится, по делам службы. В отличие от своих коллег, то есть высших чинов полиции, Дэвид Гард был совершенно не способен проявлять по отношению к собеседнику индюшиную надменность, столь свойственную людям бездарным и малодушным. (Впрочем, ни одному индюку, как бы он ни важничал, еще не удавалось скрыть от окружающих свою плебейскую куриную сущность.) Гард же всегда был естествен и прост с людьми, уважителен к ним, доброжелателен, умея при этом оставаться самим собой, так как не играл в демократы, а был им. Когда же он имел дело с представительницами слабого пола, то в нем невольно просыпалось рыцарски-старомодное чувство уважения и едва ли не преклонения перед ними, чувство, по которому так стосковались живущие в прагматичном обществе женщины. Стоит добавить к сказанному, что, по мнению Фреда Честера, Гард только потому остался холостяком, что присущее ему рыцарство не позволило в свое время отдать предпочтение какой-либо одной из милых его сердцу дам, так как одновременно с этим ему пришлось бы безмерно огорчить всех остальных.

Короче говоря. Дина Ланн еще при первом знакомстве с комиссаром полиции, несмотря на слезы и панику, вызванные исчезновением Кифа Бакеро, все же смогла интуитивно понять, что люди, подобные Дэвиду Гарду, обычно встречаются в реальной жизни куда реже, чем среди киногероев. И когда Гард позвонил в дверь ее квартиры, она не то чтобы обрадовалась, но почему-то сразу почувствовала себя куда увереннее, чем была, словно рядом с ней оказался давно знакомый, надежный и мудрый, вроде дядюшки Христофора, человек.

— Примите, — сказал Гард девушке, едва переступив порог ее дома, — мои искренние поздравления и, не скрою от вас, одновременные соболезнования, поскольку генерал Дорон, как мне кажется, сделал все, чтобы омрачить вашу радость.

— Ах! — воскликнула Дина Ланн. — Вам уже известно? (Гард скромно улыбнулся и слегка пожал плечами: а как, мол, могло быть иначе?) Я до сих пор не могу прийти в себя от его гнусного предложения! — продолжала Дина.

— Не надо отчаиваться, — сказал Гард. — Во-первых, вы, наверное, попытались это предложение отклонить? Хотя я на собственном опыте убедился, как трудно иметь дело с Дороном: ни хитростью, ни откровенностью взять его невозможно, только силой! Она одна способна поставить его на место. Но, во-вторых, я не могу поверить и в то, что вы не сумели хоть как-то себя обезопасить.

— Откуда у меня, слабой женщины, сила, господин комиссар? — вставила Дина Ланн. — Конечно, я себя немного обезопасила — но как?! Мне удалось получить обещание генерала ограничить мою гнусную шпионскую обязанность возле Кифа конкретными сроками!

— Боюсь, уважаемая госпожа Ланн, что обещание, данное этим человеком, стоит не больше клятвы лисы добровольно отдать себя на воротник вашего манто.

Дина Ланн улыбнулась:

— Точно! Чтобы иметь хоть какую-то гарантию, я предложила генералу обменяться равными по значению «секретами», и он, представьте, на это пошел!

Значит, теперь не только я у него в руках, но и он в моих… Правда, весьма относительно, как вы понимаете. Но вот здесь, мне кажется, я все-таки его чуть-чуть провела…

— Не обольщайтесь, дорогая Дина, генерал ни в чьи руки так просто не дается, уж на что я цепок, и то… Вы ему, вероятно, по простоте душевной действительно открыли нечто важное, а он вам, уверен, подсунул залежалый товар.

— А вот и нет! Уж тут вы, господин комиссар, не знаете, и не притворяйтесь, что не хотите знать! Но вам я и без ваших хитростей скажу откровенно, как было дело. А было ровно наоборот: я надула генерала Дорона, а он мне, вы не поверите, сказал истинную правду! Ну, выйдет из меня разведчица, а? Или по крайней мере дипломатический работник?

Примерно в таком духе текла их беседа, из которой комиссар Гард без всякого нажима узнал и о мнимом любовнике Дины Ланн по имени Сафар (над чем искренне посмеялся, представив себе, как Дитрих роет землю, отыскивая загадочного джентльмена), и о действительной беременности Дины (по поводу чего выразил озабоченность), и о том, почему Киф Бакеро так стремительно и неожиданно вознесся в президентское кресло. Узнал он и о судьбе О'Чики, и о том, по какой причине Киф Бакеро впал в немилость генерала Дорона, распорядившегося его уничтожить из-за провала какой-то операции, кстати связанной с комиссаром Гардом (Гард, разумеется, мгновенно понял, что этой операцией могло быть только покушение на него, совершенное Хартоном). И даже о том узнал Гард, что перед скорым отлетом в соседнюю страну Дина Ланн должна еще встретиться с подружками по колледжу, переговорить с адвокатом мистером Портишем, устроить Сафара, заказать свадебные наряды, сделать прическу и непременно позвонить любимому дядюшке Христофору, который, к слову сказать, связывает с племянницей и ее браком какие-то надежды, о которых пока еще не сказал «своей птичке», как он называет Дину Ланн, ибо дядюшка Христофор полагал, что Дина, соглашаясь в свое время работать машинисткой в дороновском «ангаре», по собственной воле попала в клетку, уготовив себе роль «птички», живущей в неволе, но это вовсе не означает, как говорил дядюшка, что эту клетку нельзя сделать золотой… (И Гард, слушая девушку, мучительно вспоминал, где и от кого, и совсем недавно он слышал примерно то же самое, то есть и о «птичке», работающей у Дорона, и, кажется, о клетке, но так и не вспомнил.)

Все, все сказала Дина Ланн Гарду, ибо женщины ее склада лучше сотни психологов понимают, кому и что можно сказать, особенно тогда, когда не выложиться ну просто нельзя, невозможно, — сию минуту, сейчас, а там хоть голову под топор… Этих сведений, конечно, не хватало комиссару Гарду для того, чтобы прояснить ситуацию, связанную с бывшими клиентами «Фирмы Приключений». Но их было вполне достаточно, чтобы утвердиться в решении немедленно вылетать в Даулинг и лично возглавлять операцию: момент, несомненно, становился кульминационным; Кроме того. Гард теперь просто по-человечески был обязан защитить Дину Ланн от Дорона, человека расчетливого, как компьютер, и не более, чем компьютер, морального.

Они распрощались не как тайные заговорщики, а как добрые друзья, объединенные одной заботой, и прямо от Дины Ланн комиссар, заехав в управление, поспешил на центральный аэровокзал, где его ждала команда и полицейский

вертолет.

В управлении Гард дал последние инструкции Таратуре, сообщив ему предварительно в весьма сжатом виде результаты своего визита к Дине Ланн. Затем он выяснил, работала ли глушилка, заказанная им на время, пока он беседовал с девушкой, и успокоился, убедившись, что работала; спецмашина стояла прямо напротив окон квартиры Ланн, стало быть, Дорону и его людям не удалось записать разговор комиссара с девушкой, и единственное, чем мог довольствоваться генерал, так это сведениями о самом факте их получасового общения.

С легким сердцем садился Гард в «мерседес», чтобы ехать на аэровокзал, и уже по дороге вдруг вспомнил о «птичке», заметив тучу воронья, поднявшуюся над куполом собора святого Иллариона.

— «Второй!» — выкрикнул он в микрофон, вызывая на прямую связь Таратуру. — Окажите любезность, инспектор, и выясните быстренько, кого из моих знакомых зовут Христофором?

— Каких знакомых вы имеете в виду, господин комиссар? — ответил Таратура.

— Всех! — коротко сказал Гард.

— И вы хотите «быстренько»?

— Ну, пока я еще здесь, а не в Даулинге.

— Очертите хотя бы какие-то границы, шеф, — резонно настаивал инспектор: разве мыслимо за двадцать — тридцать минут проверить имена всех знакомых комиссара Гарда, и, вероятно, знакомых весьма далеких, если он сам не знает их фамилий?

— Ладно, — смягчился комиссар. — Возьмите людей, с которыми я имел дело в течение последних двух недель. Ну, трех.

— Хорошо, шеф!

Инспектор отключился, но не прошло и пятнадцати минут, как из динамика вновь раздался его спокойный голос; «мерседес» в этот момент уже шел по улице, напрямую ведущей к аэровокзалу.

— Господин комиссар, как слышите? Говорит «второй»!

— У вас есть что доложить, Таратура? Валяйте.

— Христофор Гауснер, шеф.

— Гауснер?!

— Не Колумб же, вы с ним, насколько мне известно, за последние три недели не виделись.

— Вы у меня пошутите, Таратура!

— Извините, шеф. Я только не понимаю, чем вы так удивлены.

Гард сделал паузу.

— А что вы скажете, инспектор, если узнаете, что Христофор Гауснер — родной дядюшка Дины Ланн?

Динамик в ответ только свистнул.

Бывает же, общаются люди месяцами, годами, и так складываются их отношения, что они друг для друга либо Таратура и «шеф», — кстати, а как зовут инспектора, у него есть имя? — либо Ивон Фрез, либо просто Гауснер. И вдруг выясняется, что он вовсе не «просто», а, представьте себе, Христофор, и это обстоятельство приоткрывает занавес, за которым оказывается нечто, о чем даже помыслить было нельзя еще за секунду до того, как стало известно имя человека!

— Инспектор, — сказал Гард, — у вас есть имя?

— Не понял вас, шеф. Повторите вопрос.

— Я говорю, как вас называли папа и мама, прежде чем вы стали инспектором полиции? У вас были папа и мама?

— Вам для чего, господин комиссар? — все еще недоумевал Таратура.

— Хочу попрощаться с вами задушевно! — разозлился почему-то Гард. — Хочу сказать вам: Билл, Майкл, Джафар, или как вас там, оставайтесь и ведите себя хорошо! Так у вас есть имя, Таратура?

— Разумеется, шеф. Мама звала меня Аликом…

Ну вот, еще одно открытие: инспектор, которому впору выступать на борцовском ковре или сниматься в ковбойском ролике, и вдруг «Алик»!

— А полностью? — спросил Гард. — Как зовут вас полностью, без мамы?

— Так и зовут! — разозлился в свою очередь Таратура, явно подозревая Гарда в том, что у него не все дома, по крайней мере в данный момент. — Так и зовут, но, если вам хочется, шеф, можете прибавлять букву «с»: Алекс Таратура. Вас устраивает?

— Вполне. Не сердитесь, Алекс. И действительно: ведите себя осторожно и благоразумно. Вы все же мне дороги. Как память. Ладно? Отбой!

Вертолет взял вертикально вверх и лишь потом пошел в сторону под довольно острым углом к бетонной крыше аэровокзала. За этот вертикальный подъем Гард не любил вертолеты, как не любил все противоестественное, кричаще противоречащее здравому смыслу и классическим законам мироздания, в данном случае — закону всемирного тяготения. Другое дело самолеты, которые тоже отрывались от земли, но постепенно, с разбега, как птицы, не шокируя, увы, консервативно устроенные нервы гардовской души. Дэвид Гард, как видим, был не только чуточку идеалистом, но и чуточку консерватором, что не только не противоречило друг другу, но и прекрасно уживалось, поскольку оба этих качества родились у него как естественный протест против всей грязи, низменности и гадости, присущей так называемому «свободному», иначе «потребительскому», иначе «развитому обществу», — уж лучше бы оно не развивалось, это общество, в котором Гард жил, занимая пост «чистильщика», «подметалы», а если официально — охранителя общественного порядка, закона и справедливости!

…Спустя примерно три с половиной часа с той же площадки стартовал вертолет, на борту которого находилась невеста президента Кифа Бакеро. В кресле второго пилота сидел атлетически сложенный красавец с рыжей бородой и рыжими усами, в последний момент заменивший неожиданно заболевшего вертолетчика.

Направление было то же: Даулинг.

21. «И ТЫ, БРУТ!»

Обычно Фред Честер поднимал телефонную трубку на десятый — двенадцатый звонок, разумеется, отнюдь не утруждая себя счетом, а машинально, угадывая на глазок, как пьяница угадывает по количеству бульков точно отлитое из бутылки в бокал виски. Как правило, дело до телефонного разговора не доходило: либо трубку перехватывала Линда, чего, собственно, Фред и добивался, — абоненту пройти через ее фильтр бывало нелегко, она запросто отшивала всех, кто мог подтолкнуть ее мужа не на дело, ведущее к доходу и заработку, а на праздность, ведущую к расходу и убыли, — либо человек на том конце провода сам терял терпение и на подходе к десятому гудку бросал трубку. Фред в таких случаях не огорчался, но и не радовался, точно зная, что, если он кому-то действительно нужен, к нему пробьются и через Линду, и через долготерпение.

На сей раз, словно почувствовав запах жареного, Линда рысиным скачком прыгнула к телефону и вцепилась в трубку, как в тонкую шею жертвы, своей мягкой, но с острыми когтями лапкой. Шея, правда, лишь условно может быть названа «тонкой», потому что жертвой Линды на этот раз оказался Карел Кахиня, человек умеренного веса и нормального телосложения, на которого Линда тем не менее всегда реагировала как бык на красную материю, а если вернуться к первоначальному образу, то как кошка на жирную, но увертливую мышь.

— Фред! — через некоторое время позвала она, презрительно глядя на мужа, будто он и был Карелом Кахиней и Фредом Честером в одном лице, ухитрившись сам себе позвонить и самого себя обесчестить. — Твой «дружок»! Изволь побеседовать, пока он еще на свободе и не угодил в камеру, где нет, слава Богу, телефонов! Интересно, куда он на этот раз тебя потащит, какой это будет вертеп и с какими потаскухами?

Все это говорилось вроде бы мужу, но с таким, надо сказать, расчетом, чтобы Кахиня не упустил из речи Линды ни одного слова.

Фред уже давно философски реагировал на подобные эскапады жены. И теперь он пожал плечами, задумчиво улыбнулся уголками губ, — мол, в нашей жизни все возможно, а потому грех отказываться и от вертепа, и от потаскушек! — взял трубку из вибрирующих пальцев Линды и невозмутимо произнес:

— Хэлло, Карел! Линда была рада услышать твой голос. Что хорошего, старина?

Кахиня издал звук, похожий то ли на выдох астматика, то ли на последний «кряк» подстреленной утки, и сказал:

— Благодарю, Фреди, я все понял, даже то, что ты, как всегда, благородный человек. Звоню с напоминанием: сегодня в двадцать часов мы встречаемся на том же месте и в том же составе. Не забыл?

— Да, но Дэвид, как я знаю, еще не вернулся…

— Не уверен, — перебил Кахиня, более строго соблюдавший конспирацию, чем Фред Честер, а потому не позволил ему произнести название города, куда несколько времени назад улетел комиссар. — Не уверен, Фред. Ты ведь знаешь этого непоседу:

вчера он там, сегодня здесь, а завтра снова там, ха-ха-ха! Короче, наше дело выполнить его просьбу и собраться, а его дело — оставить нас с носом или вознаградить своим присутствием.

— Ребята все будут? — опрометчиво спросил Честер.

— Ну вот, так и знала! — тут же громко произнесла Линда, кладя руки на бедра, что ничего хорошего не предвещало.

— Будут, — подтвердил Карел. — Полный кворум.

— Ну и прекрасно. Линда просит нежно поцеловать тебя в носик и… еще куда, дорогая?.. ах да, в лысину! — И Фред повесил трубку на рычаг, чтобы затем повернуться к жене и грудью встретить опасность.

Но Линда вдруг сбросила руки с бедер, они беспомощно повисли вдоль тела, и в секунду из готовящейся к прыжку рыси превратилась в жалкую курицу, причем в глазах у нее тут же появились слезы, ей бы на сцене выступать, а не дома, и заморгала часто-часто, поднимая и опуская, как все куринообразные, только нижние веки. Сердце Фреда, как обычно в такие моменты, сжалось от сочувствия.

— Лапочка моя дорогая, — сказал он ласковым тоном, кладя ладони на вздрагивающие плечи жены. — Ты ведь знаешь: нет ничего сильнее моей любви к тебе, кроме долга по отношению к моим товарищам. Прости меня, дорогая, но ты помнишь, что подарил нам на свадьбу Карел?

— Набор серебряных ложек, — всхлипывая, произнесла Линда, — с пошлой надписью.

— Пошлой? «Жены приходят и уходят, а серебро остается», — процитировал с улыбкой Фред. — Конечно, пошлой, моя дорогая! Но… подумай, Линда. Ты хоть сегодня будешь уверена, что мы обойдемся без вертепа и потаскушек: с нами Гард!

— С вами, как бы не так! — возразила, заметно успокаиваясь, Линда. — Что я, не поняла, что он еще откуда-то не вернулся?

— Вернулся, вернулся! Карел его сегодня утром видел, — сказал не моргнув глазом Фред с такой убежденностью, что Линда и в самом деле поняла, что он врет. Но решила более не искушать судьбу — много ли женщинам нужно от мужчин? Ласковое слово, которое, как известно, и кошке приятно, да чуть-чуть правдоподобного вранья!

Занявшись хозяйством, она вроде совсем успокоилась. А Фред подумал: интересно, Дэвид Гард улетел в среду, сегодня суббота, от него из Даулинга ни вестей, ни даже намека на них, Таратура с ним, так что и спросить не у кого, — не значит ли все это, что в восемь вечера, когда друзья соберутся в условленном месте, среди них, как по волшебству или, лучше сказать, как в кино, появится вездесущий комиссар полиции? Причем выбритый и выглаженный, с отдохнувшей спокойной физиономией и весь такой гладкий, будто всю неделю только тем и был занят, что не гонялся в каком-нибудь Даулинге за преступниками, а лелеял себя и холил на модном курорте?

На сей раз, следуя указанию Гарда, Карел Кахиня снял в подвальчике «И ты, Брут!» не отдельный кабинет, как в прошлый сбор, а — лучше, право, не скажешь — заказал колонну посередине зала, как бы вырастающую из овального стола,

вокруг которого были установлены кресла. Благодаря этой несуразной колонне каждый гость, как уже упоминалось, мог общаться лишь с соседом слева и справа от себя, в то время как визави выпадал из поля его видения, стало быть, и общения. Зачем все это понадобилось Гарду, Кахиня не знал и даже не догадывался, как не знал он и того, почему комиссар просил оставить ему место между Валери Шмерлем и Фредом Честером, избрав именно их себе в «компаньоны» на вечер. Впрочем, у Карела мелькнула мысль, что дело связано совсем с другим, а именно с тем, что Гард не хочет по какой-то причине общаться либо с Клодом Серпино, либо с профессором Рольфом Бейли, либо, чего доброго, с ним, Карелом Кахиней, и «задвигает» их за колонну — но почему?!

Да, очень уж загадочный он человек, Дэвид Гард, правда, к тому его обязывает и профессия…

Как бы то ни было, к восьми вечера друзья были в сборе. Недоставало Гарда, заварившего, если можно так выразиться, кашу. Стрелка тем временем оторвалась уже от цифры «8», чтобы двинуться дальше, и Карел подозвал владельца «Брута» Жоржа Ньютона, чтобы сказать ему дружеским тоном, каким обычно говорят не слуге, а доброму старому знакомому:

— Жорж, дорогой, мы начнем, пожалуй, распорядись, если не трудно. Возражений не будет? — обратился Карел к компании, которая единодушно промолчала. — Вот и отлично. А то глотки у всех пересохли, особенно у нашего Шмерлюшки, и симфонические оркестры играют в животах сплошные фуги!

Немолодой, но ловкий официант детективного вида — в темных очках, с лихо подкрученными усиками и словно наклеенной шкиперской бородкой — по знаку Жоржа Ньютона кинулся разливать гостям напитки, смешно поправляя очки тыком указательного пальца в переносицу. Карел Кахиня, заложив салфетку за воротник, встал с бокалом в руке:

— Друзья мои, нас пятеро, но это не значит, что нас мало! Провокатор, собравший здесь всю компанию, а сам не явившийся…

— Ты его плохо знаешь, Карел, — прервал Честер. — Он, возможно, уже среди нас.

— И предстанет перед нами в то мгновение, когда нам подадут счет? — подхватил Карел. — Это ты его плохо знаешь, Фред! Впрочем, кто может поручиться, что Дэвид не загримировался под официанта или Валери Шмерля? Но мы его в таком случае разоблачим в мгновение ока. Валери, что у тебя в бокале?

— Минеральная вода! — ответил за галантерейщика Клод Серпино. — Увы, это Шмерль, а не Дэвид. Карел, дерни теперь официанта за бороду, и мы начнем со спокойной совестью.

Официант, осклабившись, с лакейской готовностью подставил Кахине шкиперскую бородку, но Карел, протянув к ней руку, в последний момент изменил направление и неожиданно ткнул указательным пальцем в переносицу официанта, поправляя сползшие у того на нос очки. Все засмеялись, а Валери Шмерль произнес как всегда плаксивым голосом:

— Ну вас всех к черту! Вечно вы злословите в адрес отсутствующих, а с Дэвидом, может, что-то случилось… Клод, ты не знаешь, где он?

Банкир выглянул из-за колонны, чтобы увидеть Шмерля и себя показать ему, а затем строго, в полном соответствии со своим банковским званием, сказал:

— Знаю: Дэвид на посту! А мы по его вине за этим столом. Карел прав, следует начинать, и слово для первого тоста дадим Рольфу, человеку серьезному и научно мыслящему, а то Кахиня наверняка скажет какую-нибудь пошлость.

— Почему? — искренне удивился Карел. — Я, наоборот, первый тост хотел поднять за жену нашего дорогого Валери Шмерля, за его Магдалину, а если говорить точнее и напрямик, то в связи с нею — за остров Хиос!

Карел умолк, расставив сети, о чем, все, кроме Шмерля, тут же догадались, а бедный галантерейщик, как всегда, полез в сеть с готовностью поставившего на себе крест карася:

— При чем тут моя Магдалина?

— Вот именно! — воскликнул Карел Кахиня. — Совершенно ни при чем! Более того, в этом году жители острова Хиос отмечают девятисотлетие с момента последнего нарушения женщиной-хиоской супружеской верности, — как нам за это не выпить, друзья? Валери, ты крепко сел на крючок? Еще не проглотил?

— Проглотил, — добродушно-привычно согласился Шмерль, а потом добавил с горькой усмешкой: — Благодарю тебя, дорогой Карел, и всех вас, мои боевые друзья. Наверное, для того Дэвид и собрал нас здесь, чтобы вы вдоволь поиздевались надо мной и моей несчастной Матильдой, дай вам Бог каждому такую жену…

— Я согласился бы на любую ее половину! — вставил Кахиня, но уже вроде бы без подвоха, искренним тоном, возможно почувствовав, что слегка переборщил.

— Тебе, Карел, надо побывать у меня дома в гостях, — продолжал Валери Шмерль. — Вот уж Матильда будет рада! Я ее предупрежу, и она запасется твоим любимым…

— Цианистым калием! — подсказал Рольф Бейли совершенно серьезным тоном, и все вокруг засмеялись. — Вот столько! — Ногтями большого и указательного пальцев он показал тот мизер, которого вполне достаточно, чтобы навсегда успокоить мятежный дух Карела Кахини и избавить его от необходимости шутить над друзьями. — Ладно, друзья мои, а теперь позвольте занять у вас еще минуту внимания. — Рольф Бейли встал и торжественно поднял бокал, наполненный светлым круиффом. — Предлагаю первый тост, при всей его внешней банальности, поднять за дело воистину прекрасное: за достижение каждым из нас поставленной цели, как бы недостижима и проблематична она ни была. Я желаю, например, чтобы контора Клода превзошла «Бэнк оф Америка», — я не прав, дорогой друг? Прав. Прекрасно. Фред пусть заполучит наконец собственную газету, на страницах которой его талант расцветет махровым цветом без помех, исходящих от какого-нибудь «верблюда» или его жены, извините, «вонючки»… Карел пусть избежит тюрьмы и ночлежки — я, разумеется, шучу, но чего-то из этого пусть все же избежит, не обязательно ведомства Гарда, а, положим, болезней, долгов, мщения со стороны Шмерля и его прелестной Матильды и так далее, и тому подобное… Валери, чтобы и твоя цель была достигнута: чтобы ты был счастлив в супружеской жизни еще более, чем ты счастлив со своей галантерейной лавкой, или, если угодно,

наоборот: чтобы успех в торговле тебе сопутствовал всегда так, как он сопутствует тебе с женой… Дэвиду, хоть его и нет среди нас, я желаю всегда догонять тех, кто от него удирает, и удирать от тех, кто гонится за ним… А себе… Себе я пожелал бы благополучного завершения научного эксперимента, хотя, кажется, сделать этого мне не дано, не по моей, правда, вине, а по чьей, я даже не знаю и не догадываюсь, так все запуталось в последнее время… Короче, за достижение целей, друзья!

Последние слова потонули в «бурных аплодисментах» присутствующих. И началось застолье, с той прекрасной и естественной непринужденностью, которая характерна лишь для старых и верных друзей, среди которых каждый является «своим» для всех прочих, а все прочие — «своими» для каждого.

Однако посторонний взгляд, скажем официанта, мог бы при желании уловить, что сейчас их все же связывало нечто меньшее в сравнении с тем, что разделяло. Увы, годы брали свое, и канатные, можно сказать, узлы, завязанные в далеком прошлом, истлевают со временем, чего нельзя сказать о множестве бечевочных узелков сегодняшних дел, забот и привязанностей. Эти узелки не так прочны, быть может, как канатные, но их не разрубишь одним ударом, и так просто от них не избавишься: они опутывают по рукам и ногам, как лилипуты своими паутинками оплели Гулливера в прекрасном романе Д.Свифта.

Подобным образом случилось и тут. Друзья, приступив к застолью, шутили, веселились, поднимали тост за тостом, иногда дружно хохотали, как в добрые молодые годы, иногда молча и сосредоточенно ели, едва прислушиваясь к словам друг друга, однако можно было заметить, что у каждого из них — свои проблемы, свои заботы, свои мысли, или, как выразился поэт, «свои мыши и своя судьба». Признаками этого были то короткий взгляд кого-нибудь на часы (не пора ли по домам?), то легкий равнодушный зевок во время рассказа соседа, быстро подавленный, но подавленный именно потому, что он возник так не вовремя, и его, чего доброго, заметят и еще обидятся, то задумчивый взгляд, ничего не выражающий и устремленный на рассказчика именно в тот момент, когда тот излагал нечто весьма для него существенное…

Да, сегодня они всего лишь великодушно отдавали долг прошлому, долг своей бурной молодости, делая вид, что не замечают, как их жизни постепенно расходятся, — расходятся, словно движущиеся материки, которые все более отдаляются друг от друга, но так, что их взаимное удаление вроде бы и не видно, а гляньте-ка через миллионолетие — Боже, как велико пройденное расстояние, как широк разделяющий их пролив, ставший уже не ручейком, не рекой, а морем или океаном!

В какой-то момент они окончательно разделились на отдельные группы. При этом каждый ощущал себя как бы центром маленькой компании, состоящей из соседа слева и соседа справа, время от времени включаясь в другие группы, но — ах, эта колонна! — она способствовала не объединению, а разъединению, и ее велению нельзя было не подчиниться. И все, сами того не замечая, охотно подчинялись ее диктату. Гард, Гард, что же ты наделал!..

А что можно было сделать? Можно отвергать диалектику развития, но ничего нельзя поделать с ее законами. Глупец со временем может стать гением, а гений — глупцом (в зависимости от того, как решит общество); подающий милостыню —

нищим, а нищий — богачом; счастливый — несчастным, несчастный — счастливым, дружная компания — разваливающейся на куски, одиночки — слитным и сцементированным коллективом, физики — коммерсантами, и наоборот. Как говорил незабвенный учитель Дэвида Гарда Альфред-дав-Купер, «от денег к власти — одна дорога, а от власти к деньгам — тысяча!», хотя это, кажется, уже совсем о другом.

Так или иначе, застолье продолжалось, и официант едва успевал следить за состоянием бокалов и тарелок. Валери Шмерль говорил с Честером о возможных поворотах в коммерческом деле, если победят на выборах «прогрессивные консерваторы», недавно обещавшие некоторые послабления мелким и средним торговцам, дабы вдохнуть жизнь в умирающую экономику, которая на памяти всех только и делала, что умирала, но все никак не могла подохнуть. Честер спрашивал мнение Клода Серпино о возможных итогах выборов, зависящих от уровня финансирования тех или иных партий и группировок, в чем Клод разбирался лучше Фреда, поскольку был в числе тех, кто финансирует, а не тех, кого финансируют. Клод Серпино искал щель в беседе Карела Кахини и Рольфа Бейли, чтобы выяснить у последнего перспективы генно-инженерного бизнеса (есть ли тут шанс потягаться с американскими корпорациями?). Рольф, в свою очередь, говорил с Кахиней о том, где, с его точки зрения, можно найти «живой материал» для ряда весьма интересных научных опытов, задуманных им, но, к сожалению, не всегда обеспечивающих благополучный исход для его участников; Кахиня же, ответив, что «живой материал» надо хорошо оплачивать, и тогда не будет никаких проблем, тем более что в стране есть и еще долго будет безработица, тут же обратился к Шмерлю с предложением заработать на Магдалине, отдав ее Рольфу во имя Большой науки, на что Рольф, смеясь, заметил, что ему нужен не только «живой», но еще и «свежий» материал.

В какой-то момент вопрос, затронутый Бейли, заинтересовал всю компанию. Клод Серпино предложил профессору финансировать его мероприятие под выгодный для себя процент, Кахиня сказал, что «живых» и «относительно свежих», если говорить серьезно, легче легкого найти с помощью полиции, Честер поинтересовался, о каком, собственно, эксперименте идет речь, — может быть, есть смысл рассказать о нем в том же «Вечернем звоне»? Рольф от прямого ответа на вопрос Честера уклонился, сказав, что о существе идеи говорить еще рано, хотя она, конечно, безумно интересна и, главное, полезна практически, и дело пока не в науке, а в ее финансовом и моральном обеспечении, но тут неожиданно для всех в разговор вмешался официант. Он тыком пальца в переносицу поправил очки и произнес скрипучим голосом:

— Извините меня, господа, особенно вы, господин профессор, но я тоже хотел бы знать, о каком эксперименте идет речь?

Это была, конечно, неслыханная дерзость.

Сначала все посмотрели даже не на официанта, а на Жоржа Ньютона, стоящего в другом конце зала в безмятежной позе, призывая хозяина тем самым к действию. Однако Жорж Ньютон, хотя и заметил возникшую за столом неловкость, виду не подал, что уловил обращенные к нему взгляды. Нелепая пауза затягивалась. Более всех шокированный Рольф Бейли, выждав минуту и стараясь подавить откровенное раздражение, произнес, не глядя на официанта:

— А вам, собственно говоря, какое дело, молодой человек?

Официант «молодым человеком» определенно не был, но его социальное положение в сравнении даже с Карелом Кахиней явно давало возможность профессору Бейли полагать его «мальчиком».

И тут случилось нечто, повергшее не только Рольфа Бейли, но и всех присутствующих сначала в необыкновенное изумление, а затем в истинный восторг: официант расстегнул фрак, двумя руками оттянул вперед обнажившиеся подтяжки, а потом отпустил их, треснув ими по своей выпуклой груди, что было всеми узнано как нечто родное и близкое, но как бы украденное из-под самого носа чужим человеком. После этого, насладившись эффектом, официант жестом фокусника, то есть движением левой руки справа налево, а правой слева направо, снял с себя шкиперскую бородку и одновременно щегольские усики, а затем, как чулок, лысину с головы, сбросил с переносицы темные очки и перед всеми предстали глаза, рот, шевелюра, нос и уши комиссара Дэвида Гарда — да-да, представьте себе, именно его! В другом конце зала, спрятав руки на груди и посмеиваясь, стоял владелец подвальчика Жорж Ньютон, а Карел Кахиня, не открывая рта и не двигая губами, то есть утробным горловым голосом произнес:

— Не-ве-ро-ят-но…

— Но факт, друзья мои, факт! — весело подтвердил Гард уже своим голосом, спокойно садясь в кресло между Валери Шмерлем и Фредом Честером. — Я очень проголодался, глядя на вас, дорогие мои. Прошу продолжать. Не обращайте внимания. Прошу вас, прошу! И добавлю к сказанному, что, к чести своей, вы, пользуясь моим отсутствием, почти не злословили в мой адрес, если не считать, конечно. Карела, назвавшего меня предателем…

— Фи, как мелко! — тут же сказал Кахиня. — Кто подслушивает, тот ничего приятного о себе не слышит!

— …и Шмерля, который нежно позаботился о моем благополучии, как родитель о своем ребенке, — продолжал Гард, не обратив внимания на слова Карела, а Шмерль плаксивым, но счастливым голосом воскликнул:

— Благодарю тебя, Дэвид, за доброе слово! Ты хорошо сказал. А еще лучше сделал, что подслушивал. Только так и можно определить, кто истинный друг, а кто мнимый! — И победоносно посмотрел на Кахиню.

— Вот именно, Валери! — подтвердил, улыбаясь, Гард. — Друзья, у меня есть тост. Позволите?

— Знаем! — сказал Карел. — Небось за Линду и Магдалину, поскольку нежная любовь к нашим женам — лучшее доказательство любви к нам?

— Нет, — поправил Гард, — на этот раз я подниму тост…

Но комиссара вновь перебили, и сделал это Честер:

— Сначала скажи, как это понимать?

— Что именно?

— Маскарад, Дэвид. Всю эту мистификацию в стиле пошлых детективных романов.

— Дэвид, вероятно, все еще под впечатлением убийства в «закрытой комнате», — предположил Клод Серпино. — Кстати, там действительно воспользовались магнитом? Не забудь рассказать потом, Дэвид, а то мы в полном неведении. А пока что я присоединяюсь к вопросу Фреда.

— Хорошо, — серьезно сказал Гард. — Дело, конечно, не в том таинственном убийстве, Клод. Я просто хотел вас слегка позабавить. Надо же как-то разнообразить вашу скучную жизнь!

— Меня ответ не устраивает, — заметил Честер. — Не хочешь — не говори, но не делай из нас болванов, Дэвид.

— Скажу, но позже, — отрезал Гард. — Друзья, а сейчас позвольте произнести тост… за меня! Не удивляйтесь, именно так, потому что мое присутствие здесь, среди вас — результат счастливого совпадения обстоятельств, благодаря которому вы, вместо того чтобы дружно идти за моим гробом, мирно сидите за этим столом и веселитесь. Итак, мои дорогие друзья, выпьем, черт вас всех побери, за жизнь, за удачу, за справедливость и за не самого худшего детектива в мире!

Гард первым и не без удовольствия опрокинул бокал, его примеру последовали все прочие. Минут через десять застолье, так неожиданно прерванное, благополучно покатилось дальше. Все говорили наперебой, голоса слились в общий гул, но вдруг в какой-то момент наступила пауза, одна из тех, которые образуются как бы сами собой, когда что-то осталось недоговоренным или когда иссякла общая тема. В такую минуту обычно прорезывается пошляк, который считает своим долгом провозгласить: «Ну вот, полицейский родился!» Никто, однако, на сей раз ничего не сказал, зато Гард, воспользовавшись паузой, подчеркнуто непринужденно и не повышая голоса, обратился к профессору Рольфу Бейли:

— Рол, а все-таки, что за эксперименты ты ведешь?

По совершенно непонятной причине вопрос прозвучал с неким подтекстом, и головы всех с интересом и ожиданием повернулись к профессору, на что Гард, вероятно, вовсе не рассчитывал. Рольф Бейли, в свою очередь, выглянул из-за колонны, чтобы увидеть выражение лица вопрошающего, но Гард был непроницаем, хотя всем было очевидно, что его вопрос при всей внешней безобидности таит в себе двойной, а может, и тройной смысл. Помолчав немного, профессор пососал свои сочные губы и с едва уловимым раздражением произнес:

— Я не хотел бы об этом, Дэвид. Сейчас. Здесь. Тем более что опыты почему-то приостановили. Надеюсь, временно. И надеюсь, из-за нехватки «живого материала».

— Кто приостановил?

— Как — кто? Руководство.

— Кто именно и когда?

— В четверг… Ты меня допрашиваешь, Дэвид?! — вдруг догадался Рольф Бейли. — Или просто интересуешься? — В его тоне уже было плохо скрываемое замешательство, хотя он и пытался выдавить на лице улыбку.

— А как ты думаешь сам? — тихо подлил масла в огонь Гард.

— Не знаю, не знаю… Потом, Дэвид, — сказал профессор и просительно добавил: — Если можно.

— Извини, Рольф, нельзя. Потом будет поздно. Ребята нас поймут. Я даже рад, что мы все в сборе. Так будет легче и тебе и мне. Извини, Рол… В самом деле: весь этот нелепый маскарад… Я не мальчик, и вы давно не дети… Дело куда как серьезно, Рол, ты уж меня извини.

Тут нам придется на время прервать повествование и, забежав на несколько часов вперед, парадоксальным образом вернуться назад — в Даулинг, чтобы проследить весь путь, который проделал комиссар Гард с того момента, когда он сел в вертолет, и до того момента, когда, уже в подвальчике «И ты, Брут!», примеривал перед зеркалом лысый парик, усы и шкиперскую бородку, говоря при этом своему старому знакомому Жоржу Ньютону:

— Ну как, похож?

— Вылитый гарсон, господин комиссар, ну просто вылитый!

22. ДНЕВНИК С КОММЕНТАРИЯМИ

Ночью, после того как закончилась вечеринка в «Бруте», Фред Честер сидел дома у Дэвида Гарда и внимательно изучал дневниковые записи своего друга, отражающие события четырех минувших дней. «Заготовки будущего отчета, — пояснил Гард, — который я намерен передать министру Воннелу, а копию — президенту, хотя и понимаю всю тщетность моих усилий». Время от времени, отрываясь от текста. Честер откладывал блокнот и задавал Гарду вопросы, на которые тот отвечал с показным выражением лени на лице и нескрываемым удовольствием в голосе: так маститый художник, признанный талант, дает пояснения к своим полотнам, одновременно презирая публику за не подкрепленный пониманием восторг и мысленно благодаря ее за суету и ажиотаж на вернисаже.

Комиссар был в махровом халате и шлепанцах на босу ногу. Несколько разомлевший после ванной, он полулежал на диване, мелкими глотками блаженно отхлебывая любимый стерфорд прямо из четырехгранной бутылки и поглядывая на экран телевизора, где молодое и нежное создание при выключенном звуке что-то пело, весьма грациозно передвигаясь по сцене и демонстрируя незаурядную пластику. Песня была, судя по бурной реакции зала, шлягерная: молодые люди вскакивали с мест, хлопали в ладоши, свистели, засунув чуть не всю пятерню в рот, и бесновались, но в квартире стояла благопристойная тишина. «Будет тебе издеваться над певицей, — сказал Честер. — Дай звук». — «Ни за что! — возразил Гард. — Так интереснее… Право, содержание этих шлягеров столь убого, что уж лучше не слышать слов вовсе. Я думаю, дорогой Фред, что именно по этой причине иностранные исполнители нравятся нам больше отечественных: они не выглядят такими идиотами, ибо поют на непонятном нам языке. Ты не согласен со мной?» Честер промолчал, внутренне признав правоту друга, и вновь углубился в чтение дневника:

«…По прибытии в Даулинг нам удалось вычленить людей Дорона и сесть им на хвост. К восемнадцати сорока пяти наши группы были задействованы, а одна, состоящая из четырех человек и возглавляемая сержантом Мартенсом, оставлена

мной в резерве…»

— Дэвид, что значит «удалось вычленить»? — спросил Честер.

— Вычленить — значит установить. Мы имели их фотографии, сделанные — помнишь? — Таратурой, когда они побывали у Дорона в кабинете. Вспомнил? Ну вот. В городе всего три приличных отеля, я подумал, что генерал поселил их всех вместе, в каком-то одном отеле, чтобы на крайний случай иметь все силы в сборе. И как только мы установили личность одного, по ней вскоре вышли на остальных… Это все, Фред, элементарное дело. Азбука сыскной работы. Читай дальше…

«…К двадцати одному часу мы утратили двоих из шести (?) бывших клиентов „Фирмы Приключений“, а именно Филиппа Леруа и Мишеля Асани. Их трупы удалось идентифицировать с помощью привлеченных к работе людей Гауснера и Фреза…»

— Филипп Леруа?! В Даулинге?! А как же тот, который был обнаружен с отрезанными кистями рук? Ну, записку от которого получил Ивон Фрез?

— Ты прав, записка действительно была от Леруа, он так и подписался. И потом мы обнаружили его в Даулинге. А кто был с отрезанными кистями рук, я до сих пор не знаю…

— Как же погиб Леруа?

— В автомобильной катастрофе, — сказал Гард. — А Мишель Асани повесился у себя дома в ванной комнате. Конечно, со следами насилия: синяки на руках и на теле. Не хотел, наверное. Странгуляционная борозда была не ярко выражена, мы шли по следам этих типов и были на месте через пять минут, вынули Асани из петли, и он умер у нас на руках из-за необратимых изменений в мозгу и в легких, так и не приходя в сознание… И у него и у Леруа пальцы рук оперированы… Очень все глупо получилось.

— Куда уж глупее! — подтвердил Честер. — Идти след в след и опоздать на минуты!

— Увы, мы воспользовались твоим предложением, помнишь? Тот шахматист, который хотел обыграть Ласкера, повторяя его ходы. Так вот, ни одной партии он не выиграл, да будет тебе известно. Мы нашли конец заметки, там было сказано почему: потому, что он опаздывал ровно на один ход, которого ему не хватало для выигрыша, но было вполне достаточно для того, чтобы проигрывать. Тебе ясно, Фред? С нами получалось то же самое. Тот, кто отстает на ход, безнадежно проигрывает. Это закон. Надо опережать! И вот их осталось четверо, если не трое…

«…Ночью, опередив людей Дорона, мы вышли на Билла Райта, но вновь потеряли его по собственной оплошности. Райт был убит в аптеке, принадлежащей некоему Жаку Бантье, торговцу наркотиками…»

— Здесь слишком лаконично, — сказал Честер. — Кем убит? Почему? Тем более, если вам удалось обнаружить его раньше Дорона?

— Я недооценил генерала, — ответил Гард. — И переоценил своих временных союзников, людей Фреза и Гауснера. Понимаешь, в группе, работающей против Райта, а если выразиться точнее, то «за» него, были два моих человека и один Гауснера, некий Рафаэль. То ли имя, то ли фамилия, то ли кличка — до сих пор не знаю. Собственно, этот Рафаэль и нашел Райта, и нашел довольно логично: Билл Райт был у них «специалистом» по наркотикам, и Рафаэль предположил, что, даже изменив обличье, он не изменит ремеслу и старым привычкам жить богато и расточительно. Это было попаданием в точку. Рафаэль связался с Христофором Гауснером и получил разрешение выйти на связь с аптекарем Жаком Бантье — он у них, как бы лучше выразится, резидент в Даулинге по наркотикам.

— Они рискнули открыть тебе этого человека?! — воскликнул Честер.

— В том-то и дело, что рискнули, и я поверил! Клюнул на удочку, развесил уши, никак не подстраховав операцию. Мне бы засомневаться! Впрочем, какое-то чутье, потому что внешних причин и оснований у меня решительно не было, все же заставило меня ввести в группу захвата сержанта Мартенса и к тому же самому возглавить операцию. Причем, если бы не Мартенс, эту историю тебе рассказывал бы сегодня инспектор Таратура со слов «очевидцев», а я вместо вечеринки попал бы в тот гроб, о котором говорил во время тоста, и ты бы шел за мной, делая вид, что не переживешь такую потерю.

— Ты перестал реально мыслить, Дэвид, — сказал Фред. — Типичная старческая сентиментальность.

— Ничего себе! Хороши сантименты, когда в тебя целят из пистолета, но выстрел друга звучит на мгновение раньше, чем выстрел врага! Другое дело, я несколько преувеличил твое возможное горе, но и это не сентиментальность, а всего лишь комплимент в адрес старого товарища.

— Хорошо. Извини. Я слушаю. Итак, вы отправились, по-видимому, к аптекарю?

— Да. Это было ночью, уже под утро. Нас было трое: Мартенс, Рафаэль и я.

— А Таратура?

— У него было другое задание, но об этом позже. Там все написано. — Гард кивнул на блокнот с дневниковой записью.

— А что в аптеке?

— Этот Жак Бантье оказался человеком неправдоподобной полноты, причем самое удивительное состояло в том, что он был толст не как все нормальные толстяки, а в… высоту! Ты можешь это представить?

— Имеет отношение к делу?

— Ровно никакого! В отчете Воннелу и президенту Кейсону я об этом, конечно, не помяну ни единым словом, но ведь ты, кажется, литератор… Ладно, черт с тобой, как всем страстным любителям детективов, тебе подавай голый сюжет! На! Мы явились ночью в аптеку, и в ответ на звонок колокольчика при входе Бантье открыл нам дверь. Вид его был, разумеется, недовольный, особенно когда Рафаэль сказал: «Привет от Поля», — по-видимому, их пароль. Короче, аптекарь пропустил нас в

небольшую комнату без окон, расположенную позади прилавка, заняв собою чуть ли не одну ее треть, а остальное оставив нам. В глазах его было тем не менее подозрение, но пароль есть пароль. Он сказал: «Груз будет только утром, придется вам подождать до первого завтрака».

Тогда Рафаэль ответил, что нас интересует не «груз», а Билл Райт. Тут уж Бантье совсем разозлился, но Рафаэль произнес слова второго пароля, позволяющего, вероятно, перейти на более высокий уровень доверительности. Он сказал: «У хозяина вода в коленке, нужно подлечить». На это Бантье заметил, что ему плевать и на воду в коленке, и на Билла Райта, и на «хозяина», и если угодно, он отдаст все на свете, только чтобы его не будили среди ночи и не мешали спать. С этими словами он вывел нас из комнаты и повел по коридору, что-то ворча себе под нос, пока перед нами не возникла дверь, обитая железными листами, как будто это была дверь в бункер. Бантье постучал условным сигналом, но вместо двери открылся «глазок». «Билл, — сказал аптекарь, — к тебе, по твою душу!» — «Кто и от кого?» — спросил из-за двери мужской голос. Тебя устраивает, как я рассказываю, Фред? Ты этого хотел?

— Продолжай, Дэвид.

— Бантье ответил: «От „хозяина“, а кто — не знаю, хотя „документы“ в порядке. Сам посмотри». Человек за дверью, а это был Райт, у меня уже слюни текли по подбородку, увидел в «глазок», вероятно, Рафаэля, и сказал: «Это ты, Раф?» — «Я», — ответил Рафаэль. «В чем дело?» — «Хозяин передает, что тебе грозит опасность, и если ты хочешь жить, доверься мне и этим людям, которые пришли со мной». — «Какая опасность?» — спросил Райт, и я виню себя, потому что осторожность гангстера не передалась мне, хотя бы частично, ведь он нутром своим ощущал подвох, я же продолжал хлопать ушами. Билл Райт лучше меня знал мир, в котором ему оставалось жить не более минуты. «Ладно, — сказал он после секундного колебания. — Сейчас оденусь». Через минуту послышался лязг отодвигаемых засовов, и дверь отворилась. Я увидел относительно молодого человека, лет тридцати пяти, с лицом, как бы тебе сказать, «чужим». Понимаешь, к его атлетической фигуре, мощным рукам, сильному голосу шло совсем другое лицо, более мужественное, высеченное, как говорят в таких случаях, топором, а не женственное, какое предстало передо мной. Как если бы картину, нарисованную легким и изящным Моне, засадили в тяжелый с золотом багет. Пластическая операция, по-видимому. Итак, дверь открылась, и в ту же секунду, разделенные одним мгновением, прозвучали два выстрела, я ничего не успел сообразить, а только увидел, как рухнул в проеме двери Билл Райт, а среди нас на полу корчился…

— Аптекарь?

— Нет, Фред, не аптекарь, он сам растерялся не хуже моего. Корчился Рафаэль! А стрелял в него Мартенс! Я кричу ему: «Ты в своем уме?! Что ты наделал?!» А он: «Комиссар, вторым выстрелом этот негодяй убил бы вас…»

— Ничего не понимаю! — воскликнул Честер.

— А что тут понимать? В тот момент, правда, я тоже был потрясен до основания, а все же сообразил: Дорон! Он вновь обошел меня на повороте, он прекрасно знал, что я иду по следу, и нашел лучший способ борьбы со мной: перекупил у меня исполнителя! Не знаю только, на что рассчитывал Рафаэль, этот самоубийца, но,

вероятно, сумма, полученная от Дорона или обещанная им, избавляла его от комплексов и от страха за свою жизнь. Он рискнул. И проиграл. Но я проиграл тоже! Так мы потеряли не только Билла Райта, третьего из шестерки, но и доверие к людям Гауснера и Фреза. Правда, в то же утро я позвонил из Даулинга обоим главарям мафий. Я сказал им по телефону открытым текстом: если меня продают ваши люди, я не гарантирую вам того, что обещал во время «подписания договора». В самом деле, какого черта я должен мириться с почти легальным существованием перевалочной базы наркотиков под носом у моих коллег в Даулинге? Почему я не могу передать этого квадратного резидента Жака Бантье в руки властей?

— И что они?

— Что! Вроде бы растерялись. Приносим, мол, извинения. Разберемся. Мы тут, мол, не виноваты: эксцесс исполнителя! — есть такой термин в юриспруденции. Грамотные! А Гауснер даже по телефону, как я понял, чувствовал себя недурно: как-никак, а племянница — жена президента!.. Но я что-то слишком разговорился. Читай дальше, Фред, там все написано.

— Хорошо, читаю. Но тут нет ни слова о нашем профессоре, он далек от этих событий, как Сириус от Земли!

— Ну и до Сириуса, быть может, когда-нибудь долетят! А вот избавимся ли мы когда-нибудь от доронов и гангстеров?.. Впрочем, все это философия. Читай дальше.

«…Местонахождение Джона Валонте, Фредерика Греля и Аль Почино, — вернулся к дневнику Честер, — в течение следующих суток установить не удалось, хотя определенно не исключалось, что они в Даулинге: группы генерала Дорона не уезжали и продолжали свою деятельность, что и было главным аргументом для такого вывода. Но в середине второго дня пребывания в городе мы вдруг потеряли людей Дорона. Нам стало известно, что они в полном составе покинули отель…»

— Вернулись домой? — спросил Честер.

— Если бы! Единственное, что мне удалось установить, — что границу они не пересекли. Читай, читай!

«…На блиц-совещании я высказал предположение, что люди Дорона остались в Даулинге, однако по отношению к нам перешли на нелегальное положение, чтобы из преследуемых стать преследующими…»

— Не понял.

— Объясню. Дорон, вероятно, посчитал мои шансы найти оставшуюся троицу большими, нежели свои, и предпочел ссадить меня со своего хвоста, чтобы сесть на хвост мне. Мы поменялись ролями. Если взять твою аналогию, я стал Ласкером, а Дорон — тем шахматистом, который повторял ходы гроссмейстера.

— Стало быть, один ход ты теперь выигрывал?

— В том случае, если бы имел шанс обнаружить цель! Но как?! Признаться, Фред, у меня даже возникла идея вообще прекратить поиск. При этом варианте сохранялись три жизни, если к тому времени их действительно было три. Но, отказавшись от поиска, я тоже ничего не получал! Что бы сделал на моем месте ты, дорогой Шерлок?

— Я скорее доктор Ватсон, — улыбнулся Фред. — Но положение действительно скверное. Однако я не поверю, чтобы ты ничего не придумал.

— Увы, ничего! Помог Его Величество Случай, при условии, конечно, что Случай помогает только тем, кто достоин его помощи.

— Ты, как всегда, весьма скромен относительно своих способностей, Дэвид.

— Не торопись с уничижительными выводами, Фред. Напомню тебе слова моего незабвенного Альфреда-дав-Купера: «Если вас что-то уводит от цели в сторону, прямо противоположную той, куда вы шли, идите как можно быстрее по новому маршруту, ибо это единственная возможность прийти к искомому, но с другой стороны!» Вот так, дорогой, я всего лишь прилежный ученик своего гениального учителя. А теперь читай дальше, а я сварю себе свежий кофе.

Гард прошлепал на кухню, а Фред перевернул новую страницу дневника. Скоро по квартире разнесся вдохновляющий запах поджаренного кофе: комиссар использовал кубинский рецепт приготовления, предусматривающий предварительный подогрев и прокаливание кофейных зерен, после чего шла помолка, уж потом варка самого напитка.

Фред тем временем читал:

«…В течение ближайших после совещания четырех часов мы получили письмо от Джона Валонте. Он сам искал меня, решив, вероятно, что опасность, исходящая от Дорона, больше той, что исходит от полиции и официальных властей. В письме было сказано, что, узнав о моем пребывании в Даулинге, Валонте хотел бы со мной встретиться, но просил гарантий, без которых не намерен отдавать себя в мои руки. И предупреждал, что я сам искать его не должен, все равно дело это, мол, безнадежное. Гарантии он требовал относительно своих старых грехов; я, конечно, без колебаний готов был дать их, но более в письме ничего не было. Кроме одного: адреса, по которому мне надлежало в течение часа дать ответ. Главпочтамт, доска объявлений, третий сектор…»

— Это его и сгубило, — сказал, входя в комнату с двумя чашечками кофе в руках, Гард. — Этот дурацкий «обратный адрес», хотя мы с Мартенсом сделали все, чтобы уберечь Валонте от гибели.

— Как, и его?..

— Увы. Я немедленно поместил ответ в третьем секторе на доске объявлений на Главпочтамте и расставил своих людей в зале, где только возможно. Кроме них, кажется, там вообще никого больше не было: я задействовал даже резерв в полном составе! Мы тщательно следили за каждым, кто подходил к доске объявлений, и узнали Валонте только по тому, что он вдруг рухнул замертво возле злосчастного

третьего сектора. Пуля была послана из бесшумного пистолета с расстояния примерно тридцати метров. Кем? Откуда? И как убийца вычленил Джона Валонте? Всего этого я не знаю, и даже не догадываюсь до сих пор. Представляешь, глубокий старик с шаркающей походкой, седой, лысый, с беззубым ртом, — он здорово загримировался для своих тридцати шести лет, этот Валонте! Не помогло. Тот шахматист, отставая на один темп, все же выиграл у Ласкера партию…

— Непостижимо!

— Не то слово, Фред! Я чувствовал себя так, словно меня элементарным образом обокрал начинающий мелкий воришка! Словно меня завалили на экзамене по любимому предмету, в котором я разбирался лучше экзаменатора, причем завалили самым примитивным вопросом! Словно у меня увели любимую женщину прямо со свадьбы, в подвенечном наряде, и сделал это урод, бездарь, глупец, не годящийся мне в подметки! И она пошла за ним, потому что каким-то странным образом прозрела и вдруг поняла, что бездарь как раз я!

— Стоит ли так уничижаться? — сказал Честер. — Возьми себя в руки, Дэвид, успокойся, тем более что в конечном итоге на коне оказался все же ты…

— Во-первых, очень дорогой ценой. Во-вторых, еще неизвестно, оказался ли, — горько возразил комиссар. — Да, не забыть: при осмотре трупа мы обнаружили на запястье, вот в этом месте, татуировку, содержащую две буквы, исполненные в виде монограммы: «БР». Знаешь, есть татуировки как бы «штучные», исполняемые ручным образом, а эта — как печать, была поставлена одним нажатием. Две буквы сиреневого цвета, с виньетками и красивостями, как у провинциального пижона. Эта метка мне уже была знакома, она неизменно оказывалась у тех, кто погиб, скажем, в «автомобильной аварии», и кого, соответственно, не могли «подретушировать». Но впервые я увидел ее раньше, гораздо раньше! Именно эти две буквы присутствовали в пасьянсах несчастного Барроу…

— Клеймо?

— Само собой разумеется! Клеймо, каким метят скот… Но смысл этих двух букв ускользал от моего понимания, хотя ответ был так близок и, можно сказать, осязаем.

— Осязаем? Что это значит?

— Тебе никогда не написать приличного детективного романа, Честер. Ты торопишься к результату, а он должен по всем законам жанра, словно горизонт, удаляться по мере приближения к нему — вот так.

Гард замолчал и оглянулся на экран телевизора, где вместо одной красотки в полной тишине пела и двигалась уже целая группа одинаково одетых, одинаково улыбающихся и совершенно одинакового роста девиц, имеющих одинаковое выражение лиц, словно все они были сделаны по одному шаблону одной мамой, одним папой и одним парикмахером. А может быть, просто клонированы генно-инженерным способом…

Кофе определенно получился, Гард умеренно подсолил его по тому же кубинскому рецепту, что придало напитку изыск, хотя Честер и не был гурманом. Сделав глоток, он слегка поморщился и вдруг сказал:

— Дэвид, тебе пора иметь в доме хозяйку.

— Разве пересолил? — улыбнулся Гард. — Нет, уж лучше иметь исправную кофеварку, старина! И вообще, брось эти разговоры, они в пользу бедных. Достаточно твоего примера, чтобы отбить охоту даже не у такого закоренелого женоненавистника, как я, а у молодого, полного сил павлина, жаждущего семейной жизни. Который час? Три? К пяти нам следует быть в подземной тюрьме управления, в девять утра повидаться с Рольфом Бейли. Скоро пресс-конференция, ты не забыл?

— В тюрьму?! Это еще зачем?

— Увидишь. Небольшой сюрприз. Еще одна мистификация, Фред. И не опоздать бы к Ролу, я не хочу, чтобы он ждал, ему сейчас нелегко. Мы пьем кофе, а он дует сигарету за сигаретой и размышляет о смысле жизни. Сегодняшняя ночь у него, бедняги, бессонная. Но главную помощь от тебя я жду на пресс-конференции, она будет во Дворце правосудия, все газеты должны быть оповещены часа за два. И телевидение. Непременно телевидение! Пусть все будет живьем! Если хочешь, Фред, плюнь на дневник, я доскажу тебе своими словами.

— Нет, так интереснее. С комментарием.

— Ты еще ищешь во всем этом «интерес»? Эта история полна печали и человеческой трагедии, а ты…

— Уймись, Дэвид. Ты забываешь, что я не сторонний наблюдатель, а некоторым образом участник событий.

— Ты имеешь в виду покупку «приключения» с гарантией? Детский лепет в сравнении с тем, что выпало на долю бывших гангстеров, ставших клиентами фирмы не по своей воле. Неужели не понимаешь?

— Нет, Дэвид, понимаю, но… Я еще не убежден до конца в твоей правоте, если иметь в виду возможную правоту Рольфа, которого еще нужно выслушать!

— Тогда ты такой же мерзавец, как он!

— Я?! Благодарю. Удружил, ничего не скажешь… И как просто ты выносишь приговор! Достаточно с тобой не согласиться — и получай: подонок! Как будто в жизни все однозначно! Но ты не утруждаешь себя размышлениями. Не хочешь утруждать. Для тебя черное — черное, а белое — белое. Увы, Дэвид, даже у тех людей, которые поступают вопреки нашему с тобой желанию и нашим с тобой принципам, есть своя правда. Есть, есть, есть, ты не можешь этого не признавать, как и того, что отсюда и происходят все истинные сложности в жизни! Вспомни Коран: «Все будет так, как должно быть, даже если будет наоборот!» Наоборот, Дэвид! — это еще не значит, что «плохо», а значит, что — не так, вопреки, по другим законам, выведенным из других условий жизни и других «правд»! Не зря мудрецы говорили, что истину надо искать не у разума, а у абсурда!

— Посмотрите-ка на этого доморощенного философа — всепрощенца, готового даже преступление оправдать какими-то эфемерными «правдами» жизни! Ты их видел, эти «правды»? Щупал? Нюхал? Или они существуют лишь в твоем воспаленном воображении? Ты меня Кораном, а я тебя — Ларошфуко: «С великими страстями обстоит так же, как с привидениями: все о них говорят, никто их не видел». Твои «правды» тоже!

Они помолчали, надувшись и громко сопя. Первым взял себя в руки Гард:

— Ладно, — сказал он, — черт с тобой, мы не на предвыборном митинге и не на философском диспуте, посвященном социально-психологическим причинам преступности. Пей кофе, смотри телевизор и читай дневник. Возможно, твои мозги устроены иначе, чем мои, но мы ведь не зря с тобой дружим так много лет. Какое-то общее представление о добре и зле у нас, надеюсь, должно быть?

Гард повалился на диван так, что тот застонал, и мрачно уставился в потолок. Честер хотел было оторвать друга от тяжких, как ему казалось, размышлений, но передумал и повернул очередную страницу блокнота:

«…После смерти Валонте мы находились в ожидании неизбежного: гибели оставшихся Фредерика Греля и Аль Почино. Их конец был как бы запрограммирован самим ходом событий и казался мне напрямую зависящим от моей активности: чем более я активничал, тем меньше шансов у них было. На новом совещании с моими сотрудниками я предложил резко изменить тактику…»

— Что значит «изменить тактику»? — спросил Честер.

— Там написано, — вяло ответил Гард. — Я решил: все! Хватит! Никаких погонь и преследований! Я и все мои люди должны выключиться из работы, лечь на дно и замереть. Иначе мы потеряем последнее, что пока имеем: двух клиентов «Фирмы Приключений».

— Ну?

— Что «ну»? Это же не означало отказа от борьбы… На новые рельсы!

— Подкуп? Шантаж? Телепатия? Звонок Господу Богу?

— Я бы и на это пошел, если бы знал телефон небесной канцелярии… Увы, Фред, мне было известно только, что я не должен делать, а что должен — кромешная тьма! И тут, представь себе, ко мне является в отель некий господин весьма подозрительного вида и говорит, что прислан Гауснером. На ловца и зверь бежит! «Мне, — сказал он, — доподлинно известно, что вы — комиссар Гард, а для того, чтобы вы не сомневались, что я от Христофора Гауснера, прошу вас, _введите меня в курс дела_». Ты знаешь, как я люблю все эти игры в пароли и отзывы, но я ответил в точном соответствии с ранее достигнутым соглашением, чтобы у него действительно не было сомнений в том, что я — это я: «_Много будете знать, скоро состаритесь_». После этого он вручил мне клочок бумаги. Там были какие-то цифры, вероятно, закодированное письмо и чей-то адрес. Я спросил, что это? Посланец ответил: записка от Гауснера, но не вам, а человеку, которого можно найти, пользуясь адресом. Кого же? Аль Почино! Где? Да здесь, в Даулинге! У меня даже потемнело в глазах… Впрочем, подумал я, логика тут есть. Гауснер наверняка ощутил себя виноватым, поскольку его человек меня предал, погубив Филиппа Леруа. Исправляя ошибку, Гауснер как-то добыл сведения об Аль Почино, как — не знаю, это белое пятно в моем рассказе, тем более что Гауснера я еще не видел, а если бы и увидел, он, уверен, не станет посвящать меня в свои тайны. Дал ниточку к Аль Почино — и на том спасибо. И тут я понял, что пора включать в дело Таратуру!

— Признаться, я уже забыл о его существовании.

— И Дорон, я надеялся, тоже! Помнишь, с того момента, как инспектор наклеил рыжую бороду и сел в кресло второго пилота, чтобы лететь в Даулинг вместе с Диной Ланн, о нем никто больше не говорил ни слова и он сам не подавал признаков жизни. Мы все были как бы осыпаны мечеными атомами, а он — он чист, как стеклышко! И вот пришла пора вводить его в дело, тем более что, оказавшись вне нашего пекла, он попал в свое, а потому не утратил боевой формы: ему приходилось стеречь Дину Ланн от Дорона — тоже фронт, но, как говорят, другой участок…

— Ты уже рассуждаешь как Наполеон.

— Мне бы его треуголку! — Гард вскочил с дивана. — Фред, теперь только начинается самое главное! Хотя тоже не до конца объяснимое… Что я знал? Я знал, что Дорон глаз не спускает с этой синеглазой красавицы Дины Ланн и с ее помощью хочет взять под контроль президента Бакеро, ее будущего супруга. Пока еще, правда, жениха, но это дела не меняет. Теперь представь себе Кифа. Молодой, умный, честолюбивый, дорвавшийся до диктаторской власти, причем совершенно для себя неожиданно и необъяснимо, то есть без моральной к тому подготовленности, — это ли не драматургия?

— Шекспира бы сюда! — улыбнулся Честер.

— Ты напрасно иронизируешь, — продолжал Гард. — Киф Бакеро получил волшебный подарок, не представляя себе и даже не догадываясь, кто его «добрый волшебник». Легко ли в этих условиях справиться с собой, чтобы разумно управлять вдруг открывшимися возможностями, по сути дела безграничными?

— Вариант современной «золушки»?

— Да! В истории Кифа Бакеро воплотилась в реальность извечная мечта маленького человека вдруг проснуться сильным, не имеющего власти — могущественным, бездарного — гениальным, безвестного — знаменитым, несчастного — счастливым, и так далее и тому подобное. Это тяжесть в несколько тысяч нравственных атмосфер, которая ложится на плечи человека!

— Пожалуй, ты прав.

— И тут, представь, возникает рядом Дина Ланн и в ближайшие полчаса после прилета раскрывает жениху все карты, не скрывая от него даже то, что она сама грубо завербована генералом Дороном! Обвал! Все рушится в глазах Кифа Бакеро — ты понимаешь его состояние?

— Могу попробовать.

— Он — глава государства и в то же время не глава государства: Фишка! Марионетка! Компьютерная описка! Сон кончился… И вот я, разложив в уме весь этот психологический пасьянс, стал думать: что делать, как использовать ситуацию? С одной стороны, зверское убийство О'Чики, истинного кандидата в президенты, и вознесение Кифа Бакеро в президентское кресло в прямой связи с «варфоломеевской ночью», устроенной генералом Дороном, вроде бы не было. С другой стороны, однако, в моей воле и в моих возможностях их накрепко связать, потому что все это было работой Института перспективных проблем,

возглавляемого тем же Дороном: политика — как бы основная продукция ИПП, возня с гангстерами на «Фирме Приключений» — как бы ширпотреб. Если так, в борьбе против Дорона я должен делать Дину Ланн и Кифа Бакеро не просто своими союзниками, а козырями, причем очень сильными, — так? Скажи, Фред, так или не так?

— Не знаю, Дэвид. Откровенно говоря, попахивает шантажом, а на кой нам черт высокие цели, достигаемые низменными способами?

— Ах вот как ты заговорил! Ты хочешь, чтобы я одолел убийцу и бандита, подонка и безнравственного мерзавца, надев белые перчатки и боясь испачкать их его соплями? Предварительно сделав маникюр и покрасив ноготочки лаком?

— Извини, Дэвид, я, вероятно, что-то не то сказал?

— То! Именно то! — закричал Гард. — А потом мы ломаем голову, не умея понять, почему зло так часто побеждает добро. Да потому, что оно с кулаками, а добро — с маникюром!

— Но другого добра не нужно, — упрямо сказал Честер. — Оно перестает быть добром, если надевает боксерские перчатки.

— Врешь! Это старый спор, и решается он не философствованием за чашечкой кофе, а дракой на открытом ринге! Решается в борьбе, цена которой — жизнь или смерть! Пойми, слабый ты человек, что любыми способами я должен был, борясь с Дороном, получить Кифа Бакеро в качестве своего верного союзника, способного заговорить, когда будет нужно, и заговорить громко!

— Таким же союзником ты рассчитываешь сделать Рольфа Бейли?

— Он мой враг! — резко сказал комиссар. — И твой враг! Не союзник! Но не торопись, Фред, дойдет дело и до него. Пока вернусь к Таратуре. Сегодня они прилетают с Диной Ланн из Даулинга, за полчаса до начала пресс-конференции, я просто не хочу ею напрасно рисковать. Так вот, я не знаю пока, каким образом сделал Таратура то, что от него требовалось, но знаю другое. Киф Бакеро на нашей стороне, о Дине Ланн я уже не говорю.

— Чудеса, да и только! Особенно вознесение Бакеро. Как в кино.

— Кому-кому, Фред, но тебе должно быть известно: даже в плохих детективах авторы тратят весь свой талант, пусть даже измеряемый микронами, на то, чтобы связать концы с концами и все объяснить. Но в реальной жизни факты как раз часто не увязываются и не объясняются. Полно нелогичностей, «белых пятен». Так что ты ошибаешься. В кино чудес не бывает, они бывают в жизни!

— Переходи к Рольфу, — сказал Честер.

— Погоди, разве Аль Почино тебя не интересует? По адресу, так счастливо мною полученному, направился, как ты понимаешь, инспектор Таратура, причем один, даже без подстраховки, чтобы вообще никто ничего не мог заподозрить. И представь себе…

— Увидел Аль Почино? — без энтузиазма, словно ему рассказывали сказки, произнес Честер. — Так, что ли?

— Не совсем так, но в конечном итоге — да! Увидел! Аль Почино! И передал

ему записку Гауснера. И матерый гангстер, представь себе, как бычок на заклание, покорно последовал за Таратурой. И инспектор привез его в обусловленное место. И я переговорил с Аль Почино накоротке, отложив большой разговор на потом. И, переодев его, тщательно загримировав, привез сюда! И теперь берегу как зеницу собственного ока! Вот где теперь у меня генерал Дорон! — Гард поднял вверх кулак со сжатыми до побеления пальцами.

— Невероятно!

— Перехожу к Бейли, — успокаиваясь, сказал комиссар. — Когда я увидел у Аль Почино ту же татуировку из двух букв, я спросил, что они означают. Увы, к этому времени я уже догадывался, каким будет ответ… Аль Почино был со мной откровенен, как забеременевшая дочка со своими родителями, когда факт беременности уже не скроешь. Девочка называет соблазнителя, а Аль Почино назвал имя человека, который изменил не только его внешность, но всю его жизнь: Рольф Бейли! Наш тщеславный «друг», ученый профессор, как великий художник на великих творениях, оставлял на людях, побывавших в его руках, факсимиле, две буквы: «БР» — Бейли Рольф! Он гордился своими «произведениями», он запечатлевал свое имя, представь себе, не для суда, а для истории, думая, что в историю можно войти и через Дворец правосудия! Именно так оно и выйдет, Фред, я это твердо обещаю: он станет так же печально известен, как Герострат!

— Рольф твой друг, Дэвид, — тихо сказал Честер.

— Извини, но истина мне дороже.

— Объясни, по крайней мере. У меня все плывет в голове. Я готов смириться со всеми твоими «белыми пятнами», но Рольф! — при чем он тут? Какое отношение он имеет к бывшим гангстерам?!

— Вот! — воскликнул Гард. — Мы наконец подошли к тому, что называется «сведением концов с концами»! Который час? Четыре? Одевайся. Поехали. Нас ждут…

23. ДВА МЕСЯЦА УЖАСОВ

— Оставь надежду, всяк сюда входящий! — прошептал Честер, когда за ним и Гардом задвинулась двойная, перегораживающая тюремный коридор, стальная решетка.

Для комиссара Гарда она была столь привычна, что он не сразу понял, о чем говорит Честер, а когда понял, удивился: насколько все же литературны представления о жизни истинных интеллигентов!

— Аль Почино, например, глядя на эту решетку, — сказал Гард, — наверняка подумал о ее надежности, как и о надежности засовов и неподкупности охраны; обо всем, от чего сегодня зависит его безопасность и жизнь.

— Ты преувеличиваешь, — не согласился Честер. — Нормальный человек так думать не может, потому что нормальный человек должен всего этого бояться, а не надеяться на решетки…

Более спорить Гард не стал.

Их шаги гулко отдавались в подземных тюремных коридорах. Впереди, со связкой ключей, шел охранник. Затем они миновали турникет.

— Между прочим, если бы мы шли без сопровождающего, — сказал Гард, — повсюду уже выли бы сирены:

— Да? А я не заметил фотоэлемента, — признался Честер.

— Его здесь и нет. В эту часть тюрьмы турникет пропускает беззвучно всего несколько человек, в том числе нашего сопровождающего. А подделать устройство, которое включает и выключает сирену, нельзя, потому что этим устройством является наш проводник.

— Каким образом?

— Этого даже я не знаю.

— Но мы же прошли за ним!

— Потому что с диспетчерского пункта сюда дали команду: пропустить за проводником двоих!

Честер поежился.

— Пришли, — сказал сопровождающий, останавливаясь. — Он здесь.

— Подождите. — Гард остановил его руку с ключами и заглянул в глазок камеры.

Аль Почино не спал, хотя и лежал на спине: его обращенное к Гарду в профиль лицо напоминало горный пейзаж, таким крупным и массивным был нос, такими выпуклыми надбровные дуги; в глубоком провале глазниц, в резких морщинах лба и щек лежали густые тени. Глаза были открыты и неподвижны. Аль Почино можно было дать за шестьдесят, хотя в действительности он был лет на пятнадцать моложе.

Звук отпираемой двери мгновенно поднял его на ноги. Он вскочил, побелел лицом, но, увидев Гарда, успокоился. Комиссар без лишних слов протянул ему пачку сигарет. Аль Почино жадно затянулся дымом. Проводник понимающе вышел из камеры.

— Кто с вами, комиссар? — спросил Аль Почино, глазами указав на Честера.

— Фред Честер, — сказал Гард. — Мой друг. Журналист. Волноваться не надо.

— Или вы их, комиссар, укокаете, или они укокают меня, — хриплым голосом проговорил Аль Почино, горько усмехнувшись. — Между прочим, и вас заодно.

— Не будьте пессимистом, — мягко сказал Гард. — Ну, начнем по порядку?

— Раньше я мог с улыбкой ходить по карнизу сотого этажа, — прохрипел Аль Почино, — сейчас меня пугает шорох мышей. Кстати, здесь они есть.

— Паршиво, — сказал Гард. — Нужно будет травить… Гауснер дал вам какие-нибудь инструкции относительно меня?

— В каком смысле? — не понял Аль Почино.

— Я имею в виду записку, содержащую цифровой код.

— Не беспокойтесь, комиссар, я и без Гауснера расскажу вам все. Вот где они у меня сидят! — Он ткнул кулаком в область живота, где у него была печень.

— Кто «они»?

— Это уж вы сами разбирайтесь. Они мне не представлялись. Откровенно сказать, я никогда не думал, что мне придется плакать комиссару полиции в жилетку и что вообще придется плакать. — Он переменил позу, и кровать затрещала под его большим телом. — Все началось… рассказывать, комиссар?

— Да-да, говорите.

— Все началось, когда я пришил этого Пикколи. Идея была не моя, а чья — знать вам не обязательно, вы уж меня извините, мой шеф ничуть не лучше их…

— Я понял, — сказал Гард, — и не настаиваю. Один попутный вопрос: откуда взялся магнит и, вообще, к чему такая экзотика?

— А это уж вы моего шефа поспрашивайте, с кем он шашни ведет и к чему подбирается… Наша забота маленькая: приказано — сделано.

— Гм… Ну ладно. Интересно только, почему вы так озверели.

— Как озверел?

— Столько ножевых ранений! Хватило бы и одного.

— А-а-а, это! Потому, что Пикколи, тварь поганая, крыса, когда я доставал из его кармана ключи от сейфа, очухался от первого удара и тяпнул меня за палец. Укусил, понимаете? Вот я немного и погорячился — не люблю, понимаете? А то бы он у меня отплыл тихо и нежно. В остальном работа была чистая. Кто бы мне ни придумал эту штуку с магнитом, он — голова! Ушел я тоже незасвеченным.

— Знаю, — сказал Гард. — Еще один вопрос, на который, если хотите, можете не отвечать. Вы пришли в квартиру вместе с Мишелем Пикколи?

— Нет, комиссар. Я ждал его там.

— Что было дальше?

— Все сделал как надо и ушел домой.

— Выпили на дорогу?

— Это рюмочку стерфорда? Вообще-то я на работе не пью. Тут чего-то захотелось… Только пришел домой, только собрался позвать для отдыха свою крошку — звонок в дверь. У меня даже сердце не екнуло — вежливый такой звоночек, деликатный. Отпираю. Стоит на пороге типчик в черных очках и с портфелем. Извините, говорит, мне надо с вами побеседовать, чтобы уберечь вас от беды, — примерно так сказал. Если бы это была полиция, я бы знал, что делать, а тут я малость обалдел. Втащил этого типа за грудки: а ну, выкладывай, кто ты, откуда? Он так обиженно посмотрел на меня, поправил галстучек: гляньте, говорит, на фотографии, пожалуйста, они вам все объяснят. И веером их мне на стол. Мамочки! Я — с магнитом у дверей этой крысы-антиквара! Я — запирающий эту дверь! Я — возле Пикколи! Откуда они только снимали, не пойму, телевиком через окно, что ли? Словом, полная для меня газовка, если снимочки попадут к вам. А он и говорит: мы можем вас погубить, но можем и спасти, если подпишете контракт…

Какой, говорю, контракт?! С фирмой, говорит, приключений, пару месяцев у нас поработаете, и учтите, что заколка в моем галстуке транслирует весь наш разговор, так что ведите себя смирно… Знаете, комиссар, я никогда не терялся, а тут… Взмок так, что все тело зачесалось! А он продолжает вежливенько: что, мол, за работа вам предстоит, вам знать не надо. Во-первых, мы хорошо за нее заплатим, во-вторых, так спрячем вас после ее завершения, что не только полиция, Гауснер вас не найдет.

— Но все же нашел? — перебил Гард. — Как он узнал ваш адрес, вам известно?

— Спросите о чем-нибудь полегче, комиссар.

— Ладно, дальше.

— И говорит: вы, говорит, исчезнете и начнете новую жизнь, это тоже одно из наших условий. Вы хотите, мол, узнать, сдержим ли мы свое слово? Придется поверить: сдержим! Вот аванс, а еще, говорит, скажу вам откровенно, чтобы вы убедились в нашей честности… Честности, комиссар, как вам нравится!.. Так вот, говорит, работа смертельно опасная, трудная, выживете вы или нет, зависит от вашей силы, ловкости, воли, обычно такие, как вы, выдерживают, но не все… Короче говоря, если я подпишу контракт, у меня будет равное количество шансов стать трупом или с хорошими деньгами и документами в кармане начать жизнь с новой страницы. А не подпишу, они отдадут меня в руки правосудия, и меня, без сомнения, казнят, уж тут гарантия стопроцентная, причем на Гауснера мне рассчитывать нечего, потому что их организация много мощнее…

— Он? — Гард показал Аль Почино фотографию, вынув ее из бокового кармана пиджака.

— Точно, комиссар! Этот! С бородавкой!

— Дитрих, — коротко сказал Гард Честеру. — Я так и думал. Работа тонкая, умная, острая и беспроигрышная. Ну, что дальше?

— Я уж было прицелился вмазать ему по этой бородавке, раздавить заколку, и пока его дружки ломали бы дверь, уйти по карнизу или позвонить своим, у нас ведь не хуже организовано, чем в полиции: вы в течение десяти минут приходите на помощь друг другу, а мы — и двух не проходит, кто всех ближе, сразу бегом… Вмазать ему, конечно, не выход из положения, но уж очень я не люблю, комиссар, когда меня грубо берут за горло. Но этот дьявол будто читал мои мысли. А телефончик, говорит, у вас не работает, и через окошечко вам не уйти, мы и это предусмотрели… Я хвать за трубку, а он смеется. Что, мол, убедились? Вот так и подписал я этот проклятый контракт…

— На приключение без гарантии? — сказал Гард.

— А я и жил без гарантии, — небрежно ответил Аль Почино. — На это мне было плевать. Меня бесило другое, что я так дешево на крючок накололся. Соглашусь, думаю, а там посмотрим. Но посмотрела щука, когда ее на сковородку клали… Дайте еще сигарету.

Руки Аль Почино прыгали, когда он закуривал, и это так не вязалось с нарочито небрежной речью гангстера, его борцовскими мускулами, что лучше всяких слов говорило о пережитом.

Честер вообще не проронил ни одного слова, да и Гард не торопил Аль Почино.

Закурив, тот хрипло сказал:

— Вы когда-нибудь видели собачьи бега, комиссар? Не те, о которых пишут в газетах, а те, что устраивают мальчишки, которые учатся нашему делу? Берут собак, одним привязывают под хвост жестянку с дробью, другим поджигают фитиль — и пускают! Это не пес бежит, это страх, ужас его бегут… Вот и я так бегал.

— Буквально?

— И буквально тоже. Я почему о собачьих бегах вспомнил? Сажают тебя сначала в кресло и показывают фильмы…

Взгляд Аль Почино остановился, на лбу проступила испарина. Ни Гард, ни Честер не решались перебить это молчание. В камеру не доносилось ни звука, как будто все трое были в вакууме. Аль Почино вздрогнул, когда огонек сигареты коснулся его пальцев, и выронил окурок.

— Понимаете, на голого человека спускают псов. Догнав его, они вырывают то, без чего мужчина — не мужчина… Его крик!

Аль Почино судорожным движением рук прикрыл лицо.

— Успокойтесь, — сказал Гард. — Все в прошлом, успокойтесь.

— Я спокоен. Я слышал и видел все это, но даже меня напугали пояснения, которые давал какой-то человек, который сидел рядом со мной во время фильмов. Обратите внимание на этих собак, говорил он, это ротвейлеры. Видите симметричные светлые пятна у них на груди и на морде? Через десять минут мы выпустим их на вас, но у вас будет фора — шестьдесят метров. А вся дистанция — полкилометра. Успеете, мол, добежать — вы целы, не успеете… вы видели, что будет…

— И ротвейлеров выпустили?! — не удержался от вопроса Честер.

— Все так и было, — сказал Почино. — Я успел добежать до бункера, а потом из меня можно было делать кисель… Но они меня быстро поправили. Для новых гонок.

— Какой во всем этом был смысл? — спросил Гард. — Они говорили?

— Нет. Нужно, и все. Ни ротвейлерам ничего не объясняли, ни нам… Нас много было… Правда, других я не видел, пускали по одному, но я догадывался, что всю эту свору псов и охранников ради меня одного держать не будут. Но эти бега были только началом…

…Спустя два часа Гард сидел с Честером в «мерседесе». Когда они подъехали к особняку, в котором жил Рольф Бейли, Гард, глянув на часы, увидел, что в их распоряжении есть еще с десяток минут, и достал из портфеля бутылку и стаканчик. Плеснув в него голубоватую жидкость, сурово сказал Честеру:

— Выпей.

Тот залпом выпил.

— Так будет лучше, — произнес Гард, доставая второй стаканчик. — Теперь мы знаем, что делалось в «подводной части» фирмы. На живых людях ставились жестокие опыты! Но зачем?!

— Зачем? — эхом повторил Честер.

— Рольф Бейли ответит.

— Нет, Дэвид, ты ошибаешься. Он будет молчать.

— Но вспомни вечер в «Бруте»… Его конец… Зачем мне понадобился весь этот маскарад, Фред, как ты думаешь? Я ведь сыщик! Не стукач! Потому понадобился, что, во-первых, я внимательно наблюдал за Рольфом, за его лицом, слушал то, о чем он говорит и как. Во-вторых, мне удалось установить главное: его «руководство» прервало эксперименты именно в тот день, когда я побывал на приеме у Дорона! В четверг! Какое странное совпадение… не находишь? А ларчик открывается просто: я вмешиваюсь в дела «Фирмы Приключений», лезу в ее «подводную жизнь», и у Дорона нет сомнений в том, что я действую не безуспешно. Тогда он на всякий случай прикрывает экспериментаторскую деятельность Рольфа Бейли, своего придворного ученого. Как тебе нравится? Укладывает его на дно, как подводную лодку, которую засекли локаторами… А Рольф не может понять, почему его «уложили на дно»… На том вечере, в самом конце его, мои предположения окончательно подтвердились. Фред, ты помнишь, как там все было? Помнишь?

— Противно было, Гард, очень противно.

24. «И ТЫ, БРУТ!» (ОКОНЧАНИЕ)

— Рол, а все-таки, что за эксперименты ты ведешь?

— Я не хотел бы об этом, Дэвид. Сейчас. Здесь. Тем более что опыты почему-то приостановили. Надеюсь, временно. И надеюсь, из-за нехватки «живого материала».

— Кто приостановил?

— Как — кто? Руководство.

— Кто именно и когда?

— В четверг… Ты меня допрашиваешь, Дэвид?! Или просто интересуешься?

— А как ты думаешь сам?

— Не знаю, не знаю… Потом, Дэвид. Если можно.

— Извини, Рольф, нельзя. Потом будет поздно. Ребята нас поймут. Я даже рад, что мы все в сборе. Так будет легче и тебе и мне. Извини, Рол… В самом деле: весь этот нелепый маскарад… Я не мальчик, и вы давно не дети… Дело куда как серьезно. Рол, ты уж меня извини. Два вопроса, и…

— Что будет потом? — тихо спросил Бейли.

— Увидим, — неопределенно ответил Гард. — Зависеть будет главным образом от тебя. Позволь заметить, что, как ни прискорбно, эти два вопроса тебе задаст не Дэвид Гард, твой старый товарищ, а комиссар полиции. Прошу иметь в виду, Рольф Бейли, что твои слова могут быть обращены против тебя же, как, впрочем, и в твою защиту, а потому не торопись с ответами… — Гард сделал паузу, в течение которой лица всех разительно изменились. Вокруг колонны сидели уже не добрые старые друзья, а раздавленные и раздвоенные ситуацией люди, которые понимали, что с

этого момента они приобрели иной статус, статус свидетелей обвинения или защиты, — статус, никому ничего приятного не сулящий. — Итак, — повторил Гард, — знакомо ли тебе имя: Аль Почино?

— Да, — подумав, ответил Рольф Бейли. — Он был одним из участников моих научных экспериментов.

— Второй вопрос: ставил ли ты эти эксперименты на базе «Фирмы Приключений», которая, в свою очередь, является дочерним предприятием Института перспективных проблем, возглавляемого генералом Дороном?

— Да, комиссар Гард, — после долгой паузы тихо ответил Бейли. — Я ставил опыты на базе «Фирмы Приключений», которая есть дочернее предприятие ИПП, возглавляемого Дороном.

— Я задам и третий вопрос, Рольф, но ты можешь на него не отвечать, если не хочешь: с какой целью ты ставил на запястье у подопытных свои инициалы?

На этот раз пауза была гнетуще долгой. Наконец профессор Бейли проговорил глухим от напряжения голосом:

— Я предпочел бы на этот вопрос пока не отвечать… если можно… Что будет дальше, комиссар Гард?

— Что дальше? — задумчиво повторил Гард. — Рол, у меня нет с собой ордера на арест, но в твоих интересах быть отныне под моей охраной. Иначе тебя уберут так же, как убрали почти всех твоих бывших подопытных. Друзья мои, я вынужден прекратить застолье и уехать, забрав с собой Рольфа.

Гард сделал при этом жест рукой, который принял хозяин «Брута» Жорж Ньютон, мгновенно повторил куда-то дальше, и к столу, за которым сидела притихшая компания, быстрыми шагами приблизился сержант Мартенс в полицейской форме. Он вежливо козырнул присутствующим, чуть слышно щелкнул каблуками, а затем поклонился Рольфу Бейли одной головой, приглашая его следовать за собой.

— В тюрьму? — упавшим голосом едва вымолвил Бейли.

— Зачем так, господин профессор? — сказал Мартенс. — Домой.

— Куда домой?!

— К вам, господин Бейли…

— Но под охраной моего сержанта, Рольф, — добавил комиссар Гард. — Я приеду к тебе часам к девяти. Завтра. Фред, если не против, нас проводит. Никого не смею более беспокоить. Общий привет, друзья!

С этими словами Дэвид Гард двинулся вслед за Мартенсом и Бейли к выходу, а за ними поплелся Фред Честер, оставив Клода Серпино, Валери Шмерля и Карела Кахиню в позах, напоминающих финал из бессмертной комедии Гоголя «Ревизор».

25. ПОЕДИНОК

Подъезжая к профессорскому особняку, Гард, к великому для себя сожалению,

уже не испытывал никаких дружеских чувств к Рольфу Бейли, а был, что называется, «при исполнении», то есть сух и официален, как если бы ему предстояло иметь дело с совершенно чужим человеком, от которого он не ждал ничего хорошего и которому намерен был платить тем же.

Внизу Гарда и Честера встретил сержант Мартенс, чтобы, оставив при входе в особняк полицейского, а у каждого окна первого этажа еще по одному человеку в штатском, сопроводить прибывших на второй этаж в кабинет, где находился хозяин дома — кстати, тоже не в одиночестве, а под неусыпным присмотром приставленного к нему телохранителя. Шагая по мраморной лестнице, а затем по длинному коридору. Гард отметил про себя, что Мартенс свое дело знает и что пора переводить его в инспекторы, то есть исполнять наконец данное некогда обещание.

Честер без воодушевления шел на шаг сзади. «Дела!» — думал он, вкладывая в это короткое слово всю гамму пережитых за минувший день ощущений, которые вряд ли взялся бы сформулировать более длинной фразой. Впрочем, если бы ему дали стопку белой бумаги, стило и время для размышлений… Да, дела!.. Как ни варьируй, мысли Честера крутились, в сущности, вокруг одного и того же, а именно: Дэвид и Рольф были друзьями, десятками лет проверенными, и вот — финал!

"Друг! — думал Честер. — Друг еще и потому друг, что понимает тебя с полуслова, входит в твое положение, как в свое собственное, безгранично тебе доверяет… Если телу, облаченному в одежды, время от времени необходима открытость воздуху, солнцу и ветру, то любой, самой замкнутой человеческой душе не менее необходимо дружеское участие. Биологически человек существо стадное, социально он тоже коллективист, — стало быть, потребность в общении обусловлена всей его историей и практикой жизни, как потребность в пище. Если не удовлетворена последняя, человек умирает, и тут всем все ясно. Но если человек оказывается в духовной изоляции, а лучше сказать, в душевной, внешне он, может быть, и живет, на деле же перестает быть человеком. О нем нельзя говорить как о нормальном, он болен психически, хотя его болезнь маскируется настолько, что многие видят в нем всего лишь «странную» личность. Быть может, когда-нибудь отсутствие у человека друзей станет предметом такой же тревоги, как обнаружение опухоли, как тревожный сбой кардиограммы?

Бедные Рольф и Дэвид! Между ними разрушается то, чего ни за какие миллиарды не мог приобрести никакой властелин мира… Какие бы неудачи ни преследовали Гарда, его всегда согревало сознание, что он не один в этом мире, что есть Клод, Валери, Карел, Фред и… Рольф. Есть друзья, которые его выслушают, поймут и простят, да, простят, что бы он ни натворил, как бы и где бы он ни оступился! — и тем горше утрата друга, чем больше надежд когда-то связывалось с его существованием…

И почему Гард не хочет допустить, что Рольф ничего не ведал о «подводной части» злополучной фирмы? Институт Дорона велик, его отделы из соображений секретности работают, вероятно, изолированно друг от друга. И вовсе не исключено, что профессор Бейли, занимаясь наукой, которую принято называть «чистой», был вынужден как бы заранее оправдывать любые ее результаты, поскольку они были не в его власти. Вынужден! Может представить себе такое Гард? Наконец, Бейли мог бессознательно закрывать глаза на сомнительные цели, стоящие перед ИПП, как их сплошь и рядом закрывают ученые, увлеченно

работающие над каким-нибудь расщеплением атома и не думающие о том, что кто-то использует их открытия для создания атомной бомбы. Что делать теперь с Резерфордом, Эйнштейном, Ферми? Казнить?! Глупость это, потому что человечество само творит свою судьбу. Что же касается перечисленных и неперечисленных ученых, то не атомные бомбы они делали, а самозабвенно решали научные проблемы! Истину они искали! Как можно без этого? Нет истины, нет ее поиска, — тогда уж лучше прямиком в гроб… Конечно, опыты на людях во всех случаях жизни, независимо от науки и ее проблем, жестоки и бесчеловечны… Но дайте слово немому! Дайте Рольфу Бейли возможность объясниться и, может быть, оправдаться, а уж потом выносите свой человеческий приговор!.."

Фред Честер шел за Гардом длинными коридорами особняка, видел перед собой широкую, мерно покачивающуюся спину друга, и по мере того, как они приближались к двери, за которой их с трепетом — Фред почему-то был убежден, что непременно «с трепетом»! — ждал Рольф Бейли, все хуже представлял себе, как пойдет между ними разговор. «Почему Гард всех собак готов повесить на Рольфа, ориентируясь всего лишь на рассказ совершенно незнакомого ему человека, к тому же бывшего гангстера и убийцы Аль Почино? Нет, не согласен! — твердо решил Фред Честер. — Пока лично я не получу неопровержимых доказательств того, что Рольф сознательно взял на себя ответственность за научные опыты на людях — непременно сознательно! — я обязан доверять ему, как он доверяет мне. Это значит, что, когда Гард начнет разговор с Рольфом Бейли, мое участие в нем не должно ставить Рольфа в невыносимое положение!..»

— Фред, два слова, — вдруг сказал Гард, останавливаясь перед кабинетом Рольфа. — У меня к тебе просьба. Если я буду зарываться, а я буду зарываться, не стесняясь, ставь меня на место. И вообще, помоги Рольфу, ему будет сейчас нелегко. Ладно?

Честер молча и благодарно пожал руку Гарду.

Мартенс постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, толкнул ее. Гард и Честер вошли. Рольф Бейли сидел за столом. Он поднял голову от бумаг, которые лежали перед ним, ничего не сказал и даже не приподнялся. Мартенс с агентом вышли из кабинета. Гард закурил. Потом сел в кресло, стоящее наискосок от стола, за которым сидел Рольф. Честер потоптался на месте, как бедный родственник, и опустился на диван у окна. Общее молчание явно затягивалось и становилось невыносимым. Гард глянул на часы, и этот взгляд не ускользнул от внимания Бейли и Честера. Тогда Фред, боясь, что Дэвид Гард начнет со свойственной ему прямолинейностью, довольно глупо произнес, обратившись к Рольфу:

— А где же «Тубо, на место!»?

Дело в том, что Бейли из всех членов компании был самым большим аккуратистом, несмотря на холостяцкую жизнь, с которой, как и Гард, не хотел расставаться. В особняке у Рольфа всегда был идеальный порядок — не без оттенка юмора и игры, однако. Так, всякому гостю приходилось дергать на улице ручку звонка, и тогда за дверью раздавался свирепый рев волкодава, записанный на пленку для устрашения возможных грабителей, а для друзей — для экзотики. Затем слышался громкий голос хозяина, тоже сошедший с магнитофона: «Тубо, на место!» — только после этого дверь сама распахивалась, и довольный эффектом Рольф

приветствовал гостя, сходя к нему со второго этажа по мраморной лестнице. Вечерами в доме горели непременно свечи, а не электролампы, потому что Рольф Бейли считал ужин без свечей равным свадьбе без попа. Впрочем, иногда гость слышал не рев волкодава, а рык льва, крик ночной совы или даже свист анаконды или раздирающий душу павлиний визг, про который говорят, что он «нечеловеческий», — Рольф варьировал своих «сторожей», — но «Тубо, на место!» было неизменным «блюдом», которым хозяин всегда угощал, успокаивая, гостей.

— Рольф, — повторил Честер, — почему я не слышу «Тубо»?

Увы, вернуть Гарда, Бейли и себя во времена их недавней безоблачной дружбы, как и задать предстоящему разговору непринужденную тональность, Фреду не удалось: никакой реакции ни от Дэвида, ни от хозяина дома не последовало. Рольф не улыбнулся, не встал из-за стола, не протянул гостям обе руки, как это делал обычно, а всего лишь поднял на них глаза, едва приоткрыв тяжелые веки, и потянулся к коробке с сигарами.

— Прошу, — сказал он сухо, раскурив сигару, выпустив первую скупую струю едкого дыма и протянув коробку Гарду и Честеру, — курите.

Наступила гнетущая пауза, которую нарушил Гард, и то по обязанности, а не по желанию:

— Я хотел бы уточнить некоторые детали, связанные с твоей научной работой, Рольф, проводимой на базе «Фирмы Приключений». Прошу тебя учесть, что это никакой не допрос, а всего лишь разговор, хотя его юридические последствия не исключены.

— А какова роль при всем при этом Фреда Честера? — спросил Бейли. — Он что, свидетель? На всякий случай? Доброволец? Или по принуждению?

— Не обижай Фреда, — сказал Гард. — Здесь он твой друг. Но если ты хочешь, я попрошу его удалиться.

— Черт с ним, — сказал Бейли, словно Честера в кабинете не было, и речь шла о человеке, в данный момент отсутствующем. — Пусть сидит, мне не жалко. Итак, я тебя слушаю.

— Ты не понял, — сказал Гард. — Это я тебя слушаю.

— Какие же необходимы детали?

«Спасибо и за то, — подумал Честер, — они на „ты“ и, кажется, говорят без откровенной вражды и неприязни. Но моя роль при этом действительно весьма сомнительна…»

— Детали даже мне интересны, Рольф, — сказал Честер вслух. — Как репортеру. Вероятно, опыты были во имя чего-то?

— Дурацкий вопрос, — констатировал Бейли. — Какой смысл ставить эксперименты, которые не во имя «чего-то», а сами по себе? Равносильно «искусству для искусства». Откровенно признаться, это была самая перспективная работа из всех, какие я когда-либо вел.

— И самая «закрытая»? — спросил Гард.

— Настолько, что даже намекнуть никому нельзя, — ответил профессор. —

Кроме, разумеется, властей и полиции. Репортеры пусть затыкают уши или дают подписку молчать.

Честер сконфуженно приподнялся, но Гард остановил его движением руки:

— Фреда не трогай. Он, повторяю, здесь скорее для того, чтобы блюсти твои интересы, а не мои, и если ты этого еще не понял, это факт из твоей биографии, а не честеровской. Кстати: тебя никогда не тянуло кое-что рассказать мне, как старому другу, ведь «кое-что» можно было и приоткрыть?

Впервые Рольф Бейли выдавил из себя подобие улыбки:

— Ты угадал: тянуло! Всякая тайна для человека противоестественна, особенно для нормального и к тому же занимающегося научным поиском. Помнишь легенду о брадобрее царя Мидаса? Того самого, у которого выросли ослиные уши? Хотите выпить? Валяйте!

Рольф Бейли нажал кнопку, в стене раскрылись дверцы зеркального бара, из которого по рельсам выехал столик, уставленный разнокалиберными бутылками. Дэвид Гард, не мешкая, налил себе любимого стерфорда, а Честер, на цыпочках подойдя к столику, осторожно плеснул себе на донышко кальвадос: он очень боялся спугнуть намечающийся контакт.

— Так что там случилось с брадобреем? — напомнил Честер.

— Казалось бы, чего проще: брей себе ослиные уши хозяина и помалкивай. Так нет, ушел в чистое поле, выкопал ямку и выболтал земле все про уши, идиот! А знаете почему?

— Нет, — сказал Гард. — Твое здоровье.

— Ваше здоровье. — Рольф тоже выпил что-то. — Это еще с пещерных времен пошло — недержание. Увидел зверя или его след — скажи, иначе зверь слопает твоего соплеменника, и тебе же будет плохо. Заприметил мамонта — донеси, иначе весь род останется голодным. Вот откуда в человеке это неудержимое желание поделиться тайной, это роковое неумение ее сохранить. Тут обусловленная средой наследственность. Секретность — роскошь, которую может позволить себе лишь богатое общество. Выпьем за упразднение всех и всяческих секретов!

— Выпьем, — сказал Честер.

— Не возражаю, — добавил Гард. — Так что там случилось с брадобреем, Рольф?

— А черт его знает! — сказал Бейли. — Не помню. Но, думаю, если он болтанул ямке, тайна сразу перестала быть тайной, и царь Мидас, вероятно, «принял меры» — так это теперь называется в твоем ведомстве, Дэвид?

— Это когда отрубают голову? — сказал Гард. — Похоже. При всем при этом я все же не понимаю, каким образом тебе прикрыли опыты, если ты не брадобрей, а Дорон — не царь Мидас? Тем более что эксперименты столь перспективны?

— Понятия не имею.

— Кто-нибудь интриговал против тебя?

— Исключено. Я бы знал об этом. Нет, все случилось как гром среди ясного

неба. Еще во вторник я получил от мистера Хартона… ты знал такого?

— Да, мы были знакомы, — подтвердил Гард.

— Получил от него очередную партию «живого материала», правда, с предупреждением, что последнюю: у него уже были какие-то трудности… не знаю, право, какие… А вскоре он исчез, я больше его не видел. А ты?

— Я тоже, — сказал Гард.

— Ну а в среду мне дали дополнительно солидную сумму денег, как вдруг в четверг Дорон говорит: «Профессор, ваши работы мы приостанавливаем до лучших времен!»

— В четверг, во второй половине дня? — спросил Гард. — Понятно… Теперь я предлагаю маленький сеанс телепатии. Я буду угадывать сейчас, Рол, над чем ты работал.

— Иди к черту, — спокойно произнес Бейли. — Если еще в «Бруте» ты спрашивал у меня, знаю ли я Аль Почино, ты, вероятно, прежде спросил у него, знает ли он меня…

— Логично.

— Ты все еще хочешь играть со мной в прятки? Валяй, я посмотрю, как это у тебя выйдет.

Гард смутился. Потом нахмурился:

— Прости, Рольф, я думал, ты предпочитаешь издалека. Хочешь сразу? Изволь. Ты ставил опыты на людях.

— Боже, какой телепат! — усмехнулся Бейли. — Разумеется, на людях, если тот же Аль Почино не летучая мышь, а гомо сапиенс. Нелегко же тебе далось это «открытие», с большой затратой серого вещества! Ну а теперь ты намерен «угадывать», зачем эти опыты? Давай!

— Я знаю, Рольф, только то, что твои эксперименты были делом грязным, изуверским и преступным! — сказал Гард.

— Вот как? — Бейли заметно побледнел, хотя все еще не снимал с лица иронической улыбки. — И вы оба шли ко мне, думая так? Шли к преступнику? Изуверу? Где твои наручники, Гард? Или хватит этого сержанта с его громилами?

— Не надо преувеличивать, Рольф, — примирительно сказал комиссар, едва сдерживая раздражение. — Ты упомянул о четверге. Именно в этот день я был у генерала Дорона и дал ему понять, что вышел на твой след. Истины ради добавлю, что я не знал тогда, что это именно твой след. Но поэтому Дорон и прекратил опыты: чтобы я не «открыл» тебя… Дорон хорошо знает, что можно делать, а чего нельзя, что в ладу с законом, а что в противоречии… А шли мы сюда в надежде разобраться с помощью старого друга, если он еще не утратил совесть, в том преступном и гнусном деле, в котором он, вероятно, сам участвовал не по своей воле.

— В гнусном! — повторил Бейли. — В преступном! Да что вы знаете об этом деле?!

— Все, кроме одного: зачем? — сказал Гард. — Зачем ты издевался над живыми людьми?

— В таком случае вы ничего не знаете! — воскликнул профессор. — Только внешнюю сторону вопроса! И уже — истязатель! Преступник! И это после всего, что у нас за плечами… Вот цена нашей дружбы!

— Все мы не без греха, — сказал Гард. — Но до сих пор среди нас не было преступников!

— Хорошо, — сказал профессор, беря себя в руки. — Хорошо. — Казалось, он принял какое-то важное для себя решение и в ту же секунду успокоился. — Хорошо! Ты сорвал мне работу, которая, знай об этом, велась для блага всего человечества. И ты же считаешь меня изувером и преступником. Очень логично, ничего не скажешь! Я мог бы закрыть свой рот на замок, сказав тебе: иди, господин комиссар, к Дорону и объясняйся с ним. Но, помня о нашей дружбе, попытаюсь сам тебе вправить мозги, чтобы ты не выглядел перед генералом полным идиотом. Ты готов меня выслушать?

— Да, — сказал Гард.

— Готов меня понять?

— Попробую.

— А с тобой, — повернулся Бейли к Честеру, — я вообще не намерен объясняться, потому что не понимаю все же твоей роли в этой истории. Ты кто? Что ты делаешь сейчас здесь, в моем кабинете? Тебе не кажется странным и унизительным положение молчаливого то ли друга, то ли врага?

— Я пошлю вас обоих к чертовой бабушке и уйду! — вспылил Честер, вскакивая с дивана. — Я хочу иметь собственное мнение обо всем, что происходит, но вовсе не настаиваю на присутствии! Если ни ты ни Дэвид во мне не нуждаетесь, отправляйтесь по вышеуказанному адресу!

— Ах, ты, оказывается, взял на себя миссию посредника? — саркастически улыбаясь, сказал Бейли. — Секундант! Не знаю, как Дэвид, но я тебя не уполномочивал. Катись…

— Брек! — улыбнувшись, скомандовал комиссар Гард. — Хорош секундант, если ты вытаскиваешь его на середину ринга и молотишь кулаками! Прошу вас, джентльмены, успокойтесь. При всех возможных вариантах кто-то из нас троих всегда должен быть с холодной головой. Не я — так ты, Рольф, не ты — так Фред, не он — так я. Оставь его в покое, профессор!

— Да черт с ним! — согласился Бейли. — Но пусть знает, что полотенце с моей стороны не будет выброшено никогда!

Честер вернулся на диван и, обиженно глядя на Гарда и Бейли, закурил сигарету, громко посапывая, как мальчишка, которого оттащили от обидчика и у которого еще зудят кулаки. Бейли тем временем почувствовал себя как бы не в кабинете, а на профессорской кафедре, встал из-за стола и даже сделал несколько шагов по комнате.

— Итак, господа, — начал он, ни к кому конкретно из присутствующих не обращаясь, а говоря как бы в зал невидимой, но большой аудитории. — Итак, мои

бывшие друзья изначально поверили не мне, а своим первым впечатлениям, сложившимся, вероятно, после общения с людьми типа Аль Почино. Заявляю совершенно авторитетно, что эти первые впечатления ложны и примитивны! Мне неизвестно, что мои бывшие друзья думают о моей научной работе, но могу предположить, что…

— Ты прав, Рольф, — прервал Гард поток профессорского красноречия. — Пожалуй, для начала я должен был тебе сам рассказать то, что мне известно о твоих подвигах, а уж затем, предъявив, так сказать, счет, требовать его оплаты. Такой подход был бы и закономернее, и честнее. Тем более что я вовсе не намерен тебя ловить на слове… и вообще ловить.

Профессор в знак согласия благосклонно кивнул, приготовившись слушать. Рука его, протянувшаяся в этот момент к бутылке, тем не менее слегка дрожала, и это обстоятельство не ускользнуло от внимания Дэвида Гарда. Более того, вслед за тем, как Рольф Бейли дважды приложился к виски, он не нашел сразу, что ответить на монолог Гарда. Дабы прервать затянувшуюся паузу. Честер решил внести свою лепту:

— Рольф, мне кажется… Я никогда не забуду слов Аль Почино: «Не ротвейлер за мной гнался, за мной бежали мой страх и мой ужас…» Когда такое говорит не гимназист в белом подворотничке, а профессиональный гангстер, видавший виды!..

— Но ведь ты ровным счетом ничего не понял! — воскликнул, как бы очнувшись, Бейли, хотя голос его был глух, словно он уже сошел с кафедры и говорил теперь через несколько слоев ваты. — Вы оба профаны! Простофили!

— Нас обманул Аль Почино? Ты это хочешь сказать? — спросил Гард. — Нас попросту надули? Да? Так просвети нас, Рольф! Видит Бог, я хочу убедиться в нашей ошибке и в твоей правоте!

— Ты в ней сейчас убедишься… — без уверенности в голосе произнес Бейли. — Первое и самое главное. Оторвитесь с Честером от своих повседневных забот и подумайте о ситуации, в которой мы все оказались! Я имею в виду жизнь, которой мы живем. Газетенка Фреда пописывает, а ты, Дэвид, каждый день читаешь вопли о загрязнении окружающей среды, о том, что ядохимикаты уже проникли в грудное молоко, — вдумайтесь только, в грудное молоко почти всех матерей!.. Вы, случайно, не члены партий «зеленых»? А я, грешным делом, подумываю, не вступить ли… Еще ты читаешь, Дэвид, об ускорении темпа жизни — так? О ее невротизации — так? Об увеличении психических заболеваний и тому подобном, — лекцию вам прочитать на эту тему? Да откройте же ваши глаза наконец!

— Открыли! — чуть ли не заорал Гард. — Что дальше? Какое отношение все это имеет к ротвейлерам, которые догоняют твоих подопытных и вырывают у них часть их тела?

— Не торопи меня, Дэвид. Пока что я говорю о том, что мы быстро и резко меняем среду своего обитания. Теперь следите за мыслью. Известно ли вам, что происходит с существами, а мы биологические существа, которые не успели или не смогли приспособиться к изменившейся среде? Зайдите в таком случае в палеонтологический музей и посмотрите, что с ними стало! — Бейли с шумом отпил виски и продолжал: — Вы, может быть, думаете, что все происходящее сейчас в

мире — временное явление? Да, с каким-нибудь загрязнением среды покончить, может быть, и можно. Но даже если нынче в каждой точке земного шара будут приняты необходимые меры, — что, как вы понимаете, совершенно невозможно, но попробуем себе представить! — то по инерции загрязнение все еще какое-то время будет нарастать. Впрочем, дело даже не в этом. Человечество не может развиваться, не меняя среду! Не может! — это закон природы. И не развиваться оно тоже не может. Все эти рецепты «нулевого развития», поверьте мне, бред! Чепуха и самоубийство! Я мог бы привести вам тысячи доводов, но приведу только один. Известно ли вам, что болезнетворные микробы и вирусы быстро привыкают к лекарствам, которые их сдерживают и заставляют отступить?

— Да, известно, — сказал Гард. — Как и то, что прием одних и тех же препаратов может вызвать аллергию и даже шок. Что дальше?

— Какие грамотные! Тем проще мне объяснить вам, что стоит всего лишь задержать на год — на один только год! — обновление лекарственного арсенала, и вирус какого-нибудь СПИДа перейдет в наступление на и без того ослабленное человечество. Причем с такими последствиями, что средневековые эпидемии чумы и холеры покажутся нам тихой идиллией! Вот так обстоит дело. И это всего лишь преамбула…

Рольф Бейли снова сел в кресло и потянулся к бутылке.

— Пожалуй, тебе хватит, — неуверенно произнес Честер. — Сохрани свежесть мозгов, а то потеряешь логику.

— Не беспокойся, не потеряю, — зло ответил Бейли. — Больше того, и вам советую выпить. Когда начинаешь думать о будущем человечества, трезвость не нужна, она прямым ходом тащит в петлю… Ну, что вы скажете о человеке, который намерен в этих необратимых и трагических обстоятельствах открыть людям быстрый и реальный путь к выживанию? Который позволит им, и вам в том числе, приспособиться к тому страшному, что вас всех ждет, то есть поможет стать сильными, здоровыми, в значительной мере независимыми от внешней среды?

— Если ты так ставишь вопрос, — сказал Гард, — значит, именно тебе благодарное человечество должно ставить памятник из чистого золота?

— Не мне одному, — даже привстал с рюмкой в руке Бейли. — Но и мне тоже, если без ложной скромности! При условии, если я завершу начатую работу…

Он выпил и снова сел. Ноги его плохо держали, но в глазах была трезвость, а во всем облике фанатическая страсть, в какой-то степени пугающая Гарда и Честера. Они даже переглянулись: уж не болен ли Рольф психически?

— Я хотел бы, Рольф, услышать от тебя доказательства того, — произнес Гард, — что эксперименты твои столько же чисты, как и цель, к которой ты стремишься.

— Скажи, Дэвид, ты оправдываешь хирургическую операцию, с помощью которой человеку спасают жизнь? Оправдываешь? Прекрасно. Но ведь операция — это боль, это страдание для него! Стало быть, боль и страдание ты тоже готов оправдать во имя благородной цели?

— Готов, — согласился, подумав, Гард. — Пожалуй.

— Приятно слышать. Значит, в принципе можно стремиться к благу, причиняя боль и страдание? Прекрасно! — Бейли обращался уже не к одному Гарду, но и к Честеру. — Теперь несколько слов о содержании и смысле моей работы. Наверное, вы слышали о «втором дыхании», не могли не слышать. Но мало кто знает о том, что есть еще «третье дыхание». Я понятно говорю?

— О «третьем дыхании» мне, например, ничего не известно. Может быть, Фреду?

Честер отрицательно покачал головой, и Рольф удовлетворенно цокнул языком. Затем сказал:

— Так вот, «третье дыхание» — реальный факт, хотя вывод, к которому этот факт приводит, выглядит фантастическим. В состоянии «третьего дыхания» слабая женщина, представьте себе, рвет стальные цепи! А нетренированный мужчина ставит мировые рекорды в беге и прыжках! Вот какими, оказывается, резервами располагает человеческий организм!

— Об этом мы догадываемся, — сказал Честер. — Не открывай нам америк, Рольф, даже называя их «третьим дыханием».

— Дурак! — добродушно произнес Бейли. — Дослушай до конца, а потом проявляй свою примитивную эрудицию. Беда ведь в том, что, во-первых, мы не знаем истинной величины наших резервов и, во-вторых, не в нашей воле включать их, когда это необходимо, а включив, ими управлять! Общие контуры проблемы, надеюсь, вам ясны? Имейте в виду, однако, что у «третьего дыхания» есть и другие достойные проявления. Например, человек может сам, без всяких лекарств и хирургических вмешательств подавить в себе практически любую болезнь, любое недомогание, если, разумеется, овладеет секретами включения и управления своими резервами. Спрашивается: надо ли или не надо выявлять эти механизмы и обучать людей?

— Тут не может быть двух мнений, — сказал Гард. — Но собаки, вырывающие у человека…

— В чем главная трудность? — не слушая Гарда, продолжал Бейли. — В том, что «третье дыхание» нельзя вызвать по формальному заказу. Оно включается, и то не всегда и не в полном объеме, когда человек подвергается смертельной опасности. Нужен предельный стресс, чтобы оно включилось! Когда же этот стресс происходит в обыденной жизни, возле человека с включенным «третьим дыханием», к сожалению, нет исследователя с приборами… Замкнутый круг, верно? Почему замкнутый? Потому, что, если подвергнешь человека смертельной опасности в лабораторных условиях, он никогда не поверит в истинность опасности и «третье дыхание» не наступит. Как быть? Думайте, думайте: как быть? Ты не комиссар полиции, а ты не журналист, вы оба ученые, поставившие перед собой задачу. Как быть?

— Выпустить на подопытного человека настоящего ротвейлера?! — воскликнул Честер. — И ты полагаешь такой опыт честным и чистым?!

— Оставь, пожалуйста, эмоции в покое! — разозлился Бейли. — Весь мир с затаенным дыханием следил за тремя парнями, которые провели двадцать четыре часа при температуре минус сорок градусов плюс ветер силою пятнадцать метров в

секунду, имитируя взятие Эвереста, — и ничего! Герои! Этот эксперимент возможен! А удирать от собаки нельзя? Опаснее? Да бросьте вы говорить глупости! А сами походы на Эверест? А пешком к Северному полюсу? А без акваланга на глубину сто метров? Перечислять дальше? Или хватит? Люди не только ради интереса, ради долга попадают в экстремальные ситуации, сами лезут в них, чтобы выявить резервы человеческого тела и духа. Они ставят себя в условия жестокого кислородного голодания, минимальных и максимальных температур, высокого и низкого давления, голода и страха, чтобы выяснить потенциальные возможности живого организма. В конечном итоге, чтобы путем тренировки выжить в изменяющихся физических и психических условиях окружающей среды! Что же вы не предъявляете им ордеров на арест? Или их организаторам? Почему у вас нет к ним претензий? Вы взахлеб читаете о них в газетах, вы следите за ними по телевизору затаив дыхание, а ко мне являетесь домой как обвинители?

Рольф Бейли резко сел в кресло и умолк, то ли устав от бурного монолога, то ли посчитав его исчерпанным. Гард и Честер молча переглянулись. По коридору, мимо кабинета, в котором они сидели, кто-то прошел, стараясь не стучать подкованными сапогами по паркету, вероятно, сержант Мартенс или кто-то из его людей. Молчание первым нарушил Гард:

— Рольф, те, о ком ты говоришь, ставили на себе опыты добровольно. В конце концов, никто не может заставить человека жить, если он сам не желает. Но заставлять человека умирать, если он хочет жить, — это преступление! Я хочу, Рольф, чтобы ты меня тоже понял. Ты посылал за живыми людьми собак, чтобы они вырывали у них живую плоть. Натренированных собак — за людьми, которые были вынуждены спасаться!..

— Ну что ты знаешь об этом опыте?! — теперь вдруг сорвался Бейли, заорав во все горло. — Что ты знаешь?! Важно не то, угрожает ли человеку подлинная опасность, а важно, чтобы он до конца поверил в ее реальность!

— Уж не хочешь ли ты сказать, что Аль Почино преследовали мнимые ротвейлеры? — спросил Гард.

— Нет, собаки были самыми настоящими, но опасность подопытному тем не менее не грозила!

— А фильм! — воскликнул Честер. — Ты лжешь, и тебя уличает фильм! Аль Почино не мог ошибиться или придумать: настоящие собаки там терзали настоящего человека, и этого ты не можешь опровергнуть!

— И не собираюсь. — Бейли неожиданно улыбнулся. — Фильм был подлинным. Эти кадры были сняты в гестапо, в период Второй мировой войны.

— Гестапо?! — ошеломленно переспросил Гард.

— Ну и что? Вот именно: гестапо. Подопытный не может усомниться в их достоверности. А ассистент предлагает ему обратить внимание на приметы собаки, убеждая, что на него бросится тот же самый пес. И когда это происходит, он тотчас узнает собаку и поэтому бежит, спасая свою жизнь. — Бейли торжествующим взглядом ученого обвел потрясенных слушателей. — Не можете догадаться, в чем дело? — спросил Бейли с иронией. — А фокус в том, что все чистопородные ротвейлеры удивительно похожи друг на друга! Те, которые были на экране тогда, и

те, которых мы пользовали в экспериментах сегодня! Таким образом, подопытный все принимает за чистую монету, меж тем как наши ротвейлеры могли догнать их, даже хватануть за штанину, но им запрещено было терзать преследуемых. Подопытный всегда выходил из гонки победителем? Всегда!

— Ты хочешь убедить нас в том, что смертельная опасность во всех опытах, и не только с собаками, была мнимой? — спросил Гард.

— Увы, к сожалению, не всегда можно было добиться эффекта подлинности, лишь имитируя угрозу. Вдобавок иные гибли, как бы вам сказать, сами, не выдержав нагрузки, от перенапряжения… — вновь переходя на «кафедральный» тон, ответил Бейли. — Естественный отбор в чистом виде! Но, во-первых, в наших экспериментах никогда не было изуверства, в чем еще минуту назад вы были убеждены. Во-вторых, сколько, вы думаете, погибло людей?

— Сколько?

— Единицы! За три года — не более десяти человек!

— Значит, жертвы все-таки были? — угрожающим тоном произнес Гард.

— Не пугай, Дэвид, я не из пугливых. Как же без жертв? А разве испытания новых самолетов обходятся без трудов? В процентном отношении у нас их не больше, чем в авиации…

— Ты упорно игнорируешь тот факт, что в испытатели тоже идут добровольцы!

— Комиссар Гард, нам было бы куда приятнее работать с такими же добровольцами, поверь мне. Однако практически это невозможно. И не потому, что нельзя найти «живой материал», изъявивший желание с нами сотрудничать, а потому, что человек, по доброй воле согласившийся пусть даже на смертельный эксперимент, в глубине души, как тот же летчик-испытатель, как астронавт, как альпинист в команде, поднимающейся на Эверест, все же верит, что риск будет сведен к минимуму, что все обойдется, что он останется жив. И тогда «третье дыхание» практически не наступает. Мы проверяли. Увы, это так. Только, как бы точнее выразиться, у «приговоренных», то есть у тех, кого мы как бы «заставляем» пройти через наши опыты, возможен настоящий губительный стресс… Что вам еще не ясно? Какие у вас еще претензии? Бог с тобой, Дэвид, ты человек казенный, уж не обижайся, но Фред! Неужели и ты ничего не понял?

Честер отвел глаза, не выдержав пристального взгляда Рольфа Бейли.

— Понимаешь, Рол, — сказал он, подумав, — меня смущает то обстоятельство, что ты подвергал людей не просто смертельной опасности вопреки их воле, а то, что — я назову вещи своими именами — подвергал их пыткам!

— Пыткам?! — повторил с недоумением Бейли. — Вот оно как! У меня, выходит, была не лаборатория, а застенок! Я загонял под ногти иглы, выпытывая государственные секреты? При этом не оставлял им никаких шансов на выживание? Так? Нет уж, дорогой мой, давай и тут разберемся… Во-первых, моими подопытными были не просто попавшиеся на глаза невинные младенцы, а преступники! Мы находили их, ловили и… использовали в экспериментах. Правда, этим занимался не я, а специальная служба Дорона, мне же доставляли «живой материал» уже в готовом, что ли, виде. Итак, это были те, кто сам, по доброй воле,

еще до меня избрал смертельно опасное «ремесло»…

— Но ты ведь лишил их этой «доброй воли»! — вставил Честер. — Их доставляли тебе, да. Но не без помощи угроз и шантажа!

— Ну и что? — спокойно возразил Бейли. — А прежде они разве жили и действовали не по воле обстоятельств? Не по приказу мафии? В чем принципиальная разница? Для них, я тебя спрашиваю? В том разница, что за смертельный риск мы заплатили Аль Почино в два раза больше, чем ему обычно платил его шеф Гауснер? В том, что их жестокость, пагубную для окружающих, мы использовали в интересах науки, стало быть, во благо всего человечества? Не кажется ли тебе, Фред, и тебе, Дэвид, что мой способ действия и эффективнее, чем в мафии, и гуманнее? Вы говорите: пытки?!

— Это я сказал, — заметил Честер.

— Не важно. Гард тоже так думает. Но у меня к нему вопрос как к юристу. Что грозило бы тому же Аль Почино, если бы он попал не ко мне, а в руки полиции, а затем правосудия? За убийство антиквара? Ну, Дэвид?

— Газовая камера. Ну, может быть, при условии каких-то смягчающих вину обстоятельств, лет двадцать каторги.

— Иначе говоря, смерть или двадцать лет медленных, хладнокровных, скрытых от мира пыток! Да-да, ты не можешь отрицать, что каторга для таких, как Аль Почино, — это растянутая во времени, но все-таки пытка, от которой тоже сходят с ума и даже кончают жизнь самоубийством. Этого ты не посмеешь отрицать, Гард! Так что же? Двадцать лет подобных истязаний я заменил двумя месяцами, и не пыток, а опытов, а потом еще оплатил страдания человека, чего ваши тюрьмы — из соображений гуманности, наверное? — не делают!

— У тебя превратное представление о смысле и назначении наказания, — сказал Гард.

— Это почему же? — возразил Бейли. — Я не юрист, я ученый, но даже я понимаю, что вы подвергаете преступника истязаниям, как физическим, так и моральным, чтобы он осознал и исправился, — так? Так! Оставляю вопрос о том, как часто вы достигаете цели и так ли уж действенна ваша исправительная практика. Почему-то мне кажется, что, выйдя потом на свободу, через десять — двадцать лет, ваши «осознавшие» и «исправившиеся» вновь берут в руки ножи и пистолеты и вновь попадают под влияние мафий. Это называется, если не ошибаюсь, рецидивом, верно, Дэвид?

— Верно.

— И каков его процент? Ты не скажешь на память?

— Скажу. Большой.

— А я, между прочим, дав преступнику страшный урок, не только избавляю его в будущем от нищеты, то есть не только лишаю его социальных причин для совершения новых преступлений, но еще вытаскиваю его из болота мафии, вывожу из преступного окружения, из этой среды, сделав ему пластическую операцию и сменив ему не только имя, но даже отпечатки пальцев! Он может буквально как новорожденный начинать новую жизнь! Многие ли мои подопытные вернулись к

своим прежним преступным занятиям? А, Дэвид, многие?

— Не знаю.

— Я знаю: единицы! Таким образом, вашей цели «осознания» и «исправления» мы достигаем быстрее, результативнее и более гуманным способом! Кстати сказать, с каждым из моих подопытных заключается контракт, а это значит, что формально «добровольность» соблюдена! Ну? Что ты скажешь на все это, комиссар? И ты, печатный глас народа?

Рольф Бейли вновь приложился к виски и не без торжества сошел с «кафедры» на рабочее место за письменным столом.

— Что касается меня, — сказал после паузы Честер, — то я, Дэвид, почти «готов».

— Могу тебе позавидовать, — мрачно произнес Гард. — У меня такой вопрос, Рольф. Если ты так убежден в своей правоте, почему бы эти опыты не делать открытыми? Не разрекламировать их полезность, результативность и, как ты говоришь, гуманность? И почему твой шеф и покровитель Дорон, едва я сунул нос в вашу преисполню, немедленно прекратил твою деятельность, а потом еще «наигуманнейшим» образом уничтожил почти всех твоих подопытных, заметая следы?

— Нет, — сказал вдруг Честер, — я еще не «готов». Подожду, что Рольф ответит.

— У него очень принципиальная позиция, — с улыбкой сказал Бейли, обращаясь к Гарду и имея в виду Честера. — Не пора ли нам его все же выгнать?

— Пожалуй, пора, — тоже улыбаясь, согласился Гард. — Впрочем, пусть сидит. Если серьезно, его колебания отражают и твои, Рольф. Я не могу поверить, что ты сам веришь во все, что говоришь.

— Не лезь ко мне в душу, — с горькой иронией сказал Рольф Бейли. — У современного человека душа — сплошной лабиринт, и там есть такие закоулки, из которых, бывает, даже с полицейскими собаками не выбраться… Но ты задал мне вопрос? Отвечаю. Почему бы не открыть наши опыты? Во-первых, потому, что я не наивный идеалист, а опыты стоят колоссальных денег, — ты меня понял? Украдут! Конкуренты! Лишат приоритета! Кроме того, нельзя сбросить со счетов и то, что результаты наших изысканий имеют, безусловно, военно-государственное значение, — надеюсь, это не нужно тебе объяснять? Наконец, целый перечень не менее важных и существенных причин. Например: финансирование идет через ведомство генерала Дорона, — стало быть, он и определяет степень и уровень закрытости моей работы. Не я! Кто платит, как говорят, тот и заказывает музыку. И не вы, потому что вы с Честером пока что ни одного лемма на опыты не выложили. Есть и еще один довод. Массовое общественное сознание — а господствующая мораль есть производное этого сознания — всегда и неизбежно отстает от событий. Если даже вы, умные и видавшие виды люди, к тому же мои друзья, извините за выражение, накинулись на мою работу с несправедливыми обвинениями, а меня посчитали мракобесом и преступником, что прикажете ждать от недальновидного и тупого обывателя? Пройдет время, его сознание приспособится к новым условиям, и тогда он скажет мне спасибо, как, надеюсь, и вы. А пока — рано.

— Значит, — сказал Гард, — в массе своей народ, по-твоему, моральный консерватор?

— Ты еще сомневаешься в этом? Безусловно! Народ — быдло! Он развлекался, когда жгли Джордано Бруно, считал еретиком Галилея, разрушал станки, не принимал картофель, смеялся над синематографом, прежде чем его признал, восставал против компьютеров, опутал, как паутиной, «моральными проблемами» пересадку донорских сердец… Продолжать перечисление или хватит? Тебя не поражает, комиссар Гард, как это вопреки консерватизму толпы все же рождались прогрессивные идеи и пробивали себе дорогу?

— Не вопреки, — поправил Гард. — Вопреки воле народов еще ничего никогда не торжествовало.

— Да?! — прервал молчание Честер. — А фашизм? А войны?

— Что — фашизм? — сказал Гард. — Что — войны? Большинство не хотело ни того, ни другого.

— А им навязали! — с сарказмом воскликнул Бейли. — Что и доказывает: быдло!

— А кто тогда делает революции?! — тоже вскричал Честер. — Благодаря кому…

— Благодаря кому они происходят? Благодаря тупицам реакционерам, которые тормозят безотлагательные реформы и тем самым доводят до взрыва! Дураки — всюду дураки. Ждать, когда они прозреют и сообразят, что для народа благо, а что нет? У меня мало времени, нас всех торопят события.

— Вывод? Определять, что для народа хорошо, а что для него плохо, дано тебе? — сказал Гард. — Или вот ему? — Он указал на Честера. — Или Дорону?

— Есть люди близорукие, а есть дальновидные. Кто же кого должен вести?

— Это ты себя и Дорона, разумеется, полагаешь дальновидными? Вам и дано определять, что есть для народа благо? Гитлер тоже так про себя думал и привел народ к катастрофе! — резко сказал Гард. — А вы с Дороном просто иезуиты, исповедующие лозунг: цель оправдывает средства!

— Опять демагогия! — презрительно бросил Бейли. — Иезуиты! А что такого они сделали, позволь тебя спросить? Какой такой цели достигли, используя неправедные средства?

— Основали фашистское государство, — тихо сказал Честер.

— Какое? Где и когда?

— В семнадцатом веке, в Парагвае. Что у тебя было по истории на второй год обучения в колледже? Иезуиты так воспитали народ, то есть местных индейцев, что он с благодарностью целовал розги, которыми его пороли «отцы», лучше народа знающие, что человеку для его же блага надо.

— Это не разговор, — оборвал Честера профессор Бейли. — Меня совершенно не интересует Парагвай и его коренное население. Я делаю благое дело. Я способствую выживанию человечества. Вы просто спятили. Я опроверг все ваши вздорные обвинения, а услышал в ответ байку про индейцев Парагвая и

общефилософские рассуждения, где сколько голов, столько теорий! С меня достаточно ваших заскорузлых эмоций!

— Ну что же. — Гард встал. — По-моему, все уже сказано, и, как водится между друзьями, до конца. Дело лишь в том, кто что услышал в этом разговоре. Пусть я «моральный консерватор», но все же задумайся, Рольф Бейли. Почему сквозь тысячелетия человечество пронесло неизменным такое логически недоказуемое понятие, как «совесть»? И почему Гитлер счел необходимым объявить совесть химерой… Одевайся, Рольф.

— Что ты намерен делать?

— Взять тебя с собой.

— Для чего и по какому праву?

— Для твоего же блага и по праву человека, облеченного властью. Вот видишь, в данном случае я определяю, что для тебя благо, а что нет.

— Типичный произвол! Или ты шутишь?

— Нет, перевожу твою теорию в действие.

— Тогда объясни по-человечески…

— Хорошо, Рольф, слушай. Я убежден, что твой особняк, начиная с туалета и кончая этим кабинетом, прослушивается генералом Дороном. Моя глушилка работает, но мощности ее, боюсь, не хватает. Стало быть, Дорону может быть известен весь наш разговор и даже то, что я говорю тебе сейчас. Коли так, он понимает, что ты для него потенциально опасен, ибо знаешь слишком много и можешь вольно или невольно выболтать, как тот брадобрей царя Мидаса. Кроме того, в отличие от тебя, Дорон прекрасно осознает, насколько преступна его и твоя деятельность. Поэтому я вынужден забрать тебя отсюда и устроить так, чтобы ты был какое-то время недоступен Дорону.

— В тюрьму?!

— Возможно.

— Фред, что ты молчишь? — обратился Рольф Бейли к Честеру, который в ответ только пожал плечами: мол, в этих делах нужно довериться Гарду.

— Мартенс, вы далеко? — не повышая голоса, произнес Гард, дверь тут же отворилась, и сержант вошел в кабинет. — Автобус с глушилкой снимите. Мою машину к подъезду. Впереди нас и сзади по мотоциклисту. Если все ясно, исполняйте.

Мартенс щелкнул каблуками и вышел. Дэвид Гард приблизился к Бейли, наклонился к его уху, но не шепотом, а своим нормальным голосом, то есть явно демонстративно, сказал:

— Рол, завтра во Дворце правосудия я устраиваю прелюбопытнейшую пресс-конференцию. Ровно в восемнадцать ноль-ноль. Я хочу, чтобы и ты и Аль Почино не только дожили до нее, но и пережили ее. Я так хочу, Рол, и так будет. Ты меня понял?

После этого они втроем двинулись из кабинета. Профессор шел впереди,

безвольно опустив плечи, а Гард и Честер, как конвоиры, чуть сзади от него, по бокам.

26. ПОД ПРИЦЕЛОМ

Бывший клиент «Фирмы Приключений» Аль Почино был доставлен во Дворец правосудия за час до начала пресс-конференции в бронированном микроавтобусе под усиленной охраной полицейских, возглавляемых сержантом Мартенсом.

Когда Аль Почино выгружали из автобуса и вели длинными коридорами Дворца, полицейские окружали его плотным живым кольцом, своими телами предохраняя от возможных эксцессов. Впрочем, все обошлось без сюрпризов, никто на Аль Почино не покусился, если не считать повышенного и естественного интереса, который он вызывал у работников правосудия, к восемнадцати ноль-ноль наводнивших Дворец, и журналистов, прибывших заблаговременно, чтобы занять лучшие места в зале.

Дэвид Гард был на месте за полчаса до начала, привезя с собой профессора Бейли. Рольф Бейли был одет в полицейскую форму, которая сидела на нем как фрак на мартышке, и сопровождаем двумя настоящими работниками полиции, но в штатском.

Объявление о пресс-конференции по распоряжению комиссара было опубликовано во всех утренних газетах под кричащими заголовками типа «Убийца обвиняет!», «Сенсационное признание гангстера Аль Почино!», «Тайна убитого антиквара Мишеля Пикколи раскрыта!», «Преступление Аль Почино комментирует профессор Рольф Бейли!», «Комиссар полиции Гард разоблачает „Фирму Приключений“!» — и так далее. Интерес к пресс-конференции был, разумеется, наиповышенный. Министр Воннел, сам узнавший о событии из утренних газет, позвонил Гарду и потребовал объяснений. Комиссар предложил поступить иначе: чем объясняться по телефону, лучше выяснить отношения во Дворце правосудия.

— Приглашаю вас, господин министр. Право, не пожалеете.

— Вы что позволяете себе, комиссар?! — взревел в трубке голос Рэя Воннела.

— Ничего особенного, господин министр, — покорным тоном ответствовал Гард. — Инструкция, как вы знаете, позволяет комиссару полиций устраивать пресс-конференции без согласования с руководством — это раз. Во-вторых, я движим исключительно заботой о благе общества и государства, а потому не хотел бы сводить дело к беседе с вами по телефону, как бы она ни была для меня приятна. Наконец, осмелюсь доложить, господин министр, что машина запущена и остановить ее уже никто не в силах. Я проведу пресс-конференцию в любом качестве: комиссара полиции или частного лица.

— Не много ли на себя берете. Гард?! — с откровенной угрозой в голосе произнес Рэй Воннел.

— Много, — согласился Гард. — Увы, господин министр. Но эта ноша не отягощает, по крайней мере, мою совесть…

Воннел чертыхнулся и, не дослушав, бросил трубку. Впрочем, Гард тоже все сказал.

Он сжег корабли.

Однако остался в отличном расположении духа. Сняв пиджак, он оттянул подтяжки и треснул ими по мощной груди.

Теперь Дэвид Гард твердо знал, что ему удастся сохранить должность комиссара полиции лишь при условии, если он свалит сегодня генерала Дорона, на одном суку с которым сидит и министр Воннел. Тогда его официально не посмеют тронуть. В противном случае или, положим, если неофициально… но об этом Гард не хотел сейчас думать.

Пути назад все равно не было.

Когда до начала пресс-конференции оставалось около двадцати минут, Дворец гудел, как аэродинамическая труба. В Большом зале невозможно было протолкнуться. Над головами сидевших в креслах людей, как, впрочем, и стоящих в проходах, возвышались, словно часовые, восемь телекамер, на каждую из которых Гард еще утром дал специальное разрешение, безжалостно зарубив заявку телекомпании Би-би-сю (Библейский Бином Сюрпризов), поскольку она была тесно связана с генералом Дороном, и Гард это знал. Кроме того, он закрыл доступ во Дворец телекомпании Эс-вэ («Спешите видеть!»), ибо она принадлежала не государству, а частному лицу, причем явно подставному, а фактически контролировалась Крафтом-старшим, то есть отчасти тем же Дороном. «В Большом зале, — решил Гард, — и без того будет предостаточно граждан, работающих на Дорона. Обойдется без этой телекамеры!»

За десять минут до начала главный герой пресс-конференции Аль Почино попросил чашечку кофе, и Гард распорядился, чтобы Мартенс сам приготовил питье и перед тем, как дать гангстеру, позволил ему. Гарду, сделать первый глоток и более не выпускал чашку из собственных рук. Одновременно с этим Рольфа Бейли вновь одели в цивильный костюм, и он обрел наконец человеческий вид. Правда, обретя, тут же заявил:

— Имей в виду, Дэвид, никаких разоблачений я делать не буду! Я буду молчать!

— Ну и молчи, — покорно согласился Гард. — Я выйду к ним, расскажу, что знаю, потом выведу Аль Почино, а потом и тебя. Остальное — твое дело! Не я же буду стоять перед этой оравой! — Он кивнул на Честера, в этот момент сидящего в кресле и смолящего сигарету за сигаретой. — Ты будешь стоять! Но имей в виду и ты, дорогой Рольф Бейли, пресс-конференция — страшное дело: недоберешь — тебя съедят; переберешь — сам подавишься. Вот и ищи середину! Я так говорю, Фред?

За пять минут до начала во Дворце правосудия скрыто появилась Дина Ланн, сопровождаемая инспектором Таратурой, это тоже было запрограммировано комиссаром Гардом и должно было послужить сюрпризом для всех, в том числе для генерала Дорона и даже для Честера. Вновь прибывшие быстро проследовали в комнату, находящуюся рядом с теми двумя, где были Гард с Бейли и Честером и Мартенс с Аль Почино. В этой комнате, как и в других, были установлены

телеэкраны, поэтому все, что происходило в Большом зале во время пресс-конференции, можно было слышать и видеть.

За пять минут до назначенного срока пресс-конференции Гард в полном одиночестве появился перед сгорающей от нетерпения толпой журналистов, завладевшей каждым миллиметром Большого зала. Взяв в руки микрофон, он обвел присутствующих веселым взглядом, улыбнулся своей обаятельной и обезоруживающей улыбкой, доступной только киноактерам, да и то не всем, а истинно талантливым, и вдруг сказал:

— Господа, прежде всего прошу вас покинуть помещение!

Что тут началось! Поднялся такой топот и свист, что Гард понял: останавливать шабаш — то же самое, что останавливать всемирный потоп. Он терпеливо ждал, пока возмущение и недоумение присутствующих сами себя исчерпают, а потом, уловив некоторый спад энергии и не снимая с лица той же улыбки, миролюбиво добавил:

— И не волнуйтесь, вас через пять минут пригласят обратно! Но! Обращаюсь к тем, кто случайно захватил с собой кольты, вальтеры, винчестеры, легкие и тяжелые пулеметы, в том числе пулемет «максим», гаубицы, мортиры и небольшие атомные бомбы: сдайте, пожалуйста, все это добро в окошечки номер пять и шесть! И не подвергайте себя конфузу, возвращаясь назад через установленный при главном входе турникет… Прошу прощения, господа, но эту меру я вынужден принять ввиду чрезвычайной исключительности события и, кроме того, чтобы добавить перца в наши отношения!

Ропот, по мере того как говорил Гард, постепенно стихал и перешел в общее веселье. Публика зааплодировала и потянулась к выходу, движимая, главным образом, любопытством: кто что сдаст в окошки номер пять и шесть и кто потом на чем засыплется в турникете.

Когда все вышли из Большого зала, с десяток полицейских быстро обследовали помещение — правда, безрезультатно, — затем заперли все двери, кроме одной, в которой и был установлен турникет наподобие тех, через которые во всем мире стали пропускать пассажиров в самолеты после известных событий с захватами и угонами авиалайнеров. Журналисты потянулись назад, а Гарду передали короткую записку от полицейских из окошек номер пять и шесть: получено семь предметов, относящихся к огнестрельному оружию, двадцать четыре предмета — к холодному, а один шутник сдал медальон с цианистым калием.

Турникет, пока через него возвращались в конференц-зал люди, ни разу не пикнул, и в душе у Гарда тоже не прозвучал сигнал тревоги: все шло как по маслу, и можно было, кажется, помолясь, начинать.

— Я рад приветствовать обезоруженную аудиторию, — сказал в микрофон Гард, и зал ответил ему добродушным смехом. Контакт был. — Выслушайте для начала краткое сообщение, — продолжал комиссар. — Не так давно в нашем городе произошло убийство антиквара Мишеля Пикколи, относящееся к числу преступлений, совершенных в «закрытой комнате», — надеюсь, вам не надо объяснять, что это значит. Убийца найден, сейчас он предстанет перед вами, его имя Аль Почино. — Гард сделал паузу и оглядел притихший зал. Он обратил внимание

при этом, что, ведя прямую трансляцию, работали семь из восьми телекамер, а восьмая почему-то бездействовала, во всяком случае, красный глазок на ней не горел. Гард успел подумать про себя: какого черта? Технику вовремя не могли наладить?

— Не могу не предупредить вас, — продолжал комиссар, — что Аль Почино выступит перед вами не только как обвиняемый, но и как обвинитель. Дело в том… — И Гард кратко изложил весь расклад событий, не забыв сказать и о Рольфе Бейли как об ученом, который руководил научными экспериментами «изуверского типа», добавив, что беседовать с профессором Бейли аудитория будет сама, если у нее получится, поскольку профессор попытается уйти от ответа и таким образом от ответственности. — Затем вас ждет еще один сюрприз, — сказал Гард, — но я умолкаю, чтобы предоставить слово прочим участникам пресс-конференции. Вопросы можете задавать как в устной, так и в письменной форме, но с непременным представлением: кто спрашивает и от какой фирмы. Не обещаю вам уж очень веселого шоу, — сказал Гард. — Увы, господа, кто пришел посмеяться, ошибся адресом… — Комиссар умел вести пресс-конференции! Немного выждав и, кажется, насладившись звенящей тишиной, он произнес в микрофон: — Сержант Мартенс, сделайте одолжение, пригласите сюда мистера Аль Почино и профессора Рольфа Бейли!

Когда эти двое появились в зале, все внимание приковалось, естественно, к ним. Все восемь телекамер развернули свои объективы и нацелились на эту пару. Аль Почино держался спокойно и с достоинством. Он не стал присаживаться за стол, за которым сидел комиссар Гард, а сразу подошел к микрофону. Взял его в руки, но, прежде чем открыть рот, бывший гангстер повернул голову в сторону профессора Рольфа Бейли и долгим, ненавидящим взором посмотрел ему прямо в глаза. Бейли уже сидел рядом с Гардом. Сочные губы его задрожали, подбородок запрыгал, он побледнел и прикрыл на секунду лицо сразу двумя руками, но тут же убрал руки, понимая, что производит невыгодное впечатление. «Ну, что я говорил тебе? — подумал Гард. — Я говорил, что пресс-конференция — это не прогулка при луне? Сейчас эта орава будет рвать тебя на куски, Рольф Бейли, как твои ротвейлеры рвали подопытных…»

Тем временем Аль Почино тряхнул головой, как бы сбрасывая с себя жуткое видение, раскрыл рот, произнес: «Дамы и господа, позвольте…» — и вдруг, вскинув вверх обе руки, на кончиках пальцев которых были розовые подушечки, при полном молчании потрясенного и ничего не понимающего зала, в абсолютной тишине, если не считать кузнечного стрекота нескольких кинокамер, повалился, как кегля, навзничь и, не выпуская из зажатого кулака микрофона, замер на полу, устремив невидящий взгляд куда-то мимо люстры на потолке, и глаза его мгновенно остекленели.

Гард, Мартенс, Честер, какие-то люди в полицейской форме и какие-то люди в штатских костюмах кинулись к Аль Почино.

Единственное, что успел отметить Дэвид Гард, — так это то, что в момент, когда бедняга вскидывал руки, зажегся красный глазок на восьмой телекамере; это обстоятельство как бы соединило в сознании комиссара два факта: падение человека и начало работы камеры, хотя никакой логической связи тут не просматривалось.

В зале мгновенно возникла паника. Люди бросились кто вон из помещения, кто на сцену, кто полез под кресла, кто оказался на подоконниках, готовясь, вероятно, бить стекла и прыгать вниз с пятого этажа.

Гард, перекрывая крики, визг, вопли, топот сотен ног, заорал в микрофон:

— Назад! Все назад! Всем оставаться на местах! Никакой паники! Перекрыть входы и выходы из зала и Дворца! Никто не должен покидать помещение! — Еще через секунду он хриплым голосом прорычал Мартенсу, не замечая, что рычит в микрофон: — Восьмая камера! Мартенс, восьмая камера! Быстро!

Но возле восьмой телекамеры уже стоял словно выросший из-под земли Таратура. Инспектор крепко держал хилого оператора в наушниках, который бился в его мощных объятиях, как рыба в сетях.

Когда панику удалось пресечь и наладить в зале относительный порядок, выяснилось: в объектив именно восьмой камеры был вмонтирован бесшумно стреляющий карабин 76-го калибра, причем пуля пошла в том направлении, куда был нацелен объектив, а карабин выстрелил одновременно с включением аппарата.

Понимая, что пресс-конференция фактически сорвана, Гард все же объявил перерыв на полчаса и накинулся на тщедушного оператора восьмой камеры, который все еще был в наушниках и не мог догадаться, что их можно и нужно снять.

— Почему ваша камера включилась позже всех?

— Что? Что вы сказали? — пролепетал оператор. — Я ничего не знаю, господин комиссар! Клянусь вам, я ничего…

— Фирма?

— Мне скомандовал режиссер… Чтобы я взял Аль Почино… Я взял, а потом он дал команду: эфир!.. Я нажал клавишу прямой трансляции… и он вдруг упал!.. Но я ничего не знаю…

— Фирма? — повторил комиссар.

— Как вы сказали?

— Снимите наушники! — рявкнул Гард.

— Ах, извините… — стаскивая наушники, пролепетал оператор. — Как вы сказали?

— Я спрашиваю, какую фирму вы представляете?

— Я? Эт-цэ-сю.

— Расшифруйте.

— Телевизионное Царство Сюрпризов.

— Сюрпризов? Имеете отношение к Би-би-сю?

— Так точно, господин комиссар. Филиал…

— Вот где я прокололся! — неожиданно вслух подумал Гард.

— Как вы сказали?

— Я спрашиваю, кто финансирует? Не знаете?

— Нас, господин комиссар? Говорят, мы пользуемся покровительством какого-то… Христофора… э-э-э… извините, не помню фамилию… то ли Гуснер, то ли Гаснер…

— Гауснер?! Христофор Гауснер?!

— Вот-вот, господин комиссар, так точно!

«Этого еще не хватало!» — подумал Гард.

— А кто режиссер передачи?

— Этой? Мистер Пикколи, Андре Пикколи…

— Сын антиквара Мишеля Пикколи?!

— Не могу знать, господин комиссар. Извините…

— Он здесь? В зале? Ваш режиссер?

— Никак нет, господин комиссар, на студии…

— Вы что, военный?

— Я, господин комиссар? Так точно! До работы на фирме… в войсках ПВО…

— Режиссер был с вами на связи? — Гард показал на наушники.

— Так точно, на связи! — подтвердил оператор, все еще трясясь всем телом.

Дальнейший разговор с ним терял смысл. Убийцы Аль Почино в зале не было. Гард это отчетливо понял. Убийца сделал свое дело раньше, а теперь сидел дома перед экраном телевизора и пил кофе маленькими глотками, неслышно посмеиваясь. У Гарда не было ни малейших сомнений в том, что этим человеком является генерал Дорон, во всяком случае, идея и организация покушения на Аль Почино наверняка принадлежат ему.

Гадкое, омерзительное чувство охватило комиссара Гарда: чувство, родственное старческому бессилию, духовной и телесной немощи. Дэвид Гард заранее знал, что не избежит неприятностей. Знал, что нельзя до конца доверять ни Фрезу, ни Гауснеру, как бы они ни демонстрировали своих союзнических чувств; коварства в каждом из них было больше, чем преданности, корысти и страха, больше, чем долга и смелости, а потому на любом этапе отношений эти типы могли и продать, и предать. Зло ищет в союзники только зло, а с добром расстается, как с лишней обузой. Еще задолго до пресс-конференции Гард понимал, что Дорон попытается каким-то способом помешать его общению с журналистами, — но чтобы с такой демонстрацией своих сил и возможностей?! Гарду было ясно, что генерал попытается убрать всех свидетелей обвинения — посягнет и на Рольфа Бейли, если тот вздумает открыть рот, и на Дину Ланн с ее женихом-президентом, если они ринутся в бой, и на Честера с Таратурой, если те окажут решительное сопротивление, не поддавшись на подкуп или шантаж, и даже на него самого, на комиссара Гарда, как уже посягнул однажды с помощью негодяя Хартона. Понимая все это, предвидя, комиссар полиции принял, кажется, все возможные меры предосторожности, но ничего не смог противопоставить своему всесильному врагу, хотя сам обладал, как он думал, немалым могуществом: властью, данной ему народом, правительством и государством. Увы, перед лицом мафии, получившей благословение того же правительства и того же государства, а потому действующей

как хорошо смазанная машина, комиссар Гард оказался беспомощным и слабым, как мальчик перед зрелым мужчиной, как любитель-боксер перед профессионалом, как новичок перед мастером, как солдат-пехотинец перед танком. Эта машина способна перемалывать все живое и сопротивляющееся, выплевывая в конечном итоге то, что остается и что называют в миру честью и совестью, как пуговицы, потому что машина всегда существовала и будет существовать без этих качеств, что, собственно, и делает ее машиной — в отличие от человека.

— Аминь! — вслух произнес Гард, вставая. — Все! Достаточно! Все остаются здесь, в комнате. Я выйду в зал один, чтобы довести начатое до конца…

— Дэвид! — сказал, тоже вставая, Честер. — Это безумие!

Гард перебил его:

— Сядь и молчи! Я не могу позволить себе рисковать вашими жизнями, это так же ясно, как дважды два четыре. Слушайте трансляцию, если хотите, и… не беспокойтесь за меня. Сегодня больше не будет ни выстрелов, ни пуль. Меня убили иначе: отобрали вас, свидетелей обвинения… Я же для них безопасен, как безопасна змея, лишенная жала. Я все сказал, а вы извольте подчиниться, пока… пока я еще комиссар полиции!

— Но смысл?! — крикнул Фред Честер.

Гард долгим взглядом посмотрел на своего друга и, ничего не ответив, вышел из комнаты. Через несколько секунд он появился на сцене. Его встретила напряженная и явно сочувственная тишина. Сидевшие в зале журналисты словно поняли, что комиссар Гард сам себе устраивает публичное аутодафе. Он добровольно, находясь в полном здравии и при ясном уме, всходил на эшафот, предпочитая героический конец бесславному продолжению. В ситуации, в которой оказался комиссар Дэвид Гард, это была, вероятно, единственная возможность, вчистую проигрывая последний раунд борьбы, все же сделать попытку если не выиграть его, то уйти с честью.

И комиссар взял в руки микрофон…

ЭПИЛОГ

Три года спустя, в один из весенних дней, Фред Честер, сидя дома и разрисовывая фломастерами картинки для своего первенца, лежащего в кроватке, услышал телефонный звонок. По своему обыкновению он не прервал дело, которым занимался, рассчитывая на то, что либо жена, выйдя из кухни, возьмет трубку, либо на том конце провода потеряют терпение. На сей раз, однако, и Линда почему-то не выходила, и неизвестный, домогавшийся Честера, проявлял настойчивость и терпение: то ли Фред был ему очень нужен, то ли он неплохо знал характер журналиста. И Честер в конце концов сдался.

— Алло! — сказал он. — Вас слушают.

— Ты делаешь успехи, — раздался знакомый до боли голос. — Когда-то выдерживал до десяти гудков, теперь пятнадцать! Тебе что, прибавили зарплату?

— Дэвид? Ты?!

— Что в этом удивительного? В газетах ведь не было некролога, посвященного моей скромной персоне, преждевременно угасшей в расцвете физических и творческих сил, как обычно сообщают даже о девяностолетних старцах… Скажи, Фред, ты все еще у Линды на привязи?

— В каком смысле, Дэвид? Вообще-то у нас сын, но я, как всегда, свободен.

— Поздравляю. Не прошло и трех лет, как ты превратился в настоящего мужчину. Говорю это к тому, что не прочь повидаться с тобою.

— Прекрасно, Дэвид! Где? Когда?

— Например, сегодня? И например, в том же «Бруте»?

— Не возражаю… Извини, одну секунду… Представь, это Дэвид Гард, дорогая! Никуда мы не собираемся, с чего ты взяла? Дэвид, ты меня слышишь? Линда передает тебе сердечный привет!

— Ей тоже.

— Тебе, дорогая, тоже… Дэвид, не созвать ли всю нашу компанию?

— Всю, к сожалению, не выйдет, уже не получится. Бедный Валери Шмерль!

— Да, его доконали печень и Матильда… Почему ты не был на похоронах?

— Поздно узнал. Из газеты. Ты был?

— Да, мы шли с Клодом и Карелом за гробом и говорили о том, что уже лупят по нашему квадрату. Невеселая тема. Рольфа, между прочим, тоже не было, но он прислал Матильде телеграмму соболезнования, а ты даже…

— Не сообразил, Фред. Наша извечная суета.

— Суета и дружба несовместимы, Дэвид. Где тебя носило все эти годы?

— Потом, Фред, потом. Так Рольфа, говоришь, не было?

— Мы не встречались с того самого дня, понял?

— Понял. Я тоже.

— Значит, в «Бруте» и одни?

— Одни.

— Примерно в восемь вечера?

— Лучше в шесть. Я хочу еще показать тебя одному человеку. Стоматологу.

— Меня?! Стоматологу?!

— Не пожалеешь, Фред. Отличный специалист!

— Но у меня не болят зубы!

— Увидишь его — заболят. Нет, я не шучу, у меня действительно к тебе дело, связанное со стоматологом.

— Я смогу заработать, надеюсь?

— Скорее потратиться, но не более чем на ужин.

— Ну и ну! Пардон, Дэвид, мой малыш что-то хочет… ага: передает тебе нежный поклон!

— Скорее мокрый, чем нежный… Сколько ему?

— Скоро три месяца. Вундеркинд! Весь в меня. Он будет играть ногами на пианино! И вот… уже… это… пардон, передает привет!

— Ты образцовый отец, Фред. Привет малышу от дедушки Дэвида. До вечера!

— До вечера!

В «Бруте» мало что изменилось за минувшие годы: те же колонны посередине зала, те же ажурные перегородки и «отдельные кабинеты», та же негромкая публика и тот же всепонимающий и ни во что не вмешивающийся Жорж Ньютон, то ли однофамилец, то ли потомок того, другого, бессмертного Ньютона (впрочем, какой же потомок? — у великого Ньютона не было детей…).

На этот раз друзья предпочли место в углу. Ничто не мешало их общению и разговору; ни тихая музыка в стиле «ретро», ни компания, мирно веселящаяся вокруг одной из колонн, ни даже одинокий подвыпивший чудак, несколько раз подходивший к ним от соседнего столика, чтобы позабавить идиотским вопросом, типа:

— Прошу прощения, господа, зачем растут пальмы в Крыму?

— В Крыму не растут пальмы, уважаемый.

— А если посадить?

— Зачем?

— Вот я и спрашиваю, господа: зачем?!

— Жорж, можно тебя на минуточку? Дай справку этому джентльмену относительно пальм в Крыму.

— Вас понял. Маэстро, не угодно ли вам сесть за свой столик, а я приволоку вам том энциклопедии на букву "п"?

— Угодно. Честь имею, господа!

— Дэвид, мне изрядно надоел этот субъект. По-моему, он нарочно к нам привязывается.

— Нет, просто хватил лишнего. Я таких, которые «нарочно», узнаю за милю.

— И все же он по твоему ведомству больше, чем по моему.

— У меня, Фред, уже три года как нет ведомства.

— Знаю… Чем же ты занимаешься?

— Частным сыском. Вышел в отставку, теперь у меня своя контора. Меня проводили с почетом, но в одну неделю. С орденом в петлице. Воннел с Дороном не поскупились бы и на два, если бы я вовсе отказался от пресс-конференции.

— Я сделал материал для «Вечернего звона».

— Все же сделал?

— За кого ты меня принимаешь?.. Краткое изложение твоей обличительной речи… Но Верблюд, прочитав не без интереса, сунул в сейф, а ключ проглотил. Доказательств, представь себе, маловато! Обвинение построено на песке! Как будто, если бы…

— Он прав, Фред. Увы, без Аль Почино, без Дины Ланн, без Рольфа Бейли и без тебя я действительно оказался без фундамента.

— Хотя все, что ты говорил, было сущей правдой! Я подозреваю, Дэвид, что моему Верблюду кто-то звонил задолго до того, как я принес материал.

— Они действительно обзвонили все газеты и телекомпании. Мне доподлинно известно, что видеозаписи, сделанные в тот день, были уничтожены на основании официального приказа, подписанного Воннелом. Знаешь, с какой мотивировкой? В целях сохранения государственной тайны! И все же, если бы Аль Почино был жив!..

— Не обольщайся. Дорон всесилен, я еще раз убеждаюсь в этом.

— При чем тут Дорон? Он всего лишь чугунный наконечник стрелы, отлитой из чистого золота… Я уверен, они заплатили газетам и телекомпаниям за молчание много больше того, что те могли заработать, открыв рты! И все же, Фред, если бы им не удалось убрать Аль Почино!.. Между прочим, я получил ни с чем не сравнимое удовольствие, выступая тогда перед умной и профессиональной аудиторией: я сказал все, что я думаю и что знаю, не кривя душой. И, знаешь, это было на редкость приятно.

— Типичный Дон-Кихот! К сожалению, Дэвид, я могу прогнозировать для таких, как ты, только психушку, где будет наконец-то полное взаимопонимание с окружающими!

— Благодарю за откровенность, но отвечу тем же. Из трезвых рационалистов нередко получаются хорошие надзиратели в тюрьмах и санитары в сумасшедших домах.

— Прошу прощения, господа, не окажете ли вы мне любезность и не покажете ли свои зажигалки?

— Чего?!

— Не удивляйтесь. Я коллекционер-исследователь: собираю действующие зажигалки, ломаю их и продаю тем, кто собирает сломанные…

— Жорж, этот джентльмен будет рад купить у тебя зажигалку!

— Вас понял. Прошу, маэстро, пересесть за тот столик, я все устрою.

— Честь имею, господа!..

— Если он подойдет еще раз, я ему просто врежу!

— Не глупи, Фред, в конце концов, это даже забавно: с чем он еще явится? Попробуй угадать…

— Ну его к черту. Скажи лучше, что происходит с Карелом?

— А что с ним происходит? Я не видел его тысячу лет.

— По-моему, он полностью слился с компанией Ивона Фреза, и теперь, когда ты уже не комиссар…

— Его и поймать некому, и защитить тоже? Ты это хотел сказать? Ха-ха-ха, бедный Карел Кахиня! Не беспокойся за него, Фред, он увертлив и осторожен, как уж. Он всю жизнь ползет ровно по границе между законом и беззаконием и не высовывается ни в ту, ни в другую сторону.

— Что ты знаешь о Таратуре?

— Ну… он уже комиссар! В Интерполе. Его сначала взял к себе Киф Бакеро, сразу после моей пресс-конференции. Телохранителем. А потом он ушел в Интерпол.

— После падения Кифа Бакеро?

— Да, после того, как он сложил с себя президентство. Таратура быстро сделал карьеру, ты ведь знаешь: он действительно способный сыщик.

— А Бакеро? Его, конечно, свалили? Было в газетах…

— Сам ушел, умница. Кто он такой для страны? Конечно, случалось, на троне оказывались и сумасшедшие, но то все же были короли, а не «компьютерные описки». Бакеро тихо-мирно сдал, так сказать, вахту очередной марионетке, небось даже согласовал сумму «отступного» и все сроки с Дороном… Умница!

— И что теперь?

— Теперь? Они с Диной Ланн фермеры. Кажется, в Боливии. У Дины маленькая дочь, невеста твоего вундеркинда…

— А с Таратурой ты поддерживаешь связь?

— Да. Он даже выполнил один мой заказ.

— Разве Интерпол выполняет заказы частных контор?

— Если клиент платит…

— Прости, Дэвид, а кто твои клиенты?

— Чаще я сам. Только не смейся. Един в двух лицах: сам себе заказываю, сам выполняю.

— Можешь объяснить? Я не понял.

— Потом, Фред… Кстати, помнишь сержанта Мартенса?

— Я что-то читал о нем в полицейской хронике… Он, кажется, стал инспектором? Ты все же сдержал слово?

— Не я. Дорон. Мартенса перекупили, вот так, Фред.

— Когда?! Он же производил впечатление…

— Порядочного человека? К сожалению, я знал только, как он работает, а как и о чем думает, понятия не имел. В этом моя ошибка. Короче, я всего лишь обещал ему должность, а Дорон дал ее и еще некую сумму денег: тут сложно устоять…

— Тогда я многого не понимаю, Дэвид…

— Поймешь. Не торопись. Сначала выпьем… Хорошо!.. Это была изощренная акция Дорона… Прежде всего он очень быстро снюхался за моей спиной с Гауснером. С того момента, как я сел на хвост людям Дорона в Даулинге и генерал

понял, что я могу их опередить, он стал лихорадочно подбирать ключи к Фрезу и Гауснеру. А что он иначе мог делать? Логично?

— Вполне.

— Сначала Дорону удалось перекупить у Гауснера за очень большую сумму громилу Рафаэля — помнишь?

— Того самого, который убил Билла Райта?

— Ну да, в аптеке у Жака Бантье, но расплатился за это собственной жизнью… Я думаю, что Дорон всю сумму вручил Гауснеру, с тем чтобы тот поделился с Рафаэлем, но когда последнего пристрелил сержант Мартенс…

— Но Мартенса, ты говоришь, тоже купили!

— Вот именно за этот выстрел Гауснер, по просьбе Дорона, заплатил Мартенсу как бы наградные. По секрету от меня, и сержант проглотил эту наживку, а потом уже прочно сидел у них на крючке. Так прочно, что даже пропустил телекамеру с вмонтированным в объектив оружием, и тоже за кларки, полученные от Гауснера. Когда и как Мартенс понял, что на самом деле ему платит Дорон, не знаю, но это уже факт из его биографии. Для меня важно другое: Гауснер и Дорон нашли общий язык, и с этого момента Аль Почино был обречен. Да и я тоже. Но с каким коварством они действовали! Подожди, Фред, опять этот идет…

— Простите, господа, я хотел бы узнать у вас, какое время показывают мои часы?

— Ваши?! Посмотрите сами!

— Но я не вижу!

— Наденьте очки!

— Но они где-то там, на столе, и я не могу найти их без… очков!

— Фред, не кипятись, он и старше тебя, и глупее, и выпил больше… Сейчас, маэстро, мы все устроим: Жорж, сделай одолжение, помоги джентльмену узнать время на собственных часах.

— Вас понял. Маэстро, сколько можно просить…

— Честь имею, господа!

— Уверен, этот тип работает у Дорона.

— Ты ошибаешься. Генерал не знает о том, что мы здесь.

— А телефон?!

— Три года держать твой номер под контролем? Платить за то, чтобы знать, о чем Линда говорит с приятельницами и как при этом поливает тебя? Чепуха. Так что ты хотел спросить?

— Я хотел бы прежде всего узнать, зачем Гауснер продал Аль Почино тебе, а не сразу Дорону. Наконец, он мог сам выйти на своего бывшего сподвижника, ухлопать его, а скальп передать генералу и вновь заработать! И выгоднее, и проще!

— Проще? Нет, Фред, не проще… Почему, говоришь ты, Гауснер отдал Аль Почино мне? Прежде всего, ему надо было подтвердить наше сотрудничество. Как

ни странно, он заботился о судьбе своей «птички», то есть Дины Ланн, а она была со мной связана. Его, возможно, предупредил об этом Дорон, люди которого засекли возле Ланн нашего Таратуру. Вот Гауснер и боялся, как бы я не перенес свой гнев на его племянницу: он же мерил меня по своим меркам, а мои отношения с людьми по законам своих отношений… Вдобавок с любыми партнерами, при любом раскладе он играл только на себя. Гард одолеет Дорона? Неплохо, государственная мафия слишком опасна. Дорон одолеет Гарда? Одним ретивым комиссаром меньше — тоже неплохо! Вот он и приглядывался, кто кого поборет — слон кита или кит слона. Обычная двойная игра, одним словом. Но, помяни еще мое слово: Дорон его съест! И Фреза тоже. Всякая мафия хочет быть единовластной… Жаль, у Гауснера перед смертью вряд ли останется время понять, кто его прикончил.

— Все равно выпьем за то, чтобы зло наказало зло!

— И стало от такого самосъедения еще сильнее и крепче? Нет, старина, это не выход. Скажу откровенно: я и сегодня еще во многом не могу разобраться, я и сейчас еще не все до конца понял. Какие-то факты связываются в узелочки, какие-то нет, что-то мотивировано, а что-то совершенно нелогично, некоторые события мною объяснены, некоторые — как белые пятна на карте. Но одно я знаю твердо. История не закончена, нет, далеко не закончена!

— Как тебя понимать? Ну, договаривай, коли начал, и перестань загадочно улыбаться. Опять что-то затеваешь? Но зачем? Я понимаю, если бы Рольф все еще был на этой фирме и они продолжали… Ты молчишь? Неужели?!..

— За минувшие годы можно было хоть раз задать себе этот вопрос и самому на него ответить.

— Нынче мы стараемся о многом себя не спрашивать.

— Какое стойкое поколение глухонемых… Что касается фирмы, иди к Жоржу Ньютону и позвони от него по любому из этих телефонов.

— И что?

— Полный порядок, Фред. Заказ уже доставляют на дом. Пара приключений в виде двух доз галлюциногенов, и готово! Сервис! Тебе с гарантией?

— И Рольф процветает?

— А ты как думаешь?

— Я не виделся с ним три года.

— Я тоже, однако все о нем знаю. Надо заботиться о старых друзьях.

— Рольф нуждается в нашей заботе?

— Да. По библейскому принципу: спаси ближнего своего, заблудшего, аки овца!

— Опять… блудит?

— Если гангстеризация науки кому-то выгодна, то она будет продолжаться, и рольфы всегда найдутся. Теперь они затеяли с Дороном новое дело. И какое!

— Какое?

— Будешь много знать, скоро состаришься. Впрочем, скажу: ставят опыты на детях. Береги своего малыша, Фред. Береги!

— Ты все еще копаешь эту историю?

— Прошу простить меня, господа…

— Жорж!

— Честь имею!..

— Пойдем отсюда. Уже восемь.

— Еще минуту. Объясни одно обстоятельство, Дэвид, я не понимаю. Разве они не могли убить Аль Почино, например, по дороге во Дворец правосудия, тем более что его сопровождал сержант Мартенс?

— Могли. Но без того эффекта, которого, кстати, достигли довольно простым и легким путем…

— Ничего себе! В высшей степени замысловатое убийство, ей-богу! Как в кино! Им пришлось монтировать оружие в телекамеру, подговаривать режиссера передачи…

— Андре Пикколи? Да ты забыл, что ли? Это же сын антиквара Мишеля Пикколи, зверски убитого Аль Почино. Зачем его подговаривать? Они сыграли, вероятно, на сыновних чувствах молодого итальянца, и вот он дал команду своему оператору. Более идеальной фигуры для исполнителя и представить трудно!

— И все же… Мартенс по дороге тюкает Аль Почино рукояткой пистолета по башке, и дело сделано! Зачем такой наворот?..

— А затем… Но только это гипотеза! Все произошло на глазах у прессы и телевидения, не так ли? И всем зажали рот, не так ли? А как еще недавно называли нашу прессу и телевидение — шестой «великой державой», не правда ли? Ну вот, они и показали всем журналистам, что с «величием» прессы покончено. Мог ли быть более наглядный и предметный урок? Дошло, надо полагать, до каждого… Жорж, мы уходим!

По пути к дантисту Фред Честер ясно представил себе, как он сидит в стоматологическом кресле, которое с детства вызывало у него, как, впрочем, и у любого нормального человека, первобытные чувства. И тихая паника завладела им, вытеснив все остальное.

— Зачем ты меня тащишь? — скулил Честер. — Посмотри, какие у меня прекрасные зубы!

— Зубы — всего лишь повод для знакомства, — в стиле незабвенного учителя Альфреда-дав-Купера философски заметил Гард. — Подумаешь, вырвут один-два зуба, зато какого замечательного человека узнаешь!

Человек и в самом деле оказался неординарным.

У дантиста Фердинанда О'Виккинга, как представил его Честеру Дэвид Гард, был прежде всего весьма оригинальный вид. Одет он был не в белый халат, как положено врачу, а в обычный костюм, причем щегольского покроя с некоторым уклоном в спортивный. На голове у доктора тоже была не белая шапочка, а бархатный берет, хотя, строго говоря, ему было бы больше к лицу сомбреро, если

принять во внимание его тонкие мексиканские усики над верхней губой, массивный нос, квадратный подбородок ковбоя и большие синие глаза, излучающие ум и иронию. Работал он чисто и быстро, манипулируя инструментами с таким искусством, что его, право, можно было показывать иностранцам, как показывают, например, регулировщика на площади Согласия, артистически владеющего полицейским жезлом и известного всей стране. Честер сидел в кресле с вытаращенными глазами, раскрытым ртом, запрокинутой головой, словом, являл собой обычную в этой ситуации пародию на «человека разумного». Улучив момент, он все же пискнул:

— Сэр, надеюсь, я сохраню свои зубы в целости и сохранности?

— В сохранности — да, в целости — сомневаюсь, — странно ответил дантист.

— Как это понять?

— Один наверняка вскоре придется удалять… Между прочим, все зубы, которые я удаляю, я храню. У меня, с вашего позволения, музей. Музей зубов. Удивительная коллекция! Не угодно ли взглянуть? Так сказать, попробовать на зуб? Ха-ха-ха!

— Увольте, сэр! Откровенно признаться, я в детстве вел дневник, как, вероятно, все пишущие люди, и недавно, наткнувшись на него, обнаружил такую, представьте, запись: «У меня заболел зуб, и я пошел к врачу его вырывать. И вдруг зуб говорит мне по дороге…»

— Зуб? Говорит?! Весьма остроумно. Ну, так что ом вам говорит?

— Он и говорит: «Ты меня не вырывай, а непременно вылечи, потому что после твоей смерти от тебя останусь только я!»

— Ха-ха-ха! Превосходно, господин Честер!.. Ваш зуб станет украшением моей коллекции!

— Только после моей смерти! Долго еще?

— Все, я кончаю, еще минуточку… А насчет зуба не беспокойтесь, такой умный зуб я как-нибудь вылечу.

— Уф! Я вам искренне признателен… Дэвид, я как-то должен?..

— Глупости, ни в коем случае! У нас совсем иные отношения. Позвольте откланяться, сэр, я благодарю вас за помощь, оказанную моему другу. Что касается наших с вами забот, то ждите моего звонка и ни о чем дурном не думайте. До встречи.

— До встречи, господин Гард. Всего доброго, господин Честер.

— Ну, как тебе сэр Фердинанд? — осведомился Гард уже в машине.

— Вполне квалифицированный дантист и, кажется, достойный джентльмен. Однако я хотел бы знать, зачем ты все же привел меня к нему? Мои зубы действительно были «поводом для знакомства» — да?

— Ты прав, Фред. Но попробуй угадать.

— Кто же он? Ты так хитро улыбаешься, что можно подумать, твой дантист по меньшей мере Папа Римский!

— Скажу, скажу. Только без лишних эмоций, Фред, потому что я за рулем, и мы

можем во что-нибудь врезаться. Договорились?

— Не тяни, Дэвид!

— Это… Фредерик Грель! Не понял? Клиент Рольфа Бейли! Последний, оставшийся в живых!

— Гангстер?! Не может быть!

— Да. Он. Я все же нашел его, а теперь берегу, как очень нравственная девица может беречь свою невинность, если до свадьбы остается три дня! Он — мое единственное пока и реальное доказательство!

— Что же ты задумал?

— Ничего нового. Продолжаю борьбу.

— Но ведь надо еще уговорить этого Фердинанда… то есть Фредерика! Или ты уже уговорил его?

— Для успешной борьбы, Фред, мне нужно перо! Что ты на это скажешь? Я могу на тебя рассчитывать?

— Опыт показывает, к сожалению, что не очень.

— Благодарю за откровенность… Но хоть молчать ты будешь?

— Дэвид!

— Что — Дэвид? В этом мире все продается и покупается, Фред, все молчащее говорит, а все говорящее способно умолкнуть. Ты не лучше других. Подожди… Что там кричит газетчик на перекрестке?

Гард притормозил машину, и к ней тотчас устремился газетчик-араб, одетый в оранжевый, как у дорожника, жилет.

— Сенсационное убийство Христофора Гауснера! Глава мафии прикончен лазером! Катастрофа при перевозке диоксина…

Гард выхватил газету.

— Дорон? — шепотом спросил Честер.

— Судя по почерку — он!

Некоторое время они ехали в задумчивом молчании. Со страницы упавшей на колени газеты на них безмолвно смотрело такое знакомое, такое памятное лицо Христофора Гауснера, просто старого человека, просто дядюшки, каким его знала Дина Ланн.

— Ныне и присно, и во веки веков… — скомкав газету, тихо проговорил Честер.

— Не передумал? — резко спросил Гард.

— Ах, Дэвид! Ради чего все? И Дорон умрет, и его место займет другой генерал, и все будет крутиться по-прежнему, пока стоит этот мир…

— Но каждый должен возделывать свой сад, как сказал один старый мудрый философ.

— Вот и я его буду возделывать… У меня сын. Сын, понимаешь?! Кстати, знаешь, как я его назвал?

— Как?

— Дэв. Двойным именем: Марк-Дэвид. Марк — отец Линды…

— Счастья ему… Мне проще, у меня нет сына. Ну, вот уже и твой дом, твоя Линда, твоя семья…

— Прощай, Дэв. И спасибо!

— Прощай, Фред. Береги сына.

«Мерседес» медленно тронулся с места, кровавый свет задних огней машины еще долго стоял перед глазами Честера. Под конец он расплылся.

«Я плачу?» — спросил себя Честер. Заморосил дождь. Фред поднял воротник, постоял немного, затем тихо вошел в светлый и теплый подъезд своего дома.